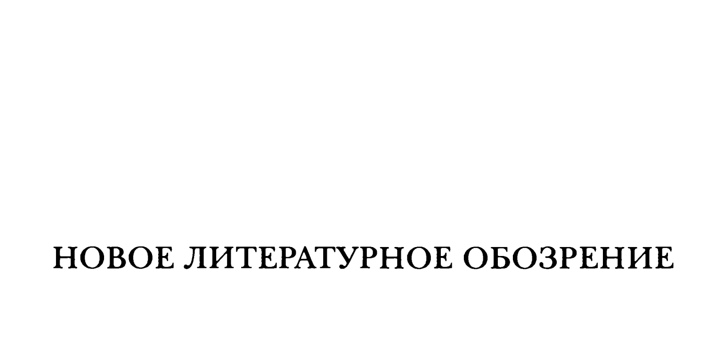
Жюльет Кадио

Лаборатория империи: Россия/СССР, 1890 – 1940

История науки

Книга посвящена влиянию российских ученых (статистиков, этнографов и специалистов по демографии) на практики управления империей и разнородную динамику жизни составляющих ее народов в переломные полвека истории – от эпохи контрреформ Александра III до предвоенного сталинского террора. Автор исследует вклад обществоведов в формулировку критериев этнической идентичности (от языкового до хозяйственно-географического) в эпоху национального пробуждения и коренной ломки прежнего...

Новое
Литературное
Обозрение

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Juliette Cadiot

LE LABORATOIRE IMPERIAL:

RUSSIE- URSS, 1860—1940

Paris
CNRS Éditions
2007

Жюльет Кадио

ЛАБОРАТОРИЯ ИМПЕРИИ: РОССИЯ / СССР, 1860—1940

Москва
Новое литературное обозрение
2010

УДК 314.156(47)(091)"1890/1940"
ББК 60.73(2)-34
К13

Publiè avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique (CNRS) – Centre d'etudes des mondes russe, caucasien et centre-europeen.

Кадио Ж.
К 13 Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860–1940 / Пер. с фр. Э. Кустовой. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 336 с.

Книга посвящена влиянию российских ученых (статистиков, этнографов и специалистов по демографии) на практики управления империей и разнородную динамику жизни составляющих ее народов в переломные полвека истории – от эпохи контрреформ Александра III до предвоенного сталинского террора. Автор исследует вклад обществоведов в формулировку критериев этнической идентичности (от языкового до хозяйственно-географического) в эпоху национального пробуждения и коренной ломки прежнего общественного строя. Взаимодействие науки и политики детально изучено на примере организации всеобщих переписей 1897, 1926, 1937 и 1939 годов и обработки/осмысления их материалов. Ж. Кадио показывает, что изменения в отечественном «нациоведении» после 1917 года выражали не только устремления новой власти, но и бурное развитие федерализма и национальных культур на местах, а также наследие прежних академических и административных традиций.

УДК 314.156(47)(091)"1890/1940"
ББК 60.73(2)-34 + 63.3(2)-38

ISBN 978-5-86793-821-5

ВВЕДЕНИЕ

> Ибо «национальные меньшинства», по его понятиям, были не что иное, как большие сообщества «революционных субъектов». Ему даже казалось, что эти «субъекты» размножаются каким-то противоестественным, несвойственным человеку образом. Окружному начальнику было совершенно ясно, что «благонадежные элементы» становились все менее плодовитыми и все меньше производили потомства; это доказывала и статистика переписей, в которую он иногда заглядывал.
>
> *Йозеф Рот. Марш Радецкого*[1]

В этой книге рассматриваются способы идентификации и определения индивидов по национальному признаку и рассказывается о том, как национальность превратилась в новый инструмент государственного управления. Проводя политику русификации или принимая меры по защите прав национальных меньшинств, политические лидеры действовали под влиянием одной и той же идеи — уверенности в существовании и важности этнической принадлежности, также исходя из убеждения, что заниматься ею следует государству. Анализируя процессы формирования национальных идентичностей в Российской империи и Советском Союзе со второй половины XIX века и до Второй мировой войны, мы будем изучать генезис и организацию территорий и их населения в соответствии с национальной принадлежностью, а также то, каким образом политики, ученые и индивиды определяли, пересматривали и конструировали эту принадлежность.

Окружной начальник фон Тротта, герой романа Йозефа Рота, жил в империи, соседней с Российской, — в монархии Габсбургов. Мы выбрали этот эпиграф, желая с самого начала поместить наш рассказ в европейский кон-

текст начала XX века — эпохи заката империй и перекройки политической карты континента в соответствии с «национальным принципом». Употребляемая Й. Ротом демографическая метафора *стремительного размножения* меньшинств и упоминание переписей населения подводят нас к ключевой задаче этого исследования. Его целью является понять — путем анализа того, каким образом учитывалась национальная принадлежность индивидов, — историю строительства имперского и советского многонационального здания. В этой книге изучаются процессы, которые за сравнительно небольшой промежуток времени привели к переходу от дореволюционного социума, в котором индивиды по-разному определяли себя в зависимости от своей национальности (по крайней мере, в том, что касалось отношений с государством), к советскому обществу, все члены которого должны были знать свою национальность, фигурировавшую в удостоверениях личности.

Долгосрочная перспектива (переход от имперского к сталинскому обществу), масштаб которой сопоставим с человеческой жизнью, позволяет подчеркнуть быстроту процесса определения и пересмотра идентичностей в период политических потрясений.

Наш рассказ начинается со второй половины XIX века — эпохи, когда понятия национальности и этничности были еще расплывчатыми, нестабильными и плохо определенными как в научном, так и в административном обиходе. Кроме того, существовали целые регионы, население которых еще не привыкло определять себя по национальному признаку, предпочитая конфессиональный, локальный или сословный критерий. Тем не менее уже в ту эпоху постепенное распространение получали практики учета этнической принадлежности; они служили как для отражения национального многообразия империи, так и для проведения дискриминационной политики.

Стратификация дореволюционного и советского общества опиралась, главным образом, на социальные различия. Сословия, а затем классы позволяли выработать

классификацию и иерархию индивидов: если в одной системе привилегированное положение занимали дворяне, то в другой им пользовались пролетарии. Национальная принадлежность — значение которой нередко недооценивается — также была важным параметром, обеспечивавшим индивидам покровительство со стороны государства или, наоборот, лишавшим их такового. За годы, прошедшие с момента крушения Советского Союза, роль национального фактора в советскую и дореволюционную эпоху подверглась переоценке. Благодаря открытию архивов стало возможным восстановить малоизвестную ранее историю формирования федерации, основанной на признании этнического многообразия страны, и эпизодов массовых репрессий в отношении отдельных национальностей[2]. Несмотря на то что в основе советской системы лежал принцип классовой борьбы, СССР проводил оригинальную национальную политику и использовал национальные идентичности в качестве одного из излюбленных инструментов государственной политики. Подобно классовой принадлежности, национальность определяла положение индивида внутри советского общества, будучи поводом для позитивной дискриминации или причиной пристального надзора и преследований.

Современные исследователи порвали с историографической традицией, которая считала, что в СССР критерий национальной принадлежности был изначально уничтожен, и стали анализировать советскую национальную политику в качестве тактики, направленной на разделение страны во имя усиления социального и политического контроля[3]. Эти исследования показали, что большевики не только не боролись с национальными чувствами, но отличались настоящей «этнофилией», приписывая и территориям, и индивидам ту или иную национальную принадлежность, которая бы определялась и гарантировалась государством[4]. В последние годы историки неоднократно подчеркивали важность мер, направленных на защиту нерусских народов. В результате большеви-

ки начали представать в роли строителей наций, которые затем обретут независимость в 1991 году.

Неудивительно поэтому, что в заглавии ряда важных исследований, посвященных этим вопросам, для обозначения СССР используются такие выражения, как «государство наций» и «империя наций»[5]. Опираясь на классические труды, посвященные возникновению западных национальных государств, их авторы продемонстрировали, что большевики толкали жителей СССР к тому, чтобы идентифицировать и вести себя в качестве советских граждан и одновременно — как русских, украинцев, башкир, казахов и пр. Научные и административно-полицейские инструменты (соответственно, переписи населения и занесение национальности в паспорт) служили, таким образом, как для проведения репрессивной политики, так и для внедрения национальной идентичности в сознание каждого жителя Советского Союза.

Подчеркивая масштабы советской политики в этой области, эти исследователи, однако, редко обращались к дореволюционному периоду — времени, когда конфессиональная и этническая принадлежность индивидов определяла их место в иерархии царских подданных. Они рассматривали политику большевистских лидеров, в первую очередь Ленина и Сталина, в качестве проявления удивительной политической интуиции или примера модернизации сверху. Такая позиция вела к преувеличению роли идеологии и государства в процессах конструирования идентичности и мешала им представить нюансированное видение процессов, начавшихся *до* момента разрыва — еще задолго до 1917 года. Забытыми оказались дореволюционные политические противоречия и конфликты, связанные с вопросами правового равенства народов и территориальной автономии, а также, например, опыт независимости, достигнутой некоторыми народами в годы революции и Гражданской войны[6]. В этом исследовании мы стремились порвать со свойственной историографии дихотомией и рассматривали имперскую и советскую историю как континуальный процесс[7]. Это позволило

осознать значение дискуссий о национальных противоречиях, понять роль дореволюционных социальных практик, основанных на этничности, а также их влияние не только на партийное руководство, но и на все общество. Мы уделили особое внимание компромиссу между лидерами большевиков и обществом, травмированным революциями и войнами, особенно в том, что касается вопросов прав национальностей и местной автономии. В Российской империи национальные и этнические идентичности превратились в одно из главных объяснений политических трудностей, с которыми сталкивалась страна, прежде всего, в приграничных регионах и областях с преобладанием нерусского населения. Первая мировая и Гражданская войны привели одновременно к этническим депортациям и приходу к власти в ряде регионов лидеров национальных движений. Большевикам в итоге удалось – путем репрессий, давления, а главное, с помощью сложных переговоров и соглашений – объединить под своей властью значительную часть территорий, входивших ранее в состав империи[8]. Опубликованные в последние годы исследования, посвященные отдельным регионам, выявили влияние, которое оказали на выработку общей политики меры, принимаемые на периферии. Как оказалось, эта общая политика не столько осуществлялась согласно заранее выработанному плану, вдохновляясь определенной теоретической схемой, сколько формулировалась методом проб и ошибок и носила прагматический характер[9]. Как это отлично показал Терри Мартин, по окончании Гражданской войны советское государство начало проводить активную и оригинальную политику позитивной дискриминации в отношении представителей национальных меньшинств[10]. Эта сложная и необычная политическая модель, признававшая различия между культурами и обеспечивавшая привилегированное положение национальным элитам, позволила сохранить значительную часть бывшей территории царской России. Внимательное отношение к политическим ожиданиям относительно самоуправления в соответствии с нацио-

нальными обычаями и интересами (а эти ожидания вполне проявились накануне и в период революции) было основополагающим для советского опыта, по крайней мере в 1920-е годы.

Но не менее важной для имперской и советской практики в моменты кризиса была тенденция строить оценку гражданских качеств и лояльности на основе этнической принадлежности индивидов. Подобно категориям, отражавшим, как считалось, принадлежность к определенным социальным классам, некоторые национальные критерии стали играть в политических репрессиях ключевую роль (в условиях, когда геополитические противоречия в сочетании с национальными притязаниями приводили к делегитимизации целых групп населения). Окруженные всеобщим недоверием, эти группы в конце концов становились жертвами депортаций и убийств. Регулярно, особенно во время войн, жертвами репрессий становились нерусское население приграничных районов и представители диаспор (то есть народы, поддерживавшие связи с соплеменниками, жившими по другую сторону границы). Открытие архивов позволило по-новому оценить размах репрессий, обрушившихся на некоторые народы начиная со второй половины 1930-х годов. В период Большого террора жертвами массовых чисток, осуществлявшихся по «национальной линии», стали не только иностранцы, но и те советские граждане, чье происхождение связывало их с враждебными странами (Германией, Польшей, Финляндией, Болгарией, Румынией, Грецией и др.)[11]. Смена курса в советской национальной политике, о которой пойдет речь в этой книге, до сих пор отчасти остается загадкой. Но и за репрессиями, и за мерами в поддержку национальностей стоит одно и то же внимание к национальному фактору в развитии страны; и репрессивная и поощрительная политика опирались на схожие практики определения национальной принадлежности. Кроме того, они отражают влияние, которое оказывало на руководство и население СССР международное и геополитическое окружение: напомним о характерном для

того периода внимании к принципу защиты национальностей (под воздействием Лиги Наций), а главное, о давлении со стороны нацистской Германии, со второй половины 1930-х годов требовавшей пересмотра границ в соответствии с этнической и расовой принадлежностью населения соответствующих территорий.

В последние годы ряд важных работ[12], вышедших, прежде всего, во Франции[13], был посвящен таким вопросам, как переписи, а также административный и полицейский учет населения. Их авторы подчеркивают важность практик идентификации и классификации населения, а также их последствий на уровне как государства, так и самоопределения индивидов. Некоторые исследования были посвящены Советскому Союзу — чрезвычайно интересному примеру централизованного, но беспорядочного управления населением с помощью вездесущей администрации и политической полиции[14]. Свидетельством «образцового» характера советской политики в этой области служит тот факт, что национальность являлась обязательным параметром при проведении переписей, а затем и при выдаче удостоверений личности.

Анализ работы «специалистов по национальностям» позволяет не только познакомиться с российской и советской концептуализацией национальной принадлежности, но также увидеть участие ученых в выработке оригинальной политической модели «управления» национальными различиями. Роль социальных наук в строительстве советского государства уже неоднократно подчеркивалась исследователями. Советский режим считал себя правительством экспертов, действовавшим во имя ускоренной модернизации общества. Этнографы и статистики, о которых пойдет речь в этой книге, принимали в этом немаловажное участие: они поставили на службу новому режиму свою науку и инструменты анализа, выработанные в дореволюционную эпоху. В описываемых здесь процессах специалисты в области социальных наук играли очень существенную и в то же время парадоксальную роль. Руководствуясь специфическими концепциями общества и

культуры, а также обновляя с помощью современных научных методов административные подходы, они накладывали отпечаток на реформаторские усилия государства. Их участие, однако, носило двойственный характер. Вопреки авторитетной ныне установке, предполагающей, что специалисты по социальным наукам всегда являлись проводниками антидемократической модели современности (*modernity*), ставившими сциентистские утопии на службу полицейскому государству[15], изучение русских этнографов и статистиков показывает, что позиции этих ученых существенно *ослабевали* в периоды наибольшего размаха государственных репрессий. Их стремление к автономии вступало в конфликт со всеведущей властью, которая претендовала на окончательное решение проблем, анализируемых учеными[16].

Участие статистиков и этнографов в тогдашних дискуссиях о национальностях структурировало советский подход к анализу этнических идентичностей. Изучение работы ученых позволяет, таким образом, осветить совсем иной аспект имперского и советского строительства. Сталкиваясь с объектами своего анализа, ученые рисуют противоречивую картину явлений, связанных с идентичностью. Пытаясь добиться соответствия между используемыми ими категориями анализа и собственными идентификациями индивидов, они в итоге стали отражать сложный, неустойчивый, изменчивый характер этнической принадлежности. Изучение переписей представляет поэтому исключительно важное исследовательское поле, позволяющее услышать голоса молчащих, разглядеть сопротивление или участие населения в осуществляемой государством выработке категорий.

Использованные здесь архивные материалы позволили выйти за рамки концепции, согласно которой всемогущее и волюнтаристское государство в союзе с наукой исключительно навязывало в СССР сверху те или иные формы общественной организации. С их помощью мы смогли углубить наши знания о том, как функционировало и ут-

верждало свою власть российское государство, прибегая то к гибкой, то к чрезвычайно грубой и репрессивной политике.

В первой главе мы опишем первые дискриминационные меры в отношении этнических групп, политическая лояльность которых ставилась под сомнение царской армией и администрацией. Начиная с 1860–1880-х годов в России все более широкое распространение получала форма правления, осуществляемая исходя из этнической и конфессиональной принадлежности индивидов; она оставалась в силе и после революции 1905 года. Одновременно мы рассмотрим проекты реформаторов, стремившихся (и в то же время опасавшихся) сильнее вовлечь в функционирование государства имперских подданных, особенно нерусское население окраин.

Во второй главе рассказывается об истории учета населения империи и отражения его этнического многообразия. И то и другое было теснейшим образом связано с масштабной научной работой, осуществлявшейся на международном уровне; ее целью было определение национальностей с помощью статистических методов учета. Во второй половине XIX – начале XX века ученые пытались выработать определения национальности и создать инструменты, которые позволили бы с точностью устанавливать ее на уровне индивидов. Под влиянием националистических движений перед такими империями, как Россия, Германия и Австро-Венгрия, встал вопрос о народностях и их правах на территорию, о политическом представительстве и государственной защите. Ученые принимали участие в общественных дебатах, надеясь с помощью научной объективности восстановить мир и деполитизировать национальные противоречия.

В третьей главе речь пойдет о первой и единственной всеобщей переписи населения, состоявшейся в Российской империи в 1897 году. Мы обратим особое внимание на волнения и беспорядки, вспыхнувшие в связи с переписью в нерусских районах империи. Это позволит нам увидеть сложный характер требований, связанных с кон-

фессиональной и национальной идентичностью в конце XIX века. В результате переписи в политическом дискурсе и практиках получила распространение репрезентация империи в виде совокупности множества мелких национальных организмов, над которыми господствовало слабое большинство русских (к которым официальная идеология причисляла также белорусов и украинцев).

После революции 1905 года широкое распространение «национального вопроса» во всех его вариантах (польском, еврейском, мусульманском, украинском и пр.) привело к укреплению новой иерархии царских подданных. Несмотря на то что до 1917 года с правовой точки зрения общество по-прежнему было организовано по сословному и конфессиональному принципу и в масштабах империи не проводилось общей (административной) регистрации национальности, при оценке поведения индивидов как граждан, в частности в избирательных законах, стал преобладать этнический критерий[17].

В пятой главе рассказывается о группе этнографов, сыгравших важную роль в советский период, но выработавших методы анализа и понятийный аппарат, в частности определение этничности, еще в политическом контексте последних лет империи. В момент, когда самодержавию бросили вызов различные революционные движения и в полный голос зазвучали призывы национальных, сепаратистских и более умеренных движений, требовавших равных прав для всех народов империи, вспыхнули дебаты о том, как реорганизовать страну, чтобы учесть присутствие национальных меньшинств и гарантировать соблюдение их прав. Активное участие в этих дискуссиях принимали этнографы. Несмотря на свое несогласие с большевиками, во имя государственной преемственности и высших интересов науки они поставили свои знания на службу новому режиму.

В шестой главе речь пойдет о том, как осуществлялись после установления советской власти подсчет национальностей, их закрепление за более или менее этнически однородными территориями и продвижение местных

элит. С провозглашением права народов на самоопределение и решением гарантировать национальным меньшинствам территориальные и юридические права сама принадлежность к той или иной народности приобретала особое значение. Эта серия политических мер, призванных сформировать национальные территории, элиты, культуры и сознание, позволила выстроить «советский мультинационал» в достаточно близкой к национальным государствам форме[18]. В целом правительства национальных государств всегда стремятся воспитывать граждан с развитым национальным сознанием — патриотов, объединенных общим языком, историей, традициями и обычаями. Отличие от европейских стран заключалось в том, что в СССР нерусскому населению предлагалось идентифицировать себя сразу с двумя национальностями: и с «этнической» принадлежностью, и с советским гражданством.

Седьмая глава посвящена первой советской всеобщей переписи (1926) и процессам, направленным на то, чтобы обеспечить совпадение ощущаемых индивидами идентичностей — носящих порой расплывчатый, местный и неустойчивый характер — и национальных категорий, вырабатываемых учеными и институционализируемых государством. В ходе переписи возник широкий диалог между индивидами, представителями меньшинств, национальных республик и учеными из центра. Хотя официальный перечень советских народностей составлялся московскими статистиками при участии этнографов, его авторы достаточно внимательно подходили к просьбам о внесении в него того или иного народа. Так на свет появился список из 198 народностей, получавших таким образом право на защиту со стороны государства.

В последней главе, посвященной 1930-м годам, анализируется эволюция учета национальности государственными органами, милицией и статистиками. За введением единого удостоверения личности — внутреннего паспорта — последовал ряд мер, целью которых было гарантировать, что регистрация национальности будет опираться

не на заявление самого заинтересованного лица, а на его происхождение, устанавливаемое под контролем НКВД[19]. К началу Второй мировой войны все жители СССР, получившие паспорта, были снабжены одной, не подлежащей изменению национальностью. Именно тогда и были организованы массовые репрессии по национальному принципу. Одновременно вводилась также новая иерархия национальностей. В ходе переписей 1937 и 1939 годов, в результате прямого давления властей существенному сокращению подверглось количество признаваемых центром национальностей и была установлена новая иерархия наций — «нормальных» советских национальностей и народов диаспоры, подвергаемых репрессиям со стороны режима.

Глава 1

ИМПЕРИЯ: ИНТЕГРАЦИЯ, ДИСКРИМИНАЦИЯ, КОЛОНИЗАЦИЯ

Империя Романовых традиционно называла себя «российской», предпочитая этот термин прилагательному «русская» с его этническими коннотациями. Тем не менее к моменту, с которого начинается наше исследование, здесь уже возникла национальная идеология[1]. Она нашла выражение в провозглашенном в 1833 году принципе «самодержавия, православия, народности»; сочетание трех элементов этой доктрины должно было позволить всем обитателям России составить единое целое, где доминировала русская культура[2]. Русские националисты не видели ни малейшего противоречия между выдвижением на первый план «русскости» и существованием огромной империи. Напротив, они рассматривали долгую историю завоеваний, шедших с XVI века, в качестве одного из отличительных элементов русского национального характера[3].

В середине XIX века формирование Российской империи не было завершено: после долгих войн был покорен Кавказ, в то время как завоевание Средней Азии еще продолжалось. Области империи и их население управлялись по-разному, и к различиям в территориальных режимах добавлялась характерная для сословного общества пестрота личных статусов. На периферии европейской и азиатской части России действовали особые административные режимы. Реформаторы второй половины XIX века предприняли попытки упорядочить это разнообразие путем, в частности, унификации административной и юридической системы центральных губерний и распространения ее действия на окраины. После отмены крепостного права в 1861 году они попытались интегрировать

не только крестьян, но и обширные периферийные зоны, в которых действовали иные, нежели в центральных районах, административные и юридические порядки[4]. Создание выборных земств и городских дум позволило более широким слоям населения принять участие в общественной жизни. Распространение этой системы на окраины осуществлялось постепенно, и в 1917 году этот процесс еще не был полностью завершен[5]. Схожей была ситуация и с новыми судебными органами, возникшими в 1860-е годы. Вводя в 1874 году принцип всеобщей воинской повинности, император Александр II стремился добиться не только социальной унификации (делая воинскую службу обязательной для дворян), но и сглаживания этнической разнородности. Военный министр Д.А. Милютин считал всеобщую воинскую повинность лучшим способом уменьшить этнические различия и объединить все силы государства во имя достижения общей цели[6]. Эти и подобные меры, к которым в 1905 году добавилось участие населения окраин в думских выборах, свидетельствовали, казалось, о том, что Российская империя приближается к модели единого, цельного государства, построенного по принципу многонациональной державы.

Парадоксальным образом религиозные и этнические различия вышли на передний план и стали источником проблем именно в ту эпоху, когда имперские власти пытались усилить социальную и территориальную интеграцию государства путем отмены крепостного права, введения всеобщей воинской повинности и реформ в области образования[7]. Противоречие между стремлением государства к интеграции и особым вниманием к этническим различиям нашло выражение в ряде мер и практик, описывавших и дискриминировавших царских подданных на основе конфессиональных, этнических и территориальных критериев.

В 1863 году на территории бывшего польского королевства, частично включенного в состав Российской империи в конце XVIII века, вспыхнуло новое восстание. Оно заставило осознать потенциальную опасность для России

националистических сепаратистских движений[8]. Начиная со второй половины XIX века, и особенно с приходом к власти императора Александра III, культурные различия стали предметом самого пристального внимания. Проекты распространения русского языка и судебно-административной системы за пределы внутренних губерний включали в том числе дискриминационное измерение, особенно в случае западных окраин империи. Вскоре для обозначения этой политики стал использоваться термин «русификация»: речь шла о попытках превратить русский язык в единственный язык государственного управления, запретить использование некоторых языков в публичной сфере, а также о дискриминационных мерах в отношении неправославного или нерусского населения[9].

Приписываемый Александру III девиз «Россия для русских» был важным для правительственных кругов и общественности лозунгом. В начале XX века осознание того простого статистического факта, что русские (включая белорусов и украинцев) составляют лишь 56% населения России, в то время как 44% приходится на «инородцев», послужило новым аргументом в дискуссии о реформах. Вопрос места, отводимого инородцам в конструируемой империи, стал ключевым.

Эта политика свидетельствовала об усилении дихотомии между русским и нерусским населением империи.

Русификация пространства

Российская империя традиционно прибегала к политике «умиротворения» на границах путем отселения местных жителей и заселения пограничных районов военными, казаками и колонистами-крестьянами. Но во второй половине XIX века «усиление русского элемента» стало эксплицитной целью колонизации земель: теперь речь шла о том, чтобы способствовать не только замирению и развитию окраин, но и их «обрусению» за счет притока православного населения из центральных губерний.

В некоторых случаях усиление «русского элемента» означало также депортацию местного населения за пределы недавно присоединенных земель и предоставление русскому населению привилегий в вопросах, связанных с владением и использованием сельскохозяйственных земель.

Присоединенные в конце XVIII века в результате разделов Польши области были поделены на Западный край и царство Польское, в 1874 году переименованное в Привислинский край. Территории Западного края, населенные преимущественно украинцами, белорусами и евреями, были объявлены историческими русскими землями, а украинцы (малороссы) и белорусы причислены к великому русскому «племени». После польских восстаний 1830–1831, а главное, 1863–1864 годов государство стало усиленно бороться с «полонизмом»[10]. Секретный указ, принятый в мае 1865 года, запрещал полякам покупать земли в Западном крае; часть из этих земель была конфискована у шляхты, наказанной таким образом за участие в восстании. Это был первый указ, направленный против лиц «польского происхождения» (а не католиков, как раньше). В 1868 году полякам из царства Польского было запрещено селиться в Западном крае и Бессарабии[11], причем запрет распространялся и на мужчин, женатых на польках. Польское происхождение было трудно установить: в отличие от вероисповедания и сословия, фигурировавших во всех административных документах, оно нигде специально не указывалось. Но фамилия и хорошее знание местными чиновниками окрестных жителей позволяли компенсировать недостаток информации. Эта дискриминация привела к существенному сокращению польского землевладения на территории Западного края. В 1875–1914 годах киевские, волынские и подольские губернаторы в ежегодных отчетах указывали количество десятин, приобретенных русскими, и представляли сравнительные статистические данные по польскому и русскому землевладению[12]. Они с гордостью говорили о расширении «русской», то есть принадлежащей русским помещикам, земли. Запрет на покупку и аренду земель в

западных губерниях распространялся и на евреев. Со времен Екатерины II (и еще более систематично с 1835 года) еврейскому населению западных районов империи запрещалось покидать черту оседлости[13]. Только небольшой части евреев удавалось воспользоваться возможностями «выборочной интеграции», проникнуть в имперскую иерархию и получить доступ к социальной и географической мобильности[14]. В целом евреи подвергались чрезвычайно сложному комплексу дискриминационных мер. В 1882 году им было запрещено селиться вне городов и местечек даже внутри зоны оседлости[15]. В 1890-е годы ограничения на владение землей были распространены на восточные области. Даже когда в 1905 году полякам было вновь разрешено покупать земли в западных губерниях, дискриминация в отношении евреев сохранилась на всей территории империи[16].

В тех областях, где дискриминационные практики получили наиболее широкое распространение, был рано начат сбор сведений об этническом составе населения и территорий. Можно говорить, например, о настоящей статистике «полонизма». Губернаторы обращались к своим сотрудникам или членам этнографических ученых обществ с просьбой составить точные списки народностей, проживавших во вверенных им губерниях. Так, бессарабский губернатор П.И. Федоров предложил знаменитому статистику П.И. Кеппену провести локальное обследование района, который, как он боялся, мог попасть под польское влияние. В 1896 году статистический отдел Варшавского генерал-губернаторства располагал информацией о языке, на котором говорил каждый житель Сувалкской губернии[17]. Сбор — хотя и хаотичный — сведений об этническом составе населения и его расселении подпитывал колониальные практики, направленные на заселение русскими все более широких территорий. Готовя перепись 1897 года, ее организаторы подчеркивали, что благодаря изучению народов империи она сможет выявить «продвижение русских земель»[18].

Колониальная политика и перекройка этнографической карты

В среднеазиатских областях, присоединенных во второй половине XIX века и еще не имевших точно определенного административного статуса (колония или имперская провинция), переселение колонистов из центральных губерний сопровождалось откровенно колониальной риторикой. Уже в 1870-е годы первый туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман собирался «цивилизовать» эти территории путем не только внедрения европейских «хороших манер» и культуры, но и «изменения этнографической карты» региона. В 1886 году его преемник Н.О. Розенбах понимал под русификацией главным образом массовый приезд колонистов из европейских губерний[19]. Отмена крепостного права и его последствия, демографический рост, развитие путей сообщения и голод начала 1890-х годов в европейской части страны подтолкнули правительство Александра III, а затем Николая II к серии мер, направленных на аграрную колонизацию южных и восточных окраин. В 1889 году усилия по координации и организации миграций – до тех пор носивших более или менее спонтанный характер и контролировавшихся на региональном уровне – впервые поднялись до уровня центра с принятием закона «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли»[20]. А в 1896 году регулированием миграций уже занимался специальный отдел, созданный при Министерстве внутренних дел (МВД).

В Киргизскую степь, на Кавказ и в Туркестан посылались статистики и картографы, которые должны были выявить свободные земли, не использовавшиеся или «избыточно» использовавшиеся кочевниками[21]. В начале XX века, несмотря на сложности, встречаемые на местах, переселения приняли массовый характер. Развитию переселенчества активно способствовал министр внутренних дел и председатель Совета министров П.А. Столыпин, который видел в нем возможность решить земельный вопрос в центральных русских губерниях[22].

В 1896—1906 годах в южные степи прибыло 803 855 новых колонистов. В 1914 году в Туркестане проживало 450 тыс. европейцев. На Кавказе в 1870—1900 годах количество переселенцев выросло с 30 до 800 тыс.[23]

В ходе колонизации учитывалась этническая принадлежность колонистов. В результате принятых в 1890-е годы мер к заселению свободных земель на Кавказе и в Киргизской степи были допущены только «православные колонисты русского происхождения». С 1892 года право приобретать землю и недвижимость в Туркестане имели лишь российские подданные христианского вероисповедания, а также местные жители, в том числе евреи, при условии, что они проживали здесь «с незапамятных времен»[24]. К участию в колонизации допускались, таким образом, только подданные империи, за исключением жителей соседних районов, татар и евреев. Начиная с 10 июня 1903 года в Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областях могли селиться только «православные сельские обыватели и мещане» русского происхождения и родом из европейских губерний России. Членам некоторых раскольнических сект, запрещенных в других областях, также разрешалось селиться в Средней Азии[25].

На протяжении 1860-х годов подавление восстаний на Западном Кавказе и окончательная интеграция этого региона в империю сопровождались выселением (в локальных случаях принимавшим форму депортации) более 450 тыс. кавказцев, большинство из которых нашли убежище на территории соседней Османской империи. Одновременно шла передача «освобождающихся» земель новым владельцам; ее целью было помешать возможному возвращению бывших жителей. В то время как укрепление границ путем выселения сопротивляющихся интеграции общин и их замены колонистами (нередко солдатами и казаками) было частью имперской традиции, размах депортаций, их спланированный характер и тенденция к более точному определению этнического профиля колонистов представляли собой новые черты[26]. Стремясь способствовать экономическому развитию завоеванных тер-

риторий, имперские власти вначале не препятствовали переселению на Кавказ греческих, армянских, грузинских и немецких колонистов. Но в 1897 году специальные указы гарантировали доступ к землям Закавказья и Северного Кавказа и право на государственную помощь исключительно православным русского происхождения[27].

Законодательные акты, посвященные колонизации новых земель, свидетельствовали об изменениях в имперской идеологии. Начавшись с польских губерний, дифференциация между русскими и прочими народами распространилась на Кавказ и степи Средней Азии. Она обуславливала более четкое (по сравнению с прошлым и с ранее присоединенными землями) определение отношений между господствующей нацией и остальными народами.

Вопрос идентификации «русского подданного» оставался, однако, до конца не решенным. Столыпин, в то время министр внутренних дел, размышлял в связи с этими мерами о трудности определения русского иначе, чем как православного, носящего русское имя и являющегося уроженцем центральных губерний[28]. Большинство среди колонистов составляли славяне, но из их числа были исключены поляки; кроме того, в этом процессе не участвовали евреи.

В международном колониальном контексте, характеризовавшемся дискриминационными практиками, постепенно вырабатывалось определение «русского» — того, кто имел право переселяться на восток, получать государственную помощь колонистам и кто, как предполагалось, хранил верность царю в этих пограничных районах. Эта политика обуславливала различные уровни гражданства и защиты со стороны государства, теперь уже не только на основе сословной принадлежности, пола и вероисповедания, но и (не)русского происхождения. В ходе обсуждения этого вопроса в правительстве именно под предлогом недостаточного гражданского духа и гражданских «способностей» ряд народов чуть было не был лишен права участия в парламентских выборах[29]. Различия, ос-

нованные на этническом признаке, отсылали к дихотомии между полноправными подданными и «туземцами», которую можно сопоставить с колониальными практиками европейских государств того времени[30]. В своих политических размышлениях губернаторы колонизируемых областей, прежде всего в Средней Азии и на Кавказе, открыто обращались к французскому и британскому опыту управления населением[31].

Дискриминация при найме

Землепользование было отнюдь не единственной сферой, в которой проявлялась дискриминация. Во второй половине XIX века, с ограничением или даже запретом представителям некоторых категорий неправославного населения занимать должности в армии, администрации и учебных заведениях, некоторые традиционные механизмы имперской интеграции начали давать сбои. Подчинение автохтонных элит имперскому правительству служило гарантией мира на недавно завоеванных территориях. В XIX веке, однако, постепенно возникла сложная система, контролировавшая и ограничивавшая поступление неправославных на военную и гражданскую службу[32]. Возможности для службы в армии и государственном аппарате, занятия выборных должностей и учебы в элитных учебных заведениях были существенно сокращены с введением ограничительных квот, основанных на конфессиональном и национальном принципе.

Секретный циркуляр, подписанный Александром III 25 мая 1888 года по представлению военного министра, предусматривал ряд мер, направленных на установление контроля за деятельностью членов религиозных и этнических общин, которые считались опасными[33]. Две трети из этих мер были новыми. Они отражали социальное функционирование империи и увеличивали количество «ущербных» групп, которые выделялись на основе ставшей важной этнической составляющей. Комбинируя кон-

фессиональные и национальные критерии, имперские власти мыслили в терминах топографии и статистики. Главными жертвами ограничений были «католики, уроженцы царства Польского, западных и юго-западных губерний», а также лица иных вероисповеданий, женатые на католичках и евреи (за исключением караимов)[34]. Ограничительные меры, сформулированные с большой точностью, были чрезвычайно сложны для применения. Так, например, в воинских частях поляки не должны были составлять более 20% офицеров и чиновников. Они не могли служить в артиллерийских полках крепостей, расположенных на территории Кавказа, Европейской России и Варшавского военного округа, а также в частях по обеспечению связи. Ряд мер касался также поступления на службу немцев, шведов, финнов, латышей, эстонцев, уроженцев Финляндии и финнов-иноверцев, в том числе родившихся вне Финляндии, «армян всех вероисповеданий», «всего кавказского туземного населения» и, наконец, всех иноверцев. В армии доля последних не должна была превышать 30% от числа офицеров и чиновников. В некоторых районах запрещалось служить солдатам и офицерам определенных национальностей. Так, представители «кавказского туземного населения» не могли составлять больше одной трети среди офицеров, служивших на Кавказе[35].

Эти меры касались главным образом военной службы. Но уже через год Александр III издал новый указ, направленный против евреев, но затронувший также мусульман[36]: теперь для поступления в коллегию адвокатов иноверцу требовалось специальное разрешение министра юстиции[37]. В том же, 1889 году Министерство путей сообщения, с согласия Военного министерства и МВД, решило создать секретную комиссию, которой было поручено обсудить меры по ограничению числа евреев и поляков, служащих на железных и прочих дорогах западных областей. В результате совещания проблема существенно расширилась. Так, исходя из этнического состава пересекаемых дорогой местностей, по каждой должности низшего

эшелона и каждому участку железной дороги была установлена квота для лиц русского и нерусского происхождения[38]. Кроме того, на территории царства Польского только православные русского происхождения имели право поступать на государственную службу, требовавшую контактов с униатами (католиками православного обряда)[39]. В 1895 году католикам, полякам и лицам, женатым на польках, был запрещен доступ к ряду должностей[40]. Некоторые из этих запретов оставались в силе долгие годы; более того, в 1905 году, в момент общего ослабления запретов, правительство подтвердило список должностей, имеющих отношение к публичной сфере и образованию, доступ к которым был строго запрещен полякам[41]. В городских думах городов Кавказа доля гласных нехристианского вероисповедания не должна была превышать одной пятой от их общего числа[42]. В 1891 году в западных губерниях лицам нехристианского вероисповедания, то есть евреям, было запрещено занимать выборные должности в городских управах[43]. В этих районах нехристиане не могли составлять больше одной трети среди членов представительных органов различных сословий, а возглавлять их могли только христиане. В городских думах доля нехристиан не могла превышать одной десятой[44].

С 1882 года постепенно вводились ограничения на поступление евреев в высшие учебные заведения: Военно-медицинскую академию, Горный и Лесной институты, технические институты, ветеринарные академии и пр. В 1887 году была ограничена доля учащихся иудейского вероисповедания в мужских средних и высших учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения. В пределах черты оседлости эта доля не должна была превышать 10% от количества учащихся, вне ее — 5%, в Москве и С.-Петербурге — 3%[45]. Доля поляков-католиков в университетах была еще в 1864 году ограничена 10%.

Эти разрозненные, отчасти секретные меры свидетельствовали о распространении ксенофобских и антисемитских воззрений в российской администрации в эпоху Александра III и Николая II. Блокируя механизмы импер-

ской интеграции, эти меры неизбежно способствовали усилению самоидентификации среди тех, кто был или мог стать их жертвами. Эта дискриминация привела к обострению напряженности между русскими и представителями других национальностей, о чем свидетельствовал размах революции 1905 года и движения за гражданское равенство. Меры, напрямую затрагивавшие право на свободу передвижения людей, право на образование, поиск работы и помощь со стороны государства, дополнялись языковой и конфессиональной политикой. Запрет публиковать, проповедовать и вести обучение на тех или иных языках также подвергался критике за нарушение основополагающих прав человека[46].

Российская империя традиционно опиралась на интеграцию нерусских элит и гарантировала народам определенную автономию в административной и культурной сфере. Во второй половине XIX века эта модель, однако, перестала действовать под влиянием централизаторской политики и трудностей, с которыми сталкивались представители некоторых национальностей, стремившиеся к географической и социальной мобильности. Царским чиновникам был свойственен не только стойкий антисемитизм, но и страх перед появлением альтернативной — по отношению к Российской империи — политической и геополитической лояльности. В тексте Основных законов (апрель 1906 года) в качестве преамбулы впервые был провозглашен «единый и неделимый» характер империи[47]. Этот принцип стал лозунгом для всех русских националистов, которые, как и российские правители, беспокоились по поводу «еврейского», «польского», «мусульманского» вопросов и размышляли о политике в отношении подданных, чуждых, на их взгляд, русской культуре, потенциальных изменников и «внутренних врагов». Ограничения на прием в учебные заведения и концентрация запретов в сфере образования и культуры свидетельствовали о том, что опасения по-прежнему были связаны, прежде всего, с формированием политических элит. Тем не менее существование мер, направленных на

этнический контроль в области землевладения, местного управления, главное, крестьянской колонизации, указывает на то, что ксенофобия начинала затрагивать и другие сферы общественной жизни.

Имперские власти мыслили в терминах квот и этнических территорий. Эти представления об обществе и пространстве, восходившие к XVIII веку, получили широчайшее распространение во второй половине XIX века. В эту эпоху все чаще ставился и более общий вопрос о демографической и географической «силе» различных народов империи, в то время как государство стремилось вести все более точный счет населению и его отдельным составляющим.

Глава 2

КАРТЫ И ЦИФРЫ

Возникновение государства современного типа в России сопровождалось растущим интересом к подсчету численности населения. В 1718 году Петром I была введена система ревизий — периодических переписей населения, платившего подушный налог. Тем не менее лишь во второй половине XIX века статистика превратилась в средство отображения имперских реалий. Постепенно была создана центральная статистическая администрация, способная организовать всеобщую перепись населения. Одновременно все большее распространение получал взгляд на территорию и население как на совокупность единиц, поддающихся исчислению и классификации согласно статистическим категориям. Эта тенденция вписывалась в международный контекст: в ту эпоху статистические соображения доминировали в деятельности государственных институций других стран и накладывали глубокий отпечаток на используемые ими методы управления[1]. Российские представители охотно участвовали в международных инициативах в данной области, в частности в проекте переписи населения и картографирования территории по национальному признаку. В Центральной и Восточной Европе, где «национальный вопрос» стоял особенно остро, этот проект, ядром которого были всеобщие переписи населения, не был лишен политической подоплеки.

В поисках населения

За исключением всеобщей переписи 1897 года в царский период не было проведено ни одной систематической регистрации этнической идентичности. Закон исхо-

дил из определения религиозной и сословной принадлежности человека. Порой в связи с присоединением новых территорий, бунтами или административными реформами на местах могли проводиться переписи народностей. В XVIII веке сформировалась традиция этнографической репрезентации империи[2].

Иногда сведения этнографического характера собирались в ходе ревизий; во второй половине XVIII – начале XIX века точность этой информации выросла. Всего до середины XIX века было проведено десять общих ревизий, охвативших более или менее значительную часть территории и населения; при этом женщины были включены только в 4-ю ревизию. Ревизии были единственной крупной операцией, которая обеспечивала все эшелоны администрации сведениями о податном, то есть платящем подушный налог, населении. Собранная во время ревизий информация хранилась в виде «ревизских сказок». Помимо информативной ревизии играли и правовую роль, так как они фиксировали принадлежность индивида к тому или иному податному сословию. На различных этапах административной интеграции ряда нерусских народов были проведены выборочные переписи, коснувшиеся отдельных этнических общин: малороссов и чукчей – в 1732 году, башкир – в 1734-м, юкагиров – в 1794-м, калмыков – в 1799-м[3]. Местные ревизии иногда распределяли население по национальностям[4]. Во время второй ревизии (1743) указом Сената было велено подсчитать количество «татар, мордвы, чувашей, черемисов, вотяков и прочих», делая различие между крещеными и некрещеными. Кроме того, было приказано переписать крещеных инородцев, калмыков и представителей других народов, а также малороссов, переселившихся на великорусские земли[5].

Постепенно царская администрация стала задумываться о том, чтобы не просто переписывать налогоплательщиков, а вести счет всему населению. В отсутствие системы записи гражданского состояния регистрация велась прежде всего при посредничестве религиозных институ-

тов. Обязанность, подобно православным священникам, вести метрические книги и передавать в царскую администрацию информацию о количестве рождений, браков и смертей постепенно была распространена на католических священников, пасторов, раввинов и мулл[6]. С 1850 года организация учета населения была возложена на полицию. Ее деятельность в этой области контролировалась губернскими статистическими комитетами, в 1858 году объединенными под эгидой Центрального статистического комитета (ЦСК) МВД. Тем не менее в царский период задача организации текущего учета населения так и не была решена. Часть населения, прежде всего на окраинах империи, продолжала ускользать от контроля[7]. Только всеобщая перепись 1897 года обеспечила наконец сравнительно надежные сведения о всей совокупности населения[8].

Проект этнической картографии

В отсутствие учета этнической принадлежности населения статистики и географы по поручению центральных ведомств, губернаторы и ученые общества проводили локальные этнографические обследования. П.И. Кеппен и А.Ф. Риттих, члены основанного в 1845 году Императорского российского географического общества (ИРГО), опубликовали первые этнографические карты Европейской России, подготовка которых шла с XVIII века. Еще в 1833 году Кеппен надеялся использовать 10-ю ревизию для сбора сведений о народностях, но ему не удалось убедить Министерство финансов в целесообразности этого дорогостоящего проекта. Работая над составлением карт, он использовал широкий набор источников (старинные летописи, филологические и археологические исследования, законодательные акты, «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина и др.) для выявления правильных этнонимов и определения территории расселения народов. В ходе переписки с местными администраторами, военными, чиновниками министерств Кеппену уда-

лось собрать очень точные сведения о местоположении и численности деревень, населенных молдаванами, сербами, латышами. В некоторых случаях он выезжал на места и, опрашивая представителей местных элит, делал выводы о существовании или исчезновении отдельных местных этнических общин. В середине века ему удалось провести огромное обследование, охватившее территорию европейской части России: он разослал во все приходы формуляр, который содержал и вопрос об этнической принадлежности прихожан. Результаты этого исследования, лишь небольшая часть которого была опубликована, сохранились в архивах Академии наук и в конце XIX века стали основой для многочисленных научных публикаций и административных отчетов[9].

В этот же период выросло число географических исследований, проводившихся военными; они играли особо важную роль в распространении новых форм этнической репрезентации. В основанной в 1832 году Академии Генерального штаба помимо собственно военных дисциплин и иностранных языков преподавали статистику и географию. В 1840 году профессором кафедры военной географии и статистики стал Д.А. Милютин, будущий военный министр, в 1874 году проведший реформу военной службы. А.И. Макшеев, сменивший его на кафедре статистики, интересовался также этнографией и восточными языками. В военных журналах все большее внимание уделялось сведениям об этническом разнообразии империи[10]. Офицеры Генштаба, в первую очередь корпус военных топографов, принципы работы которого были заново определены Д.А. Милютиным в 1866 году, занимались картографированием различных территорий[11].

Милютин участвовал также в деятельности ИРГО, где он отстаивал тот же комплексный подход, комбинирующий географию, этнографию и статистику. Деятельность этого общества вписывалась в политическую программу модернизации российского государства. Оно состояло из четырех секций: двух собственно географических, статистической и этнографической. Фактическим главой

ИРГО был знаменитый географ П.П. Семенов-Тян-Шанский (до 1906 года – Семенов), родственник братьев Милютиных[12]. Активный член Редакционных комиссий по подготовке крестьянской реформы 1861 года, он руководил также проведением всеобщей переписи 1897 года.

Таким образом, российские статистики в той или иной мере участвовали в подготовке важнейших государственных решений эпохи Великих реформ, от отмены крепостного права в 1861 году до введения всеобщей воинской повинности в 1874 году. Все они мечтали создать администрацию, действующую согласно принципам научного рационализма, с чиновниками, способными оперировать цифрами и картами. Статистика виделась им в качестве эффективного инструмента государственного управления, который благодаря своему систематическому характеру позволил бы следить за ходом реформ.

В 1875 году этнограф А.Ф. Риттих опубликовал исследование об этническом составе русской армии. Оно стало вкладом в дискуссию о введении всеобщей воинской повинности и определении подлежащих ей народов[13]. Применительно к Кавказу Риттих, к примеру, различал три группы: народы, готовые к несению воинской службы (славяне, латыши, немцы, финны); оседлые народы, которые можно было использовать, но только внутри России и под командованием русских (греки, картвелы, кабардинцы, абхазцы, евреи, муганлинцы); наконец, кочевники, которые могли начать нести воинскую службу только по достижении стадии «цивилизации». Риттих смешивал расовый подход с иерархией, построенной на уровнях развития. По его словам, преобладание арийской составляющей среди населения России позволяло надеяться на то, что в будущем царская армия не будет уступать европейским[14].

Именно военная администрация первой начала регистрировать российских подданных по национальному признаку – при постановке на воинский учет всех юношей в возрасте до 20 лет, как то предусматривал закон 1874 года. В результате регистрации призывников были получены, а затем опубликованы и введены в научный оборот дан-

ные о национальном составе населения европейской части империи. Они послужили, в частности, основой для первого в России большого антропометрического обследования: статистические данные о росте новобранцев в сочетании со сведениями об их национальности позволяли определить физические характеристики народов империи[15].

Вскоре деятельность статистиков (как военных, так и ученых) была дополнена созданием центрального статистического аппарата. Перед основанным в 1858 году ЦСК МВД была поставлена задача составления и публикации списков населенных пунктов по всем губерниям Российской империи[16]. Эти публикации должны были носить стандартную форму, обеспечивая чиновников и всех заинтересованных лиц информацией о местонахождении деревень и численности их жителей. Во введении фигурировали этнографические сведения общего характера, в частности список национальностей, проживающих на территории губернии. Списки населенных мест составлялись на основе данных, предоставленных полицией и собранных ЦСК. Они включали информацию о местонахождении того или иного поселения, наличии в нем церквей, почтовой станции, фабрик, а также численности населения с разделением его по полам. На уровне губерний фигурировали гораздо более подробные данные об этническом составе, свидетельствовавшие об интересе к этому вопросу со стороны чиновников и о существовании административных практик, опиравшихся на этнический принцип. В Вятской губернии, например, деревни с полностью «туземным» населением отличали от сел со смешанным (русским и автохтонным) населением[17]. В списке населенных мест Астраханской губернии после названия каждого зимовья кочевников значилось имя жившего там рода; рядом была помещена подробная таблица, отображавшая клановую структуру внутренней киргизской орды[18].

Воспользовавшись проведением всеобщей переписи, П.П. Семенов-Тян-Шанский предложил добавить точную

информацию о национальном составе населения в будущие списки населенных пунктов. Данные о языке, полученные из переписных листов, должны были исправляться на основе других сведений, в частности названия деревни, фамилии и вероисповедания индивида. В связи с нехваткой средств в январе 1902 года было решено отказаться от составления этих списков[19]. Тем не менее можно утверждать, что в начале XX века царская администрация ставила перед собой эксплицитную цель определить численность и территорию расселения всех народов путем идентификации всех подданных. Дискриминационные меры против некоторых народностей и распространение представлений, согласно которым население империи состояло из русского большинства и национальных меньшинств, подтолкнули статистиков и администраторов к тому, чтобы попытаться получить точные статистические данные об этническом составе населения, основанные на регистрации и определении местожительства каждого индивида по национальностям.

На пути к однородности территории и населения? Учет национальностей как международный проект

Этнографическая статистика занималась подсчетом численности и определением территории расселения различных народностей. Подобные картографические и статистические практики отнюдь не являлись особенностью России: они имели широкое хождение в Центральной и Восточной Европе. С середины XIX века между статистиками, близкими к правительствам своих стран, шла дискуссия на международном уровне о том, каким образом и на основе каких критериев можно вести учет этнической идентичности индивидов. В рамках Международных статистических конгрессов (CIS) специалисты из различных стран вели работу по унификации статистических обследований и делали попытки выработать стандартный переписной лист, который можно было бы ис-

пользовать при проведении переписей повсюду в мире, делая возможными сравнительные исследования. Этих ученых объединяла вера в возможность с точностью отразить социальные и национальные характеристики того или иного пространства с помощью серий правильным образом собранных данных[20].

Статистики охваченной национальными движениями Европы стремились перенести изучение национального вопроса на более мирную почву, где свои ответы могла бы предложить современная наука. В 1872 году об этом ясно говорили организаторы Статистического конгресса в С.-Петербурге П.П. Семенов-Тян-Шанский и А.И. Макшеев: «В эпоху, когда национальный вопрос занимает в политике такое большое место... статистика пренебрегла бы одним из важнейших своих вопросов, если бы не стала искать ответа на вопросы, представляющие такой интерес для государств и науки»[21].

Российские статистики принимали чрезвычайно активное участие в Международных статистических конгрессах. Несмотря на то что в 1853 году российское правительство отказалось направить представителей на первую сессию Международного статистического конгресса в Брюссель, сославшись на неуместность иностранного вмешательства в подготовку русских обследований[22], с 3-й сессии российские статистики принимали участие в конгрессах, а затем – в работе созданного в 1885 году постоянного органа – Международного статистического института (IIS).

Подготовка С.-Петербургского конгресса в 1872 году сопровождалась многочисленными публикациями, и личный вклад П.П. Семенова-Тян-Шанского привел к избранию его на должность председателя Международной статистической комиссии, ставшей временной преемницей Международных конгрессов. Глава российского Центрального статистического комитета по своей должности являлся членом Международного статистического конгресса[23]. В этой организации были представлены все течения российской статистики[24].

Когда в 1872 году вспыхнула дискуссия о переписном листе, российские статистики высказались за создание «этнографической статистики» и использование родного языка для определения национальности. Начиная с петербургской городской переписи 1869 года жителям Российской империи в ходе различных городских и общих переписей регулярно предлагалось ответить на вопрос о родном языке.

На Международных статистических конгрессах российские ученые зарекомендовали себя как приверженцы динамичного понимания национальной принадлежности. Подчеркивая масштабы смешений между народами, они вписывали этнографическую статистику в рамки анализа наблюдавшихся в Европе тенденций к территориальной экспансии и колонизации. Прибегая к близкой к Спенсеру риторике, они различали цивилизованные народы с большой жизненной силой и слабые, порабощенные этносы. Языковой критерий должен был, по их мнению, не только помочь установить происхождение народов, но и оценить степень их ассимиляции[25]. Они писали: «...В истории можно найти народы, которые даже на протяжении долгого периода жизни в тех же общественных условиях, что и более развитые нации, сохранили тем не менее свои этнографические особенности и смогли возродить свою народность после обретения независимости». По их мнению, упорно сопротивляясь ассимиляции, такие народности доказали свое отличие от окружающих их этносов[26]. Такая относительная свобода тона — в эпоху, когда еще свежа была память о подавлении польского восстания 1863 года, — указывала на стремление российских ученых учитывать все разнообразие народов, населявших империю. Этот дискурс свидетельствовал также о том, что в 1870-е годы страх перед возможным распадом империи был в России еще редким явлением. В то время как геополитическая напряженность в Европе накладывала отпечаток на обсуждение регистрации национальностей, позиции российских статистиков свидетельствовали одновременно об их уверенности в благотворной роли

господствующей русской культуры и их готовности признать право некоторых народов на противостояние ассимиляции и независимость.

Определение новых границ

Руководитель статистической администрации Вены барон Карл фон Черниг первым представил на рассмотрение Международного статистического конгресса проект статистического изучения национальностей. Автор «Этнографической карты Австрийской монархии» (1855), ставшей плодом 14-летнего изучения самых разнообразных источников, он считал себя одновременно статистиком и этнографом. Фон Черниг называл целью своего проекта «статистическое изучение этнографических различий населения того или иного государства, включая их влияние на благополучие, нравы и цивилизованность нации»[27]. Речь шла о том, чтобы провести обследования и собрать – не заботясь о единообразии критериев – данные о языке, нравах, обычаях, территории расселения народов и пр., главным образом с целью составления карт. Этот проект был унаследован от описательной статистики, возникшей в рамках географии и практически лишенной собственно математического аспекта. Одно из преимуществ привлечения источников различных типов заключалось в том, что этнографические отчеты носили стабильный характер и претерпевали изменения только по прошествии длительного времени. Таким образом, не было необходимости в частом обновлении этнографической карты или использовании только современных данных. Национальность приравнивалась прежде всего к определенной территории, географии.

Против этой описательной традиции решительно выступил прусский статистик Рихард Бек, в будущем – глава Берлинского статистического бюро. Он ратовал за статистическое изучение национальностей на основе содержащейся в общих переписях информации о родном языке

респондентов. Р. Бек разделял взгляды своего отца, знаменитого филолога Августа Бека, связывавшего существование народа с языком. Р. Бек занимался политикой, участвовал в создании германского национального государства и выступал в защиту немецких меньшинств за рубежом[28]. Этот ученый пользовался международным признанием, а его работы о критериях учета национальностей стали классическими и в 1920-е годы широко цитировались советскими статистиками. В своих работах «Статистическая важность национального языка как характера нации»[29] (1866) и «О численности немецкой нации и ее лингвистической территории в европейских государствах»[30] (1869) он описывал свое понимание статистики национальностей как дисциплины, которая должна не довольствоваться случайным сбором данных, а опираться на вопрос о языке, задаваемый во время регулярных переписей.

На Международном статистическом конгрессе в Лондоне (1860) во время горячих дебатов представители Франции выступили против включения вопроса о языке в перепись. Они боялись, что это сделает очевидным существование немецкоязычного населения в Эльзасе и Лотарингии[31], о присоединении которых к будущей объединенной Германии мечтали прусские националисты. Взгляды Бека натолкнулись на упорное сопротивление со стороны не только французских, но и австро-венгерских статистиков, которые отстаивали альтернативный проект, основанный на национальной этнографической традиции и соображениях политического характера. Они противопоставляли взглядам Р. Бека собственную концепцию национальности, которую они понимали географически и определяли через совокупность таких разнообразных факторов, как общее происхождение, исторический путь, зона проживания, культурное развитие. Австро-венгерские статистики подчеркивали историческую стабильность этнических масс. Отмечая быстрое изменение лингвистических реалий и политизацию этих вопросов, они отказывались брать в качестве основы научного познания

языковые данные, записываемые со слов индивидов и потенциально зависящие от их политических взглядов в момент переписи.

На заседании Постоянной комиссии в Стокгольме в 1874 году австрийский статистик Фикер открыто поставил под сомнение целесообразность использования лингвистического критерия, который, напомним, двумя годами ранее был одобрен на конгрессе в С.-Петербурге. Ссылаясь на пример евреев и армян, а также на случаи лингвистической ассимиляции, он доказывал, что язык недостаточен для определения существования и контуров национальностей. Фикера поддержал его соотечественник Карл фон Черниг, подчеркнувший политическую подоплеку стремительных языковых изменений. Он, в частности, привел пример Богемии, где, по его словам, славянские анклавы, на некоторое время ставшие немецкими, теперь вновь постепенно превращались в чешские. В 1876 году статистик Карл Келети, основатель венгерского Центрального статистического бюро, высказался еще более определенно. Он противопоставил французскую доктрину естественных границ (определяемых на основе географических характеристик) немецким этническим концепциям и с особой яростью обрушился на Бека, воплощавшего, на его взгляд, германский империализм. По словам Келети, немцы отрицают, что «совпадение статистических и исторических фактов является признаком национальности; абстрагируясь от всех естественных политических границ, они признают только границы, установленные языками. Они признают некоторые права за всеми, кто говорит на одном с ними языке, в том числе на территории иностранных государств, и, неприемлемым образом доводя эту логику до крайности, осуществляют в некотором роде переход от этого права на занимаемую территорию к претензии на принадлежность к их нации, с огромным трудом признавая за народами меньшего размера право на существование и собственный язык»[32]. Выступая против немцев, австрийские и венгерские статистики отстаивали исторические права

народов на свою территорию проживания, границы которой должны были быть установлены при помощи этнографических, филологических и археологических исследований.

Народность как демографический организм

В статистических исследованиях народность определялась по-новому, как демографический организм. В результате модернизации органической концепции эпохи романтизма народы и национальности наделялись теперь собственным репродуктивным типом поведения, изучение которого позволяло прогнозировать будущее развитие. Во второй половине XIX века демография, находившаяся в фазе становления, нередко была предметом дискуссий на Международных статистических конгрессах. В ходе венской сессии 1858 года австрийский статистик В. Штреффлер выступил против статистических и картографических проектов Карла фон Чернига, критикуя их за пассеизм, «поэтичность» и недостаток научности. По мнению Штреффлера, задачей статистиков было устанавливать «среднюю продолжительность жизни, рождаемость, смертность, склонность к преступлениям, количество случаев пьянства и самоубийств, распространенность образования и т.д. — одним словом, в численном виде формулировать большинство физических, моральных и интеллектуальных характеристик данного населения»[33]. В связи с этим он напоминал о сформулированном основателем Международных статистических конгрессов Адольфом Кетле «законе больших чисел», который с помощью сложных математических методов позволяет выявить стабильные коллективные типы поведения, поддающиеся прогнозированию[34]. Считая, что демографические исследования должны служить для определения народов, «однородных ансамблей», В. Штреффлер подчеркивал, что последние не могут сводиться к «административным единицам, зачастую населенным различными расами»[35].

Ричард Бек тоже настаивал на необходимости отражать демографический профиль наций. В статье, опубликованной в 1869 году, он отмечал существенные различия в уровне смертности и рождаемости между народами, живущими в схожих географических условиях на территории многонациональных империй. Он предлагал поэтому изучать естественное движение этносов (*Stämme*) внутри государств. Этот научный проект опирался на отчасти тавтологическую идею. Полученные результаты, указывавшие на демографические различия, подтверждали существование национальностей, которые благодаря этому «статистическому волшебству» больше не сводились к сообществам людей, говорящих на одном языке, но представали в роли «человеческих подвидов», отличавшихся особенностями репродуктивного поведения и смертности.

На Международном статистическом конгрессе в Санкт-Петербурге (1872) к осознанию необходимости включить в переписи обязательный вопрос о языке, «определяющем национальность»[36], добавилась дискуссия более общего характера о роли «национального» или «этнографического» (или «расового») показателя в демографических исследованиях. В результате было решено включить в обследования, посвященные движению населения, вопрос о национальности матери опрашиваемого лица[37]. Эта идея была выдвинута американским исследователем М. Сноу, который ссылался, в частности, на тот факт, что, как показали исследования, у женщин ирландского происхождения чаще рождаются близнецы, чем у других американок[38]. Его предложение было поддержано профессором статистики Санкт-Петербургского университета Ю.Э. Янсоном[39], выступавшим за изучение влияния национальности на репродукцию в странах со смешанным населением (например, России, Австро-Венгрии, США)[40]. Он обращался за аргументами к проведенным в Российской империи исследованиям, которые, по его утверждениям, показали, что «китайская раса», смешанная с «монгольской», дает меньше рождений, чем «славянская», а

главное — «славянско-польская раса». В центре размышлений о демографических особенностях некоторых групп населения стояла концепция расы, которая в некоторых случаях могла соответствовать национальности, причем национальности этнографической, а не политической (определяемой административными границами государства). Использование термина «раса» отсылало к разграничению групп, обладавших собственными, отличными от других физическими характеристиками (прежде всего рождаемостью).

Масштабы дискуссий, шедших среди статистиков в конце XIX века, свидетельствуют о том, что концепции национальности, расы, этнической группы и даже нации разрабатывались в условиях чрезвычайной политизации этих вопросов. Тем не менее прусские, австрийские, венгерские, румынские и русские статистики стремились прежде всего выявить однородные подгруппы населения, нередко скрытые и отличающиеся от тех, чьи контуры определялись границами между государствами. Эти подгруппы вычленялись на основе языка и все меньше и меньше — путем сложных этнографических исследований; они обладали собственным демографическим профилем, который, как считалось, должен был объяснять некоторые особенности их поведения. Превращая сообщество людей, говорящих на одном языке, в народность и связывая последнюю с вопросом репродукции, статистики «биологизировали» понятие национальности. Различные национальности, используемые в качестве переменных, оказывались наделены определенным будущим, связанным с их демографическим ростом. Будущее каждого народа определялось его жизненной силой, при этом некоторые из них считались обреченными на вымирание.

Статистика национальностей приносила ответ на ряд проблем, связанных с представлениями о ходе продвижения русской и немецкой колонизации, об успехах лингвистической политики и демографического потенциала тех или иных наций. На местах она служила также более конкретным целям, помогая определять размер дотаций для

национальных школ или количество мест в выборных органах, отводимых представителям тех или иных национальностей. На практике статистические бюро России, Австро-Венгрии и Германии до начала Первой мировой войны следовали рекомендациям Рихарда Бека и выстраивали статистику на основе языкового критерия (в Германском рейхе и России – родного языка, а в Габсбургской империи – языка повседневного общения).

Статистики сходились во мнении, что попытки задать прямой вопрос о национальной принадлежности опрашиваемых были обречены на провал из-за того, что те не всегда «знали» свою национальность. Так, Бек считал, что это дало бы массу как правильных, так и наполовину правильных, неверно понятых или лживых ответов, а также пропущенных значений[41]. Келети говорил о двух национальностях: этнической принадлежности и подданстве/гражданстве. Он говорил о том, как трудно задавать вопрос о национальности «грубым необразованным массам» повсюду, где речь шла не о политической национальности (гражданстве), а о «расовой, языковой национальности». Венгерский ученый признавал, что вопрос о национальности касался в первую очередь «этих менее образованных масс, происходящих от смешанных и потому возбужденных неудовлетворенными политическими и социальными притязаниями рас»[42].

В то время как Пруссия проводила обследования языков еще в 1860-е годы, объединенная Германия решилась вернуться к этому опыту лишь в 1890 году. Эти статистические данные, опиравшиеся на ответы опрашиваемых по поводу родного языка (к которым с 1905 года добавился вопрос о понимании немецкого языка), позволяли судить об успехах политики германизации, проводимой на востоке страны[43]. При этом у организаторов была возможность отчасти контролировать результаты этих обследований благодаря прежде всего закрытому перечню языков, в котором польский язык был разделен на польский, мазурский и кашубский диалекты[44]. В империи Романовых количественный вес русского населения был усилен за счет

прибавления носителей малорусского (украинского) и белорусского языков, что позволяло русским сохранять за собой статус этнического большинства[45]. В габсбургской империи в Богемии с 1880 года и в Галиции (на границе с Россией) с рубежа веков переписи сопровождались националистической агитацией, раздачей листовок, распространением плакатов и просьбами пересмотреть результаты переписи, чтобы «правильно отразить» присутствие национальных меньшинств[46]. В начале века в польских районах Пруссии польские национальные организации призывали население отказываться отвечать на вопрос о понимании немецкого языка[47]. А когда в январе 1897 года царское правительство организовало первую и единственную всеобщую перепись населения Российской империи, пришла очередь и ему столкнуться с народными волнениями, в первую очередь среди нерусского населения страны. Отказ от прямого вопроса о национальности свидетельствовал, с одной стороны, о слабом распространении этого понятия среди населения, а с другой — о нежелании властей превратить перепись в фактор политической мобилизации, которая грозила бы принять форму общенационального плебисцита. Нельзя было допустить, чтобы регистрация национальностей превратилась бы в пространство антиправительственных выступлений и место формирования альтернативной идеологии, построенной на требовании политического суверенитета.

Глава 3

ХОРОШО ОРГАНИЗОВАННАЯ ИМПЕРИЯ? ПЕРЕПИСЬ 1897 ГОДА

В январе 1897 года на всей территории Российской империи, за исключением Великого княжества Финляндского[1], Центральный статистический комитет МВД провел первую и единственную в истории дореволюционной России всеобщую перепись. Этому предшествовало сорок лет дискуссий и сомнений относительно возможности и необходимости введения в России подобного метода регуляции. Всеобщая перепись в ее современном виде, призванная за один день подсчитать всех жителей государства, представляла собой дорогостоящую и необычную операцию, которая не только требовала активного участия населения, но и способствовали осознанию им своей силы и многочисленности. Проведение и успех переписи были тесно связаны с системой представительной демократии. Кроме того, перепись несла с собой абстрактное видение государства, которое теперь уже не воплощалось в фигуре суверена: Николай II должен был заполнить переписной лист подобно остальным обитателям империи. Само понятие переписи подразумевало горизонтальное видение общества, в котором каждый индивид представляет собой одну единицу — в противоположность иерархической концепции, характерной для «старого режима». В царское время эта уравнительная символика, представлявшая социальное тело в виде единого целого, никак не подчеркивалась. Перепись трактовалась как техническая операция, а ее подготовка не получила большой публичной огласки. Конкретные мероприятия, связанные с ее проведением, были возложены на местную администрацию, в обход статистиков, прежде всего земских. В губерниях, в которых сохранялось местное самоуправление,

появление счетчиков (в большинстве случаев — православных русских) в сопровождении имперских символов было воспринято как знак укрепления власти авторитарного централизованного государства. Свидетельством такого понимания стала серия народных бунтов и волнений.

Во время одного из них башкиры восклицали: «Раньше никогда не было такой переписи, для производства которой надо было бы ходить по домам»[2]. В своем отчете за 1898 год туркестанский генерал-губернатор барон А.Б. Вревский сетовал на трудности, с которыми столкнулось проведение переписи из-за объявления фетвы, запрещавшей мусульманам участвовать в ней. Кроме того, население, по-видимому, восприняло перепись как исключительно фискальную меру[3].

Предвидя подобные трудности, губернаторы заранее определили территории, а главное, группы населения, в отношении которых перепись должна была проводиться особым образом — на местном языке, с помощью упрощенного переписного листа и ограничиваясь иногда опросом сельских элит. Так, было решено, что на Кавказе и в Туркестане счетчики не будут входить в дома жителей[4].

В соответствии с рекомендациями Международного статистического конгресса и с учетом особенностей имперской социальной организации переписные листы включали около пятнадцати вопросов об имени, семейном положении, поле, возрасте, месте рождения, сословной принадлежности, вероисповедании, занятиях, физических недугах, грамотности, месте обучения. Сбор информации об официальном и реальном месте проживания, а также о прохождении воинской службы был продиктован стремлением контролировать население. Наконец, в переписной лист был включен вопрос о языке, который должен был позволить определить этнический состав населения. В результате долгих дискуссий была выработана репрезентация этнического разнообразия империи; в ее основу легло признание определенного количества языков и национальностей (чуть более сотни).

Организация переписи

Зеркало и инструмент контроля

По свидетельству Л.Н. Толстого и А.П. Чехова, принимавших участие в переписях (первый — в московской переписи 1882 года, второй — во всеобщей), гражданское общество проявляло большую заинтересованность в получении объективных статистических знаний. Толстой говорил об этом событии как о «моменте истины», когда вся Россия должна была взглянуть себе в лицо[5]. Используя метафору зеркала[6], он говорил о связи между обществом и каждым из его членов, индивидуальная ответственность которых находила материальное воплощение в данных переписи. Честно ответить на вопросы, внести свой вклад в успех всего мероприятия — все это считалось гражданским долгом 150 000 счетчиков и 129 миллионов опрашиваемых[7].

Отсутствие точных и регулярно обновляемых данных, прежде всего об экономическом положении, профессиональном и социальном составе населения, воспринималось как признак архаичности царского режима. Картина, составленная на основе результатов переписи, должна была позволить сравнить Россию с остальным миром[8]. В 1889 году Семенов-Тян-Шанский писал в МВД, что, как известно «во всем мире», для хорошего управления государству необходимы правильные и точные сведения о населении, его расселении и составе[9]. Его проект переписного листа отражал стремление выполнить инструкции Международного статистического конгресса и обеспечить автономию статистического подхода, гарантией которой служило соблюдение международных научных правил. К пониманию переписи как «зеркала» и фундамента для любых политических шагов примешивалось восприятие ее в качестве инструмента контроля и надзора.

Вопрос проведения всеобщей переписи в России обсуждался с начала 1860-х годов[10]. Статистический комитет

МВД и ИРГО организовали большой общественный конкурс, целью которого было найти лучший способ подсчитать население империи[11]. МВД направило двух статистиков знакомиться с английским и французским опытом[12]. В 1874 году – вскоре после решения о введении всеобщей воинской обязанности – комиссии во главе с сенатором-реформатором А.К. Гирсом было поручено рассмотреть вопрос о проведении переписи. В центре дебатов стояла задача улучшения административного контроля. Статистики хотели собрать в ходе переписи сведения о «фактическом населении». Речь шла о том, чтобы заложить фундамент для ведения точной текущей статистики, возложенной на полицию и опиравшейся на поименные списки жителей российских городов и деревень. На первом плане стояли насущные потребности администрации в области прогнозирования (прежде всего военной службы) и надзора. Чиновникам необходимо было знать не только сколько юношей могли быть призваны в армию, но и сколько из них ежегодно уклонялись от службы. При том что абсолютное большинство царских подданных было зарегистрировано и должно было находиться по месту постоянного жительства – где они платили налоги и откуда они теоретически не могли уехать без разрешения, – статистики решили ввести различие между реальным и постоянным местом жительства. Данные о национальности и вероисповедании интересовали не только ученых; организаторы переписи надеялись получить сведения о «расселении евреев и распространении их в тех местностях, в коих местопребывание их ограничено законом», а также о расселении татар и нерусских колонистов[13]. Сенатская комиссия рекомендовала также придать сведениям, фигурирующим в переписи, статус юридического акта, чтобы их можно было использовать в качестве справки о прохождении военной службы или принадлежности к сельскому обществу[14].

В начале 1880-х годов дискуссии о переписи возобновились. В первом проекте, подготовленном в 1883 году, предполагалось, что ответы будут даваться на основе до-

кументов или заявлений самих индивидов[15]. Наконец, в 1895 году было решено запретить использование документов, чтобы отличить тем самым перепись от «ненавистных населению» ревизий и других обследований фискального характера, в ходе которых требовалось предъявлять документы[16]. Но чиновники сомневались в способности опрашиваемых правильно ответить на вопросы[17]. Так, представители различных департаментов Государственного совета считали, что выражение «по словам опрашиваемых» неминуемо должно стать источником недоразумений. Семенов-Тян-Шанский объяснял им, что отвечать на вопросы должны будут не все члены домохозяйства, а его глава или один из членов или даже слуги, зачастую способные предоставить чрезвычайно подробную информацию[18]. Предложение самостоятельно ответить на вопросы было тактикой, которая должна была помочь завоевать доверие опрашиваемых, без чего невозможно было обеспечить успех переписи[19]. Тем не менее индивиды не обладали полной свободой, в частности при определении своей идентичности. Целью вопросов было получить объективную информацию, а не узнать мнение опрашиваемых, и их ответы могли впоследствии исправляться, например в графе о языке. Перепись, таким образом, проводилась по домохозяйствам, путем опроса одного из членов семьи (желательно главы), который мог ответить за всех остальных членов. В Туркестане, на Кавказе и в татарских семьях не предполагалось задавать вопросов женщинам и даже просить их появиться перед счетчиками[20]. Наконец, в некоторых областях рекомендовалось ограничиться опросом представителей элит или соседей.

После того как в январе 1897 года император одобрил решение о проведении переписи, была сформирована Главная переписная комиссия (ГПК) во главе с министром внутренних дел. На нее была возложена организация всех конкретных мероприятий[21]. В этой комиссии, как и в местных, возглавляемых губернаторами, статистики играли второстепенную, техническую роль. В ходе 99 заседаний ГПК неоднократно запрашивала мнение царской

администрации и губернаторов, стремясь учесть различные местные особенности, которые мешали воплощению идеальных универсальных принципов, выработанных Международными статистическими конгрессами. Она решила дополнить предложенный Семеновым-Тян-Шанским переписной лист вопросом о прохождении военной службы и сопоставить сведения об официальном и реальном месте проживания. Кроме того, комиссия определила схему разработки и публикации результатов переписи.

Сразу после роспуска ГПК Центральный статистический комитет отказался использовать данные о местожительстве и военной службе, ссылаясь на их ненадежность[22]. Статистики опубликовали первые результаты переписи, следуя собственной схеме разработки. В дискуссию вмешались газеты, и перепись выдвинулась в центр общественных дебатов[23]. В 1901–1902 годах в результате совещаний с участием представителей различных министерств был определен новый план разработки переписи, использованный при публикации ее результатов.

Взгляд, несущий с собой различия

Участие царских администраторов в переписи отразило особенности их восприятия ими населения империи в качестве неоднородного ансамбля. Административная унификация и интеграция, стоявшие в центре политических преобразований XIX века, в России еще не были завершены; так, ряд нерусских областей остался в стороне от либеральных реформ 1860-х годов (земской и судебной). Статистикам и членам ГПК империя представлялась настолько обширной и разнородной, что они не верили в возможность использовать повсюду одну и ту же модель и правила переписи. Иерархии, опирающиеся на юридические, административные, социальные, «цивилизованные» принципы, смешивались друг с другом, приводя к невозможности рассматривать унификацию иначе чем как применение специфических правил. Представляя

результаты переписи Международному статистическому институту, новый директор ЦСК Н.А. Тройницкий подчеркивал необходимость помнить, что «то, в чем кроется оригинальность такой страны, как наша, — разнообразие живущих в ней рас и условий, в которых они обитают, — является причиной трудности или даже невозможности применить в отношении нашей огромной страны западноевропейские статистические подходы». Он неоднократно подчеркивал, что в России эта задача представляет особую сложность в силу того, что «большое разнообразие народностей и различия в их образе жизни почти не позволяют найти основу для сравнений. Именно в этом российская статистика приближается к международной: несмотря на то что она охватывает территорию только одной империи, она объединяет множество разнородных фактов, превращая их в единое целое»[24].

Трудности, с которыми столкнулась царская администрация в своих попытках найти единые рамки для всех подданных, свидетельствуют о ее сложном, неоднозначном отношении к неравномерно контролируемому ею пространству и населению империи. На Кавказе по предложению местных властей население должно было отвечать на вопрос не только о родном языке, но и о национальности[25]. Губернатору огромного Туркестанского генерал-губернаторства не удалось добиться, чтобы оседлым киргизам (казахам) был предложен упрощенный вариант переписи. Зато он смог настоять на трех других отступлениях от общих правил: женщины не опрашивались напрямую, счетчики не заходили в дома жителей, и в некоторых случаях существовала возможность не отвечать на вопросы 6, 7, 8, 9, 10 и 11[26]. Наказной атаман Донского казачьего войска, напротив, постарался получить максимально полные сведения как об оседлом, так и о кочевом населении.

В первой статье «Высочайше утвержденного 5 июня 1895 г. Положения о первой всеобщей переписи» говорилось, что перепись будет произведена по всей России. Тем не менее в примечании уточнялось, что в пограничных

районах и неевропейской части империи (Туркестане, Кавказе, Сибири и др.) для инородцев могут быть сделаны отступления от общих правил[27]. Сформулированные на заседаниях ГПК исключения были одобрены министром внутренних дел и Комитетом министров. Учитывая обширность этих территорий не мог не встать вопрос о том, кого следовало относить к инородцам. В ходе переписи этот термин редко использовался в юридическом значении, то есть в отношении членов особого сословия[28]. Он встречался в самых различных контекстах, чаще всего по поводу автохтонного нерусского населения за пределами европейской части империи.

Так, в тексте циркуляра № 94, адресованного Главной переписной комиссией губернаторам, под термином «инородцы» подразумевались нерусские народы[29]. Этот циркуляр был призван урегулировать проблемы, связанные с переводом переписных листов на национальные языки и исключениями из общей схемы переписи. Губернаторы должны были предоставить сведения о языках, диалектах, составе и расселении племен и народностей вверенных им территорий. Не были забыты и особенности быта данных народов. К циркуляру прилагался список «племен и народностей» империи, подлежавший проверке и уточнению. Наконец, в документе уточнялось, что в случае невозможности проведения личной беседы следовало найти альтернативные способы, так как главной целью переписи было добиться, чтобы ни один человек не ускользнул от ее внимания[30]. Циркуляр № 94 рассматривал вначале отдельные местности, затем нерусские народы, определяемые по факту использования другого языка, а затем кочевников – единственную категорию, в отношении которой было в конце концов разрешено не прибегать к индивидуальному подсчету и использовать упрощенный переписной лист[31].

Таким образом, если в целом по стране перепись проходила в форме индивидуальных бесед, а где-то, например в городах, опрашиваемые должны были самостоятельно заполнить переписной лист, в некоторых регионах счет-

чики ограничивались сведениями, предоставленными местными элитами. П.П. Семенов-Тян-Шанский рекомендовал использовать «в отдаленных малокультурных окраинах нашего обширного Отечества, населенных полудикими или бродячими инородцами», упрощенный метод подсчета, умножая количество юрт на среднее количество человек в семье[32]. По решению 32-го заседания ГПК в Архангельской губернии перепись самоедского населения Каинского округа, Тиманской и Большеземельской тундры осуществлялась на собраниях родов путем проверки регистров племен. Для ответа на другие вопросы предполагалось проводить дополнительные опросы[33]. В Тобольской губернии было организовано сопоставление списков родов с налоговыми регистрами; но в случае инородцев православного вероисповедания счетчики ограничивались данными приходских книг. Все эти сведения должны были проверяться на зимних ярмарках путем опроса местной знати и представителей кланов[34]. В Уральской области для переписи кочевой части киргизского (казахского) населения было решено ограничиться простым подсчетом количества членов домохозяйств[35].

Практики переписи

Очень быстро раздались голоса, критиковавшие перепись за административный и полицейский характер. На местах ее проведение было возложено на местные элиты и чиновников, не имевших статистической подготовки. В 1910-е годы подготовка второй переписи стала толчком для разработки проекта реформы статистического ведомства: речь шла о том, чтобы укрепить и расширить сеть местных статистических комитетов, доверив руководство ими ученым-специалистам. Организаторов будущих переписей преследовали воспоминания о недостатках переписи 1897 года, с ее «бюрократизмом» и слабым привлечением «общественных сил»[36], не говоря уже о роли полиции[37].

Авторитарный характер переписи нашел отражение, прежде всего, в принципах формирования и составе местных комиссий, вызвавших страх и протесты населения. Перепись повторяла имперскую административную иерархию МВД. Лишь в нескольких губерниях была специально создана должность уполномоченного по проведению переписи, назначаемого МВД. Во всех губерниях и областях во главе переписной комиссии стоял губернатор, опиравшийся на председателя местного статистического комитета и его секретаря. В уездных переписных комиссиях подготовительной работой руководили уездный предводитель дворянства, исправник[38] и податной инспектор. Чаще всего губернаторы назначали на должности заведующих переписными участками своих подчиненных. Со своей стороны полиция и жандармерия отвечали за проверку благонадежности счетчиков; они, в частности, отстранили от проведения переписи некоторых мусульман[39].

В сельских областях европейской части России организацией переписи занимались земские начальники[40]; им помогали волостные старшины и сельские старосты, то есть представители местных элит, отвечавшие за учет населения. В городах списки жителей составлялись на основе регистров, которые вели, в частности, сословные организации.

Священный синод обратился к священникам с просьбой рассказывать о переписном листе на встречах с прихожанами, проповедях и занятиях в школах. Среди счетчиков было очень много православных священников, даже в селах с преобладающим неправославным населением, — вопреки плохо соблюдаемым рекомендациям набирать счетчиков из числа местных элит[41].

Несмотря на то, что официальный дискурс представлял счетчиков в качестве образца гражданственности (в награду за добровольное участие в проведении переписи они получали бронзовые медали или — например, в случае киргизских счетчиков — рубахи), люди, ощущавшие себя вне имперского общества, восприняли перепись как угрозу. В инструкциях счетчикам подчеркивалось, что их

поведение должно служить для всего населения образцом вежливости и честности[42]. Счетчики — люди, владевшие грамотой, снабженные специальным значком (символом переписи), чернильницей и портфелем, — выступали в роли представителей современного и развитого государства — но государства именно *русского*. ГПК рекомендовала привлекать к проведению переписи духовенство, учителей, помещиков, управляющих — иными словами, носителей русской культуры. Варшавский генерал-губернатор рекомендовал использовать в первую очередь русских счетчиков[43], а губернаторы Киевской, Подольской и Волынской губерний считали ненужной публикацию переписных листов на немецком, чешском и польском языках в силу хорошего знания местными жителями русского[44].

Найти достаточное количество счетчиков в стране, где в целом доля грамотного населения была невелика и где существовали районы со слабым русским присутствием, было нелегкой задачей, поэтому первоначальные правила были быстро смягчены. Губернаторы обратились к представителям неправославных элит с просьбой принять участие в производстве переписи или по крайней мере сопровождать счетчиков. Главная переписная комиссия решила привлечь к проведению переписи даже староверов, чья конфессия по-прежнему была запрещена.

Стремясь предотвратить возможную отрицательную реакцию со стороны населения, в августе 1896 года МВД распространило циркуляр, предусматривавший при необходимости перевод переписных листов на местные языки[45]. Учитывая трудности, встреченные в Поволжье, и желая рассеять возникшие опасения, губернаторы приказали издать объяснительные брошюры на татарском (арабский алфавит и кириллица), башкирском, удмуртском, черемисском (марийском) и чувашском языках[46]. Назначаемый царем глава российских мусульман — муфтий Оренбурга — обратился к ахунам и муллам с просьбой объяснить смысл переписи верующим. Очень скоро, однако, полиция пришла к выводу, что даже мусульманские служители культа больше не имеют «морального влия-

ния» на местных жителей[47]. В Уфимской губернии посланцу муфтия ахуну Абдулгалимову пришлось спасаться бегством из деревни Митряево, где он был встречен потоками брани после того, как по губернии распространились слухи о том, что и муфтий, и его посланец тайно перешли в православие[48]. Для того чтобы предотвратить протесты и выступления, такого неоднозначного и зачастую неловкого использования традиционных элит (издавна занимавшихся сбором и хранением сведений о населении и служивших посредниками между имперской властью и крестьянами) оказалось недостаточно.

В некоторых губерниях перепись была воспринята как авторитарная административная процедура, символизировавшая засилье русских чиновников и полиции, и как наступление центральной власти на территории, сохранявшие некоторую автономию. Крест на короне императорского герба, изображенный на переписных бланках и значках счетчиков, вызвал беспокойство среди нехристианского населения Поволжья[49]. Опубликованные МВД брошюры рисовали идеал жизни на европейский лад: они объясняли, что перепись нужна, чтобы предусмотреть запасы хлеба на случай плохого урожая и рассчитать потребности в новых школах, больницах, аптеках, дорогах и рынках[50]. Но постепенное осуществление этого идеала, выразившееся, в частности, в установке пожарных столбов с колоколами, уже и раньше приводило к бунтам в татарских деревнях, для которых колокол символизировал попытки включить их в православное пространство[51]. В регионах, в которых представители местных элит были поздно и в слабой степени вовлечены в подготовку переписи, обострилась напряженность, существовавшая до ее проведения. В Поволжье, где преобладающее мусульманское население в массовом порядке выступило против переписи, местные элиты отказывались быть счетчиками и брать таким образом на себя роль посредников.

Народные волнения и выступления против переписи

Перепись 1897 года стала, несомненно, новым этапом на пути проникновения государства в глубь нерусских территорий империи. Бунты 1897 года, имевшие политическое звучание, бросают также свет на отношение части нерусского и неправославного населения к царской власти: они свидетельствуют о масштабах сопротивления проводимой центром политике интеграции и ассимиляции. Отказываясь участвовать в переписи, «места» заявляли о своей автономии[52]. В ходе сопротивления более заметными стали различные оппозиционные требования, связанные с политикой и идентичностью.

Сопротивление переписи в различных уголках империи – в Поволжье, в Седлецкой и Люблинской губерниях бывшего царства Польского, а также в некоторых районах Центральной Азии и Дальнего Востока – выразилось в серии выступлений и волнений. Так, чтобы подавить волнения и обеспечить участие населения в переписи, губернаторам Уфимской, Самарской и Казанской губерний пришлось прибегнуть к помощи военных команд[53]. В Варшавском генерал-губернаторстве отказ жителей повиноваться привел к арестам[54]; здесь же в виде исключения счетчикам было разрешено обращаться за информацией к местной администрации[55].

Пространственные и временные конфигурации этих выступлений напоминают феномен народных восстаний, лучше изученных на примере русского крестьянства. В своих отчетах представители имперской администрации пытались воссоздать карту сопротивления переписи, совпадавшую с картой распространения «лживых слухов» о насильственном обращении мусульман в православие или признании униатов. Согласно сообщениям полиции и губернаторов, в Поволжье агитация против переписи началась только в декабре 1896 года, во время пробных опросов и составления списков жителей. До этого деятельность земских начальников, связанная с разъяснением переписи, не встречала препятствий. В Уфимской губер-

нии ожесточенность вспыхнувших волнений оказалась для властей полной неожиданностью[56]. Общее число участников выступлений неизвестно, но, судя по имеющимся в нашем распоряжении докладам и отчетам, эти выступления носили массовый характер. Например, в Белебеевском уезде в переписи отказались участвовать 3000 башкир[57], в Мензелинском уезде так поступили почти все мусульманские деревни[58]. В Самарской губернии движением протеста были охвачены 30 татарских деревень с населением 45 000 человек[59]. В Казанской губернии[60] в нем участвовали почти все деревни 9 уездов с преимущественно татарским населением (например, Чистопольского уезда, где проживало «100 000 татар и других инородцев»)[61].

Сопротивление принимало разнообразные формы — от отказа впустить счетчиков в деревню до их убийства и восстаний, в ходе которых, как свидетельствуют полицейские отчеты, целые деревни полностью выходили из-под контроля властей. В Уфимской губернии жители башкирского села Каркалы заявили, что не допустят проведения переписи, и избили трех счетчиков[62]. Один из них, Витковский, скончался от побоев[63]. Случаи физического насилия по отношению к счетчикам были обычным явлением. В Седлецкой губернии «пятьдесят человек, вооруженных палками», потребовали, чтобы им вернули уже заполненные переписные листы, и отправились за ними в дом счетчиков. Еще пятьсот человек отказались участвовать в переписи при условии, если им не разрешат отвечать на польском языке[64]. В Казанской губернии татары угрожали перебить всех счетчиков или покончить жизнь самоубийством в случае осуществления переписи[65]. Население уничтожало брошюры, переписные листы и значки, которые носили счетчики[66]. В некоторых отчетах описываются настоящие бунты. В Мензелинском уезде, к примеру, собралась толпа из тысячи человек, избила земского начальника и главу местной полиции и заставила их уехать[67]. В селе Усали группа татар-мусульман, съехавшихся из соседних деревень на базар, ворвалась в волостное правление и избила находившихся там сельских старост и счет-

чиков, собравшихся для обсуждения организационных вопросов. В ходе нападения оскорблениям подвергся православный священник и был поруган портрет царя[68]. Вслед за этим собравшиеся татары напали на русских жителей села[69]. Собираясь на улицах, толпы бурно обсуждали происходящее, сыпали угрозами, исполняли религиозные песнопения, стремясь тем самым защитить себя от принудительной переписи[70].

Посылая в волости воинские команды и используя имевшееся у них право внесудебных преследований, губернаторы в конце концов смогли осуществить перепись. В своем донесении министру внутренних дел самарский губернатор подробно описывал, как, переезжая из деревни в деревню, он объяснял населению смысл и значение переписи. Выступив перед жителями одной из деревень, он приказал сразу же, в своем присутствии, наказать зачинщиков, подвергнув их публичной порке[71]. В Вятской губернии, в меньшей степени затронутой волнениями, были арестованы 63 человека, 12 из них предстали перед судом[72]. В деревне Боровская Самарской губернии 19 человек были приговорены к порке розгами и получили от четырех до ста ударов[73]. В Казанской губернии были вынесены и быстро приведены в исполнение смертные приговоры.

Донесения полиции и жандармов, а также переписка между МВД и губернаторами позволяют понять причины волнений. Население нередко воспринимало перепись как операцию по обращению в православие представителей других конфессий. Установленные на перекрестках столбы с объявлениями о готовящейся переписи были украшены изображением благословляющей руки[74]. Распространению слухов о готовящемся насильственном крещении способствовали, возможно, и сами русские[75]. С момента вхождения Поволжья в состав будущей империи в XVI веке в этом регионе неоднократно проводились кампании по принудительному обращению жителей в православие, при этом один из методов заключался в занесении мусульман в православные приходские книги.

События 1897 года свидетельствуют о том, насколько сильна была историческая память о насильственном прозелитизме, характерном прежде всего для XVIII века. Распространение слухов о принудительном крещении объясняется еще и тем, что именно в этот период глава Священного синода К.П. Победоносцев и его советник Н.И. Ильминский всячески способствовали активизации православного миссионерства[76]. Действуя под покровительством государства, новые миссии вступали в публичные дебаты против ислама, открывали православные школы, где обучение велось на местных языках, и занимались подготовкой миссионеров из числа инородцев. На территории проживания башкир эти усилия привели к увеличению вдвое количества церквей в 1877–1897 годах и росту числа учеников в приходских школах со 100 тыс. до 2 млн в 1884–1905 годах[77].

Боязнь обращения в православие была выражением более общего страха перед аккультурацией и в конечном счете культурной ассимиляцией. Источником сомнений стала, в частности, ошибка, допущенная при переводе на татарский язык разъяснительных брошюр. В них говорилось, что сведения о возрастном составе населения позволят определить потребности в новых школах. Вместо того, чтобы использовать термины, отсылающие к мусульманской системе образования («мектебе», «медресе»), или более нейтральное «училище», переводчик оставил в тексте русское слово «школа», ассоциировавшееся у населения с православным образованием. Татары усмотрели в этом намерение правительства открыть в их деревнях русские школы[78]. В 1870 году Министерство народного просвещения впервые приняло меры по распространению грамоты среди инородцев. Вдохновляясь колониальными моделями, применявшимися англичанами в Индии и французами в Алжире, оно предусматривало создание государственных русско-татарских, русско-чувашских, русско-киргизских школ, обучение в которых велось бы вначале на местном, а затем на русском языке, способствуя тем самым одновременно распространению гра-

мотности и развитию двуязычия у автохтонных элит. Кроме того, было решено, что учителя в мусульманских школах должны владеть русским языком и учить ему детей. В мектебе и медресе следовало организовать преподавание русского, оплачивая его из средств сельских общин[79]. В 1888 году в Казанской губернии был опубликован циркуляр, который напоминал об этом плохо соблюдаемом правиле и требовал от мусульманского духовенства знания русского языка, а в 1892 году были запрещены манускрипты, на которые опиралось преподавание в мусульманских школах[80]. Конфликт вокруг школ имел в Поволжье давнюю историю. Мусульмане упорно сопротивлялись созданию в их деревнях школ, способствовавших распространению русской грамоты или даже делавших ее изучение обязательным. Они боялись государственного православного образования, которое, ослабив или русифицировав мусульманские училища, грозило «испортить юношество» и привести к уничтожению не только мусульманского, но и татарского сообщества. Рассказывая о сопротивлении переписи в Вятской губернии, начальник жандармского управления объяснял, что мусульманское население боится, что правительство стремится таким образом «достигнуть уничтожения татарской народности»[81]. Чтобы успокоить население, оренбургский, самарский и казанский губернаторы опубликовали циркуляры, в которых объяснялось, что перепись не ставит под сомнение права мусульман в области вероисповедания и образования[82]. Тем не менее слухи продолжали распространяться, подпитываемые страхами другого рода. Перепись воспринималась, в частности, как предвестие восстановления крепостного права, причем эти опасения распространились и среди проживавших в соседних районах русских крестьян[83]. Воспоминания о ревизиях и обещание создать новую инфраструктуру (дороги, больницы, аптеки) заставляли опасаться роста налогов. В условиях перенаселенности центральных губерний и на фоне еще не стершихся воспоминаний о голоде 1891–1892 годов крестьяне боялись принудительного переселения в при-

граничные с Китаем районы, Приамурье, Среднюю Азию и Кавказ (заметим, кстати, что подобные слухи свидетельствовали о весьма неплохом знании имперской географии). Мусульмане боялись, что татарских женщин заставят разводиться и выходить замуж за русских, а мужей — жениться на русских женщинах, в духе политики смешанных браков, время от времени поощрявшихся царским правительством в рамках политики русификации[84].

Неприятие навязанных идентичностей

Сопротивление униатов (католиков византийского обряда) переписи объяснялось нежеланием быть отнесенными к православным. С присоединением ее к православной церкви в 1839 году униатская церковь была окончательно запрещена повсюду, кроме польских территорий, где в 1875 году против нее была проведена кампания, сопровождавшаяся большим насилием[85]. «Бывшие» униаты, как называли их организаторы переписи, были, таким образом, отнесены к православным, несмотря на то что большинство из них считали себя католиками. Те из них, кто жил в районах, недавно подвергшихся насильственному обращению в православие, требовали, чтобы их принадлежность к католицизму была признана и нашла отражение при заполнении переписных листов. В этих областях проблема национальностей, неотделимая от конфессионального вопроса, выражалась в стремлении центральной власти интегрировать в русское православное культурное пространство униатов украинского происхождения[86]. Превращая «бывших» униатов в православных, царское правительство способствовало укреплению в этих краях русского «элемента», по крайней мере в статистических данных по конфессиям или даже по языкам и народностям, учитывая, что «малороссы» (украинцы) считались частью большой *русской* общности.

Бунты против переписи с их религиозной риторикой вписываются в более широкие рамки сопротивления ас-

симиляционной политике царского правительства. Будучи основополагающим, религиозное измерение не может быть отделено от притязаний, носивших национальный характер; это показывает, насколько тесно были переплетены эти два вопроса там, где под угрозой оказывалась институциональная и культурная автономия народов. Вопросы языка и обучения в школах, надежды, что в будущем решающую роль будут играть новые, более образованные поколения, наконец, концепция представительства народов согласно их демографическому весу – все эти идеи обсуждались местными элитами. Так, по мнению противников переписи в Поволжье, одной из целей этого мероприятия было представить татар-мусульман в невыгодном для них – по сравнению с русскими – свете[87].

Перепись рассматривалась как средство, позволявшее определить (в том числе заново) идентичность индивидов и народов; такому пониманию способствовало и то, что она воспринималась не как кампания по сбору информации, а как юридическая операция, схожая с ревизиями. Волнения были, таким образом, связаны со стремлением использовать переписной лист в качестве своеобразного «маркера» идентичности, причем идентичности, определяемой самими носителями, а не навязываемой государством. Особенно ярко это проявилось в случае униатов. Именно стремлением использовать перепись в качестве «передаточного звена» в отношениях с властью (в сочетании с другими, более традиционными формами, например петициями) можно объяснить волнения в Варшавской губернии, где униаты решили, что император готов признать их веру.

Первоначально ГПК предусматривала возможность в ответе на 11-й вопрос указать «униаты православные» или «униаты католики». Организаторы переписи хотели сделать вопрос о религии открытым, рассчитывая получить таким образом информацию о запрещенных конфессиях. Но под нажимом Священного синода и варшавского губернатора ГПК согласилась на то, чтобы вероисповедание «сомневающихся» униатов фиксировалось на основе

сведений, имевшихся у местных чиновников[88]. В секретном распоряжении, адресованном православному духовенству, не только содержались советы по поводу выбора счетчиков, но и объяснялось, что во время переписи разрешено не задавать вопроса о религии. Униаты быстро узнали об этом распоряжении, распространявшемся в копиях по деревням[89], и потребовали вернуть им переписные листы, чтобы самим ответить на вопрос о вероисповедании[90]. «Бунтовщики» требовали везде одного и того же: чтобы переписные листы, проверяемые священниками, заполнялись на польском языке и чтобы второй экземпляр оставался у самих опрашиваемых. Как объяснял начальник жандармского управления, участники волнений хотели оставить себе экземпляр переписного листа, рассматривая его в качестве документа, подобного метрике (свидетельства о рождении)[91]. Крестьяне были убеждены, что, записавшись католиками в переписные листы, они добьются окончательного признания своей веры[92], и поэтому стремились получить копию переписного листа в качестве доказательства своей религиозной принадлежности[93]. Униаты придавали также большое значение лингвистическому маркеру и потому требовали, чтобы перепись производилась на польском языке: они боялись, что, если они будут отвечать на вопросы по-русски, их отнесут к православным, а не католикам[94]. В этом вопросе также не обошлось без давления со стороны варшавского губернатора. Он попросил люблинского губернатора не допустить, чтобы «лица русского происхождения, не признающие себя таковыми» (то есть те, кого сегодня называют украинскими униатами), записывались поляками[95]. После окончания переписи униаты будут сотнями посылать письма в С.-Петербург, жалуясь на то, что их принудительно записывали православными[96]. В ходе проработки итогов программы переписи «бывшие униаты» превратятся в «православных»[97].

Статистика и изучение запрещенных конфессий являлись, однако, одной из тем переписи. Старообрядцам и сектантам был посвящен специальный том, дополнивший

публикацию о конфессиональном составе населения империи[98]. Многие сектанты и староверы отказались участвовать в переписи из опасения, что их припишут к официальной вере. Поскольку старообрядцы считали себя единственными настоящими православными, то они, разумеется, не могли назвать своей конфессии (так, чтобы отличить себя от остальных православных). Тем не менее, боясь полностью затеряться в результате включения в официальное православие, они называли себя то православными, то христианами, то староверами (при этом многие счетчики по своей инициативе записывали их как старообрядцев). Староверы надеялись, что, заявив о своем существовании, они смогут обрести легитимность и заставить власти разрешить их культ.

С другой стороны, члены некоторых сект увидели в переписи дело рук Антихриста и знак грядущего конца света, который, как считалось, должен был начаться с подсчета всего человеческого рода. После публикации данных о конфессиональном составе империи в дискуссии на страницах периодической печати было поставлено под сомнение полученное количество сектантов и представителей «девиантных» конфессий (2 млн) и предлагались альтернативные подсчеты – 14—15 млн человек[99]. Наконец, часть жителей Поволжья, числившихся православными, но желавших перейти в ислам, запросили разрешения вернуться в веру предков. Православная церковь, не признававшая возможность отказаться от православной веры, не разрешала им этого. Эти дебаты продолжали и впредь оказывать влияние на политические события – в том числе во время революции 1905 года, одним из главных требований которой стала свобода совести.

Националистические мобилизации

Вопреки попыткам властей предотвратить любые политические выступления вспыхнувшие волнения продемонстрировали, что перепись была чрезвычайно удобным пово-

дом для выдвижения политических требований. На вопрос турецкого султана о количестве мусульман в России царь, по слухам, ответил, что в его империи теперь были одни православные[100]. Воспользовавшись переписью, казанские татары постарались привлечь внимание великих держав к дискриминационному характеру царской политики. Стремясь разбудить международное общественное мнение, они распространяли памфлет (переведенный на турецкий, французский и немецкий языки), в котором приводились антимусульманские и антитатарские выдержки из русских газет. Один экземпляр этого сочинения был, в частности, передан турецкому консулу[101].

На западной окраине империи городская дума Ревеля (ныне Таллин), делами в которой заправляла «немецкая партия», постаралась установить полный контроль над проведением переписи. Со страниц местных газет она обратилась к жителям с призывом выразить в переписи свое «патриотическое чувство»[102]. Этот эпизод следует рассматривать в контексте идущего пересмотра привилегий прибалтийских немцев, чья гегемония была поколеблена в результате проведения в 1877 году реформы городского управления, которая обеспечила эстонцам, русским и латышам более широкое представительство в муниципальных органах[103]. Городская дума желала закрепить «немецкий» характер города и восстановить прежние привилегии немцев. Благодаря статистике «немецкость» была теперь не только социальной или институциональной, но и демографической доминантой. «Немецкая партия» постаралась превратить перепись в своего рода референдум и вернуть Ревелю его национальную идентичность, на этот раз с помощью нового инструмента политической репрезентации – подсчета немецкого населения города.

Мобилизация националистических партий по случаю переписи вызвала дебаты и столкновения в приграничных районах соседней Австро-Венгрии. С момента переписи 1880 года, когда начали учитываться разговорные языки (Umgangssprachen), представители различных национальных движений призывали своих «соплеменни-

ков» декларировать родной язык, а не тот, на котором они обычно разговаривали. Они распространяли памфлеты, листовки, плакаты и устраивали собрания в национальных клубах. Целью этих кампаний было добиться права на охрану национальной культуры и языка, обязательным условием для которого было признание демографического и территориального веса данного народа. Таким образом, националистические движения использовали перепись в качестве основного средства, которое позволяло продемонстрировать удельный вес их народов в империи, еще в 1867 году признавшей права национальностей[104].

В империи Романовых мобилизация также сосредоточилась на национальном вопросе. Претензии на принадлежность к иному сообществу, нежели *Российская* империя, проявились как в Поволжье, так и в польских губерниях. Один участник переписи потребовал, чтобы вместо «татарского» его язык был записан как «турецкий», а другие настаивали, чтобы их зарегистрировали не как «магометан из татар», а как «мусульман из магометан»[105]. Провести границу между религиозными и национальными требованиями трудно как историкам, так и современникам описываемых событий. В стране, где определенные права гарантировались только тем конфессиям, которые признавались и находились под государственной защитой со времен Екатерины II и Александра I, оппозиционные выступления почти неизбежно приобретали религиозный характер.

В то же время не менее важной в империи, отождествлявшей себя с православием, была идентификация религии с определенным регионом, а порой и проектом государства. Предполагаемые связи между «полонизмом» и католицизмом, исламом и Оттоманской империей структурировали политический дискурс и систему дискриминации.

Попытки местных акторов воспользоваться переписью в собственных целях могут многое сказать об их стремлении инструментализировать эту широкую инициативу,

носившую универсальный характер. В октябре 1896 года министр внутренних дел запретил публиковать в местных газетах статьи, посвященные переписи. Власти колебались между необходимостью распространять информацию среди населения и стремлением избежать малейшей мобилизации. Только принятые Петербургом решения и брошюры технического характера были изданы централизованным образом.

От языка к национальности

В силу того что центр сохранил за собой контроль за разработкой и публикацией результатов переписи (МВД запретило распространение и издание на местах любых сведений, полученных в ходе переписи), репрезентация идентичностей жителей империи по-прежнему находилась под контролем одновременно науки и МВД, что наложило отпечаток на обработку данных.

Увидеть это можно на примере языка. В инструкциях говорилось, что вопрос о родном языке должен обеспечить «более или менее правильные сведения» о национальности опрашиваемого. Чтобы перейти от языка к национальности, следовало использовать специальные методы, опираясь, в частности, на ответы на другие вопросы переписного листа[106]. Работа по реконструкции этнографического состава империи была возложена на этнографа, статистика, члена ИРГО Серафима Патканова[107]. Как в свое время Семенов-Тян-Шанский и Макшеев, он критиковал использование нелингвистических критериев определения национальности. Ни антропология (в частности, в силу пока еще недостаточно надежных краниологических исследований), ни этнография (с ее вниманием к образу жизни и традициям, слишком часто подверженным внешнему влиянию) не позволяли получить точную информацию. Патканов отказался от идеи прямого вопроса о национальной принадлежности, придержи-

ваясь точки зрения, согласно которой опрашиваемым было труднее назвать свою национальность, чем язык. Кроме того, их ответы отнюдь не всегда соответствовали бы «реальности»[108].

Несмотря на то что в опубликованных отчетах о результатах переписи не говорилось о каких-либо особых проблемах, возникших в связи с вопросом о языке, Патканов отмечал посредственный характер этих данных и трудность их интерпретации. Он обрушивался на бескультурье счетчиков, в частности в Туркестане, где данные о языке были слишком общими, чтобы их можно было использовать. Он, например, считал неправильным определение «тюркские языки» и критиковал широкое использование таких неточных терминов, как «черкесский» и «татарский». Патканов предложил более дробную классификацию, которая позволила бы выявить татароязычное население Западной Сибири. Наконец, он подверг критике ситуацию в Грузии, где счетчики не учли лингвистическую специфику и записали все картвельские меньшинства в качестве грузин. Слабая лингвистическая интеграция и существование бесконечного множества вариантов названий чрезвычайно затрудняли создание корпуса этнических данных. Он отмечал, что в Дагестане жители каждой местности или группы деревень говорят на своем диалекте и, отвечая на вопрос о языке, дают название своей деревни[109]. Он подчеркивал абстрактный характер порученной ему миссии, в силу того что «в реальной жизни» почти нет языков, а есть только диалекты и субдиалекты. «У туземного населения Сибири... — продолжал он, — и некоторых кавказских народностей так много диалектов, что можно почти утверждать, что каждая группа деревень или каждая маленькая община имеет собственный субдиалект, а иногда даже свой диалект»[110].

В ходе обработки данных Патканов и его помощники старались устранить эти недостатки, устанавливая «подлинную национальность» лиц, чьи переписные листы они анализировали и исправляли. Если ответы опрашиваемых казались им неудовлетворительными, статистики

считали возможным самостоятельно определять этническую идентичность этих лиц, пользуясь сведениями о сословии, месте рождения, вероисповедании.

Публикуя всю совокупность данных о языке, статистики делали вывод, что в России многие народности получили доступ к культуре путем физической и духовной ассимиляции; тем не менее, даже разделяя с русскими язык и некоторые физические и культурные характеристики, они сохраняют на протяжении долгого времени «память» о своей первоначальной национальности[111]. Таким образом, они признавали существование памяти, «тоски» по корням, выражавшейся на уровне индивидов, в том числе обрусевших и ассимилированных. Во время обсуждения предстоящей организации второй переписи, проходившего в новом контексте, после революции 1905 года, статистики отмечали, что в 1897 году вопрос о языке был понят правильно, то есть как вопрос об этническом происхождении. Что касается специфического случая крещеных евреев, чье существование царская администрация всячески подчеркивала на фоне растущего антисемитизма, было установлено, что во время переписи 1897 года часть из них, отвечая на вопрос о языке, говорила «еврейский»[112]. Таким образом, эти индивиды, недавно принявшие православие, использовали лингвистический критерий, чтобы обозначить свою принадлежность к еврейству[113]. В данном случае статистики признавали, что вопрос о национальности был напрямую связан с вопросом идентичности.

Перечень народностей как память

«Превращение» языков в народности было осуществлено в ходе обработки переписных листов. Предполагалось, что прежде, чем присвоить код данным о языке, статистик должен получить общее представление об опрашиваемом путем ознакомления со всем переписным листом. Сведения о языке исправлялись на основе другой

информации, например о подданстве (для иностранцев), вероисповедании[114], сословии[115], месте рождения. В графе «сословие» нередко фигурировали названия народов: «буряты», «алеуты», «камчадалы»[116]. Место рождения служило для того, чтобы восстановить настоящую национальность представителей сибирских «племен». По утверждениям Патканова, особое внимание при определении национальности уделялось той части населения, которая подверглась ассимиляции «доминирующей русской расой или соседними народностями» и утратила родной язык. Ему казалось очевидным, что в данном случае язык не мог служить для определения национальности[117].

Данные о национальной принадлежности привели к появлению альтернативного по своему составу «социального тела» нации, основанного на «открытии» и конструировании этнического распределения населения. Эти поиски иногда отвечали существующим государственным концепциям и административным практикам. Ни инородцы, ни евреи не могли избавиться от печати «инородности». Подобное стремление убрать, «счистить» слой лингвистической аккультурации объясняется желанием восстановить, насколько возможно, этнические корни жителей империи и вписать, таким образом, результаты переписи в рамки международного научного проекта.

Полный перечень народностей выступал в качестве своеобразного «архива» истории человечества. Он позволял понять историю человеческого рода, его расселения и успеха тех или иных народов. Усилия филологов, этнографов и географов, с начала XVIII века пытавшихся понять историю народов, логичным образом приводили к созданию такого упорядоченного списка, основанного на генетических принципах языков и национальностей.

Языковое и этнографическое многообразие Российской империи уже с начала XVIII века привлекало внимание ученых[118]. Так, Лейбниц подчеркивал необходимость изучать все языки и наречия России. С особой остротой этот вопрос встал в годы правления Екатерины II[119]. Под влиянием разработанной Линнеем типологической модели

естественных наук язык стал рассматриваться в качестве критерия, позволяющего классифицировать народы[120]. В частности, младограмматики выработали деление языков и народов на семьи. Во второй половине XIX века повсеместное распространение получила схема языков, построенная – как предлагал Август Шлейхер – по модели родословного древа живых организмов. Она наложила глубокий отпечаток на языкознание и этнографию, установив прямую связь между этими двумя дисциплинами: отныне история языков помогала понять историю народов[121]. Российские ученые внесли вклад в эту работу – благодаря, в частности, тому, что покорение новых территорий позволяло им изучать многочисленные новые языки и диалекты и включать их таким образом в состав великой человеческой семьи.

В 1902 году в центре конфликта, вспыхнувшего между учеными ЦСК, Министерством финансов и Государственным контролем в связи с превышением сроков и бюджета разработки данных, оказалась таблица, в которой вместо 30 крупных групп национальностей, предусмотренных ГПК, фигурировало более 130 языков. Сторонники составления полного списка языковых групп и народов рассматривали свой долгий и дорогостоящий труд, исходя из международной научной перспективы. Для них целью российской переписи было включить эти народы в общую генеалогию человеческого рода, которую пытались построить ученые. Антрополог В.Д. Аленичин объяснял, что эти данные имели огромное значение для мировой науки и что необходимо было представить их в максимально «чистом» виде[122].

Давний проект создания таблицы народов Российской империи, казалось, был наконец близок к осуществлению. Вызвавшее гнев Министерства финансов и Государственного контроля стремление составить полный список населявших империю народностей выглядело настоящей «доблестью» с точки зрения науки. Патканов, которому пришлось защищать свой трудоемкий и в конечном счете неприменимый метод, признал, что длинный список

национальностей был с точки зрения политики бесполезным. На его взгляд, целью этнографического проекта было сохранить драгоценные для науки сообщества, части из которых, по мнению ученых, грозило вымирание. Используя риторику «войны рас», Патканов объяснял, что в конце концов под влиянием цивилизации некоторым народностям и их языкам суждено исчезнуть[123]. Представляя перепись иностранным статистикам, он настаивал на абсолютной необходимости учитывать удивительное этническое разнообразие России в условиях, когда некоторые из населяющих ее народов начали исчезать в результате контактов с «европейской цивилизацией»[124]. Сравнивая исчезновение малорусского (украинского) и провансальского наречий, он переносил на почву лингвистики такие понятия, как «борьба за выживание», характерная для животного мира, и говорил о постепенном установлении господства самых распространенных языков и самых многочисленных народов[125].

Родословное древо языков, разработанное по случаю переписи, было впоследствии включено в таблицу, представлявшую три расы: средиземноморскую (белую), монгольскую (желтую) и гиперборейскую[126]. Сравнивая монгольскую расу с басками и кельтами, «потомками древних народов», Патканов рассматривал ее как «бедные остатки народов-покорителей»: «Оказавшись в окружении и испытывая давление со стороны более многочисленных и цивилизованных народов, главным образом русских, большинство этих народов находится на стадии упадка и русификации»[127].

Отражая этническое разнообразие империи

Это навеянное Спенсером видение этнической эволюции и жизнеспособности народов было характерно и для российского высшего чиновничества. В разосланном незадолго до проведения переписи перечне, включавшем свыше 140 народов, они говорили о «башкиризации»,

«татаризации», а главное — «русификации». Считалось, что многие народы были уже полностью или частично русифицированы, как на это указывала соответствующая пометка. Так, в списке фигурировали мордва, одеждой и образом жизни почти не отличавшаяся от русских[128], карелы, «сильно обрусевшие»[129], и вотяки, среди которых быстро шел процесс русификации[130]. Они приходили к выводу, что к общему числу русских, полученному в результате переписи, следует прибавить «обрусевших инородцев», которые исповедовали православие, жили как русские и отличались от последних только происхождением[131].

На заседаниях, посвященных разработке переписи, звучали напоминания о том, что перепись языков имеет важнейшее значение для оценки слияния многоязычного населения империи[132].

Ученые и администраторы, работавшие над созданием списка народов, сталкивались с одними и теми же трудностями: им не удавалось с точностью определить свой объект анализа — национальность и период, который следовало описать. Они считали, что народам империи рано или поздно предстоит слиться и образовать единый русский народ, и в то же время неоднозначно относились к аккультурации. Стремясь восстановить истоки народов, ученые пытались стереть следы ассимиляции, при этом они же первыми говорили о том, что многие из этих народов в будущем ожидает исчезновение.

Часть переписи была посвящена критерию национальности, потому что, как предполагалось, он был связан с биологическими характеристиками. При публикации общих результатов данные о национальности сопоставлялись (по каждому народу) с такими параметрами, как количество слепых, глухих, глухонемых, сумасшедших[133]. Кроме того, был разработан специальный формуляр для изучения феномена долгожительства. Уже в первом из его 39 вопросов говорилось о племени или народности долгожителя, причем авторы инструкции настаивали на научной важности вопроса об этнической принадлежности. Подчеркивалось, что национальность нельзя путать с

вероисповеданием языком, и что следует очень осторожно подходить к вопросам аккультурации. Другие вопросы (образ жизни, среда, семейная наследственность) свидетельствуют о том, что идея биологической передачи (через этническое происхождение) была всего лишь центральной гипотезой среди прочих, — в любом случае ее было недостаточно, чтобы с точностью предсказать биологическое долголетие[134].

Скоро было принято решение оставить при публикации результатов переписи таблицу с максимальным количеством диалектов (таблица XIII). Их количество менялось от области к области. Министерство финансов и Государственный контроль продолжали критиковать амбиции ЦСК, считая, что предлагаемый им список был нелогичным, так как он опирался на филологические характеристики, а также обычаи и нравы народов[135]. Разработка и трансформация данных о языках подверглись критике в печати. В случае других статистических таблиц Министерство финансов и Государственный контроль предлагали сгруппировать национальности исходя из «государственных интересов» — оставляя только те народности, которые играли важную роль в экономике или были достаточно многочисленными, сосредоточиваясь на европейской части, а не на этносах, маленькими группами рассеянных по Сибири, Кавказу и Средней Азии. Беспорядочность и множественность названий рассматривались как признаки отставания в развитии или угасания культур этих народов.

В результате была выработана новая классификация, включавшая семнадцать разделов. Уделяя основное внимание доминирующим народам, она опиралась на принцип языкового родства. Эта классификация позволяла использовать данные о языке, сопоставляя их с информацией о религии, грамотности, возрасте, занятиях, составе семьи, а также физических и психических недугах.

Исследователи противопоставляли эти две классификации, считая, что одна из них отвечает интересам государства, а другая — науки. Но в царский период ни одна из

форм репрезентации этнического разнообразия не одержала верх. Различие заключалось не столько в принципах классификации — в обоих случаях учитывались как элементы лингвистической родословной, так и географические характеристики (кавказские горцы, малые народы Сибири), — сколько в используемом «масштабе», в степени детализации. В то время как в правительственных перечнях речь шла прежде всего о диалектах и племенах, ученые делали различие между языком и диалектом, народностями и племенами, прибегая к эволюционистской модели, призванной позволить им прогнозировать будущее. Они взывали к истине, выступая против слишком общего, «обыденного» языка администрации, объединявшего всех жителей Кавказа под именем «черкесов» или делившего обитателей Средней Азии на тюрков и сартов.

На специальной С.-Петербургской сессии Международного статистического института представитель последнего, известный французский географ Леваллуа, охарактеризовал российскую перепись как важнейший вклад в международную науку. Семенов-Тян-Шанский мог гордиться принятыми ЦСК решениями и использованными комитетом методами регистрации, универсальный характер которых был доказан благодаря тому, что российские статистики смогли применить их на всей территории империи, вплоть до самых ее окраин и границ «рода человеческого»[136]!

В центре дискуссий о переписи языков, вспыхнувших после революции 1905 года под влиянием одновременно роста национальных движений и ослабления цензуры, стоял не проект государства-ассимилятора, а, наоборот, идея существования множественных национальных демографических «организмов», живущих собственной жизнью. Создав количественные и территориальные репрезентации различных общностей, статистики проложили путь тем, кто мог теперь претендовать на статус нации. Сделав общественным достоянием информацию о количестве людей, говоривших на белорусском и украинском языках, они заслужили упреки в подрыве принципа им-

перского единства, объединявшего великорусский, малорусский и белорусский диалекты в единую русскую общность. Сопротивление, оказанное переписи, свидетельствовало о брожении среди части населения империи. Хотя случаи отказа участвовать в переписи наблюдались и в запрещенных православных сектах, основные сложности возникли в среде мусульман и католиков, то есть нерусского населения, подвергавшегося различным формам дискриминации. Эти бунты нелегко интерпретировать, но очевидно, что речь шла не столько о проявлении страха перед новым, современным инструментом учета населения, сколько о выражении недоверия по отношению к русскому государству или даже о желании обрести независимость. Они нашли продолжение в событиях революции 1905 года, в ходе которой на окраинах империи вспыхнули волнения, сопровождавшиеся особым насилием, и с новой силой зазвучали требования предоставить народам империи гражданское равенство и гарантировать территориальную автономию.

Глава 4

ОТ ОДНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА К ДРУГОМУ. ПРАВОВЫЕ КАТЕГОРИИ И НАЦИОНАЛЬНОСТИ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ИМПЕРИИ (1905—1914)

Революция 1905 года привела к глубокому разрыву в истории Российской империи. В Грузии, Польше и Прибалтике требования перераспределить землю и гарантировать соблюдение национальных и языковых прав сопровождались восстаниями и другими радикальными формами протеста[1]. Отныне правительству приходилось учитывать риск развития революционных и сепаратистских движений среди инородцев. Кроме того, создание — в результате революции 1905 года — представительной системы на центральном уровне привело к важному изменению в отношениях между царем и обществом. В Первой Думе нерусские депутаты имели стратегический вес[2]. Стремясь ограничить влияние «инородцев», в 1907 году правительство решило учитывать национальность депутатов и избирателей, ограничив избирательные права нерусских народов. Это означало превращение национальности в политическую категорию.

Одновременно прежнюю четкость утратили категории религиозной и сословной принадлежности. Манифест 17 октября, подписанный под нажимом революционного движения, признавал свободу совести и по-новому определял место религии в общем имперском «здании». Вероисповедание становилось отныне личным делом каждого, и принадлежность индивида к тому или иному культу (все еще являвшаяся обязательной из-за отсутствия государ-

ственной системы записи гражданского состояния) могла меняться на протяжении его жизни. Вместе с тем введение гражданского равноправия и принятие серии законов, призванных сгладить различия между статусами, ставили под угрозу всю сословную иерархию. Национальность, напротив, была институционализирована, в частности в сфере избирательных практик. Тем не менее переход от старого режима к многонациональному обществу еще только начинался. В условиях отсутствия соответствующих инструкций из центра регистрация национальной принадлежности носила случайный, бессистемный характер. При этом в приходских книгах, удостоверениях личности и внутренних паспортах по-прежнему указывались вероисповедание и сословие[3].

Дезинтеграция империи

Сословия и интеграция в имперскую иерархию

Иерархическая вертикальная система сословий априори противостоит горизонтальной этнической классификации в том виде, в котором мы знаем ее сегодня. Однако изучение интеграции регионов и национальных сообществ в царский период позволяет увидеть, насколько эта система сумела приспособиться к местным условиям и отчасти внесла вклад в сохранение этнических идентичностей.

Сословный порядок, сформировавшийся в России в XVIII веке, в эпоху, когда подобные системы исчезли в крупнейших европейских монархиях, отражал стратификацию имперского общества, построенного на иерархии различных классов (дворян, духовенства, мещан, крестьян). Сословия представляли собой сложную и гибкую форму социальной организации, которая отражала права, запреты и ограничения, определявшие отношения индивидов и общин с государством. Понятие «сословие»

(этимология которого восходит к «собранию») совмещало идею правовой категории и социальной группы. Оно определяло правовой статус отдельных социальных тел, членов которых объединяли не только общая форма службы на благо государства и уровень налогообложения, но и существование — на местном уровне и не систематически — сословных объединений, формировавших сети социальных связей. В начале XIX века за сословиями скрывались устойчивые образования, обладавшие собственной культурой и социальной идентичностью; они характеризовали всю имперскую социальную структуру, опиравшуюся на неравенство статусов. Сословная система, для описания которой служили сотни терминов, постепенно объединенные в более общие категории, сохраняла гибкий характер на протяжении всего XIX века. В начале XX века юрист Н.М. Коркунов определял сословие как единицу, истоки которой восходят к этнической группе, общим занятиям, собственности.

Вплоть до ее отмены в ноябре 1917 года сословная система определяла отношения между индивидами и государством: налоги и другие обязанности, доступ к образованию, различным типам правосудия, гражданским и военным должностям зависели от принадлежности к тому или иному сословию. Эта система носила наследственный характер: при рождении ребенка приписывали к сословию отца, а женщина обычно переходила в сословие мужа[4].

Территориальная экспансия сопровождалась интеграцией других этнических сообществ и постепенным распространением сословной системы на новые территории. В различных регионах и в разные периоды этот процесс принимал разнообразные формы; кроме того, он зависел от того, шла ли речь о дворянстве или духовенстве, горожанах или крестьянах. До середины XIX века автохтонная знать обычно интегрировалась в имперскую иерархию. Так, балтийскому рыцарству, польской шляхте и магнатам, верхушке украинского казачества, бессарабским боярам, грузинским тавадам, мусульманским бекам, ханам и мурзам была гарантирована принадлежность к

дворянству. Хотя их правовой статус и определялся по-новому, в соответствии с имперской логикой он опирался на ряд особых правил и исключений, что позволяло в большинстве случаев закрепить имевшиеся у них права, отличавшие их от русского дворянства центральных губерний[5].

Близость двух понятий – этнического и сословного – с особой яркостью проявилась в институционализации этнических общин в качестве сословий. Автономия целых народов была обеспечена путем их превращения в отдельные сословия, как это произошло в случае военного сословия башкир, казаков, части населения Великого княжества Финляндского, а также немецких, греческих, итальянских колонистов, привлеченных в Россию налоговыми льготами. Поиск компромиссов, которым сопровождалась интеграция новых территорий и групп населения, затрагивал не только самоуправление, но и налогообложение и государственную службу.

Несмотря на то что Великие реформы 1860-х годов и усилия, направленные на интеграцию периферийных зон империи, сопровождались рационализацией административной системы, сословный порядок и связанные с ним различия в статусах сохраняли чрезвычайно сложный, запутанный характер. В то время как, например, личные и сословные права бессарабских бояр и казачьих старшин были приведены в соответствие с правами русского дворянства, представители знати Кавказа, Привислинского края и девяти западных губерний формально имели те же права, но на практике по-прежнему оставались ограничены в том, что касалось несения государственной службы и прав собственности[6]. Прибалтийское и финское дворянство, напротив, по-прежнему пользовалось привилегированным статусом, в частности благодаря сохранению традиционных институтов, которые были поставлены под вопрос центральным правительством только в начале века[7].

Даже после включения той или иной народности в более общую категорию, прежде всего крестьянство, в зако-

нодательных актах она по-прежнему фигурировала под своим старым именем. Так, определяя категории населения, имевшие статус крестьян, один из текстов говорил, что таковыми являются «инородцы, известные под именами татар, вотяков, мордвы, чувашей, черемисов и др.»[8]. После упразднения башкирского военно-служилого сословия в 1874 году его представители сохраняли ряд особых прав и в юридических текстах по-прежнему именовались башкирами. Так же обстояло дело с иностранными переселенцами, которые, даже будучи причисленными к крестьянам, продолжали называться греческими или немецкими колонистами и пользоваться особыми правами. Вплоть до серии дискриминационных мер, введенных против них в западных губерниях, немецкие переселенцы и их потомки сохраняли свои привилегии, полагавшиеся им теперь как «бывшим колонистам»[9].

Помимо чисто юридической классификации сословий, расплывчатость понятий социального положения, занятий и этнической принадлежности проявилась в момент завоеваний. В Туркестане, вошедшем в состав Российской империи только во второй половине XIX века, царские администраторы столкнулись с неизвестными им этническими группами и понятиями. В этой ситуации они постарались найти максимально простые категории, различая прежде всего кочевое и оседлое население и выделяя среди последней группы крестьян и городских жителей. Кочевников обычно именовали киргизами, горожан — сартами, а крестьян — узбеками[10]. Так в основу этнической и лингвистической классификации жителей Средней Азии легла «этнизированная» социальная иерархия. Она определяла положение различных сообществ исходя из имперских нужд и критериев, отдававших предпочтение городским жителям и оседлому населению по сравнению с кочевниками.

В момент переписи 1897 года была выработана, подобно перечню национальностей, классификация сословий. Помимо шести основных категорий — дворянства, духовенства, мещанства, сельских жителей, инородцев и ино-

странцев — были выделены многочисленные подгруппы, многие из которых структурировались на основе этнонима. Больше двух десятков сословий представляли собой этнические общины[11]; кроме того, широко употреблялись более общие термины, отсылавшие к этнической принадлежности, например «кавказские горцы», «уроженцы Финляндии», «малороссийские казаки». В случае сельских жителей, к примеру, помимо социальных и правовых категорий (например, «однодворцы») среди крестьянства выделялись кавказские крестьяне, колонисты, бессарабские цыгане, крымские (таврические) татары, вотяки, мордва, чуваши, черемисы[12].

В ходе Великих реформ 1860-х годов правительство приняло ряд мер, с тем чтобы не ликвидировать эти социально-правовые иерархии, а сгладить различия между статусами путем, в частности, освобождения крестьян, распространения обязательной воинской службы на дворян и судебной реформы. Впоследствии налоговая реформа 1889 года, а главное — свобода передвижения, предоставленная крестьянам в 1906 году, внесли новый вклад в сглаживание различий между сословиями[13]. Идея, согласно которой все подданные императора должны иметь одинаковые возможности в области общественной жизни и социальной мобильности, была первым шагом к «всесословному» обществу, в котором место индивида больше не определялось бы его происхождением. Тем не менее, несмотря на растущую критику в адрес сословной иерархии, воспринимаемой в качестве тормоза на пути модернизации, сословия и после революции 1905 года оставались важным маркером идентичности.

Сословие: от статуса к идентичности

В начале XX века сословная система подвергалась, таким образом, решительной критике. Некоторые представители формирующегося гражданского общества рассматривали сословия не только как препятствие для

социальной мобильности и демократизации, но и как устаревшую, исчерпавшую себя систему, больше не находящую применения даже на индивидуальном уровне[14]. Государственная дума 1-го созыва поставила вопрос об отмене сословной системы. Население, однако, продолжало регистрироваться по сословиям, а некоторые группы, например казаки, требовали сохранить свой особый статус. Часть дворянства, чьи политические привилегии оказались под угрозой из-за интеграции в общественную жизнь крестьян, предложила новое определение сословной организации, основанное на идентичности. Ссылаясь на унаследованную ими от предков культуру государственной службы, они рассматривали сословия как определенный образ жизни и способность управлять государством[15].

В 1910-е годы при подготовке новой переписи встал вопрос о включении в нее сословного критерия. В конце концов статистическая администрация решила ввести различие между правовой категорией, именуемой «состоянием», и «сословием», определяемым субъективным образом, как идентичность, принадлежность к той или иной субкультуре[16]. Сомневаясь в целесообразности использования первого понятия, статистики подчеркивали необходимость задавать индивидам вопрос о втором, подразумевающем культурно-бытовой аспект[17]. Введение этого различия было связано с обособлением социальной категории по отношению к строго юридической, оказавшейся под угрозой в результате политических изменений и принятия новых законов. Оно свидетельствовало также о необходимости — с целью защиты социальной иерархии — определить связанные с той или иной идентичностью культуры и типы поведения, так как они были единственными, могущими найти себе место в новой политической ситуации, отчасти основанной на праве голоса.

После революции 1905 года сословная система оставалась в значительной мере нетронутой, но изменилось ее понимание: теперь сословие рассматривалось как «социальная группа, определяемая на основе своей культуры и стиля жизни»[18]. Этот общинный аспект, опирающийся на

культурную и социальную («бытовую») идентичность, чрезвычайно показателен с точки зрения близости понятий этнической группы и сословия.

Национальность как статус

В условиях, когда социальный статус мог в значительной мере зависеть от этнической принадлежности, само население империи использовало сословия в качестве этнического маркера. Во время переписи 1897 года жители Усть-Оленька на вопрос о языке отвечали «крестьяне», желая тем самым указать на свое отличие от соседей-якутов, относившихся к «инородцам»[19]. Таким образом, социально-правовой статус в большей степени, чем язык, позволял русским переселенцам подчеркнуть свою «русскость». И напротив, в переписных листах можно найти множество случаев использования этнических наименований при ответе на вопрос о сословной принадлежности. В большинстве случаев для характеристики «инородцев» служили этнонимы[20]. Для опрашиваемых и переписчиков этническая принадлежность была знаком социального статуса, синонимом места, занимаемого внутри имперской иерархии. В Сибири в приходских книгах, где обычно фигурировало только сословие, повсюду значилась и национальность[21]. Это свидетельствует о том, что для местных общин, зачастую живших отдельно от русских, не смешиваясь с ними и привыкнув к их особому, привилегированному статусу, этническое отличие было более важным социальным маркером, чем сословная принадлежность. В начале XX века в этих регионах исчезновение различий между жизнью русских и туземцев воспринималось как аномалия[22]. Там, где в результате долгого опыта совместного проживания границы между русскими и инородцами, завоевателями и местным населением стерлись, сословия служили маркерами идентичности, позволяя бывшим русским переселенцам сохранить свою «русскость».

В работе о переписи 1897 года Патканов показал сегрегационный характер сословной системы, которая позволила сохранить организационные структуры, существовавшие — по мнению русских — в этих обществах в момент завоевания. Он объяснял, что в составе империи существовали земли, где местное население жило в совсем иных (с точки зрения юридических прав, налогов и пр.) условиях, чем русские обитатели. В то время как большинство «туземцев» принадлежали к особому сословию «инородцев», русские жители этих областей входили в число «крестьян», «мещан», «купцов» и пр.[23] Он отмечал, что, если в Америке из-за смешения этносов не существовало достоверных данных о росте коренного и — отдельно — белого населения, в Российской империи благодаря сословному делению «чистокровных» белых было легко отделить от «метисов» и «мулатов».

Социальная мобильность, характерная для конца XIX века, и изменения в законодательстве подрывали неподвижный, застывший характер этой «идеальной», воображаемой сегрегации между русскими и инородцами. В 1902 году в ходе разработки данных переписи Министерство финансов, часто критиковавшее работу ЦСК, поставило под сомнение отнесение одних зырян, самоедов и лопарей к крестьянам, а других — к инородцам. Чиновники министерства считали, что каждый из этих народов в своей совокупности принадлежал либо к одной, либо к другой категории. Статистики выступили в защиту своих выводов, ссылаясь на то, что сословная и национальная принадлежность не совпадают, так как последняя определяется языком, а не сословием.

Размышления Патканова позволяют увидеть, что различные формы правовой дискриминации в отношении инородцев гарантировали сохранение их отличий. Переход из инородцев в крестьянское сословие обычно происходил во время ревизии и затрагивал всех жителей деревни или членов рода (в силу коллективного характера налога). Такие операции «насильной ассимиляции» были, однако, прекращены во второй половине XIX века[24]. Зато

принятые в 1892 году законы позволяли инородцам в индивидуальном порядке отказываться от своего статуса и переходить в категорию крестьян или мещан, становясь членами крестьянской общины или гильдии[25].

В отличие от ЦСК, Министерство финансов подчеркивало однородность групп, образовывавших сословия, и напрямую связывало этнические общины с сословиями, ставя акцент на закрытом характере как сословного деления, так и этнической структуры общества. Со своей стороны, Статистический комитет напоминал, что сословная система отнюдь не исключает индивидуальной мобильности. Он подчеркивал специфику национального вопроса, бывшего автономным по отношению к имперской иерархии, зафиксированной в законодательстве. Если рассуждать дальше, следуя логике статистиков, тождество между сословием и национальностью оказывалось под вопросом не только из-за возможности переходить из одного сословия в другое, но и в силу неизменного характера национальной принадлежности.

Рассуждая в духе ассимиляционных теорий, в частности программы М.М. Сперанского[26], «создателя» статуса инородца, можно было бы сказать, что переход индивида из инородцев в крестьянское или мещанское сословие приравнивался к ассимиляции. Отказ рассматривать смену статуса в качестве свидетельства аккультурации свидетельствовал о том, что в начале XX века вопрос интеграции нерусского населения больше не мог решаться традиционными способами.

Инородцы в последние годы Российской империи

«Устав об управлении инородцев», вводивший этот статус, был принят в 1822 году, в период, когда романтизм и идеология Просвещения сообща рассматривали народы в рамках линейной эволюционистской теории. «Самым неразвитым» народам России был предоставлен особый статус, который, как считалось, должен был защитить их.

В концепции инородческого сословия отразились философские взгляды ее автора – М.М. Сперанского, в тот момент сибирского генерал-губернатора. Такая организация, придуманная вначале для «туземного» населения Сибири, предусматривала существенную автономию местных элит, сохранение существующих правовых норм и традиций, уплату налога согласно возможностям и освобождение от рекрутской повинности. Речь шла о том, чтобы адаптировать имперское законодательство к «стадии развития» этих народов, многие из которых были кочевниками и жили на огромном расстоянии от центральных русских областей.

Сперанский надеялся, что эти народы постепенно подвергнутся действию цивилизации, станут оседлыми и воспримут русские обычаи и образ жизни[27]. Это позволит им достичь более продвинутой стадии интеграции и получить тот же юридический статус, что и русские крестьяне.

В опубликованном в 1835 году Своде законов евреи – несмотря на обязательную для них воинскую службу – были включены в сословие инородцев. Этот пример позволяет проследить за эволюцией понятия инородцев. Данный термин не только определял права и обязанности отдельной категории населения[28] и ее «историческое положение» относительно западной цивилизации, но и отводил ей место на периферии имперского общества. В «Законах о состояниях» 1876 года инородцы и входившие в их число подгруппы занимали промежуточное положение между «природными обывателями» (городскими и сельскими жителями) и иностранцами[29].

В начале XX века термин «инородцы» претерпел существенные изменения; отныне в него включалось все больше категорий нерусского населения. Эта эволюция позволяет осознать растущую напряженность, связанную с многоэтническим характером империи в последние годы ее существования. Инородцы были единственным сословием, определенным на основании исключительно этнических критериев (о чем свидетельствует, в частности,

сам термин, указывающий на принадлежность к «иному» роду). Ни один русский, по определению, не мог быть инородцем. Согласно словарному определению, инородцы отличались «низким уровнем гражданственности». В более широком смысле энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона определял их как «русских подданных неславянского племени». Распространение на них имперских правовых норм могло осуществляться лишь постепенно[30].

В начале XX века в публичном — административном и академическом — дискурсе термин «инородцы» все чаще начинал применяться в отношении растущего количества категорий населения. На этнографических картах появлялось все больше различных народов без упоминания различий между ними (например, славяне, христиане, более «развитые», западные, или «отсталые», восточные). Накануне войны этнограф Лев Штернберг отмечал расхождения между правовым содержанием термина «инородцы» и его обыденным употреблением, распространявшим его на все нерусское население, включая украинцев. Поэтому ученый считал нужным отказаться от юридического определения, которое включало в эту категорию племена с особым правовым статусом и предполагало один и тот же уровень культурного и национального развития у евреев и самоедов, но не у татар и чувашей[31].

Семантическая эволюция термина в последние годы царского периода позволяет увидеть, как дискриминирующая концепция особой правовой группы — инородцев — была распространена на все более широкие слои населения. Маргинальное по отношению к имперской иерархии положение этой группы в конце концов было расширено за счет представителей всех народов, кроме русского. В политическом дискурсе термины «инородец» и «инородческий» теперь повсеместно употреблялись в пренебрежительном смысле по отношению ко всему нерусскому населению.

Институционализация конфессий

Религиозные различия структурировали имперское здание, жизнь индивидов и сообществ в не меньшей степени, чем сословные различия. В ряде провинций конфессия служила этническим маркером как для населения, так и для администрации. В переписных листах 1897 года обитатели Средней Азии могли отвечать «мусульманин» на вопрос о языке, а в Сибири кто-то называл себя, отвечая на тот же вопрос, «лютеранином»[32]. В западных губерниях, как это следует из переписки между государственными учреждениями, каждой конфессии соответствовала определенная национальность. Так, в 1903 году виленский губернатор запросил у ЦСК содержавшиеся в материалах переписи сведения о распределении национальностей на территории вверенной ему губернии. В ответ ему сообщили, что разработка этих данных еще не завершена, но что достаточно взять уже доступные сведения о конфессиональной принадлежности, чтобы узнать национальный состав населения. Помочь в этом должна была следующая система соответствий: православные были русскими, католики – поляками или литовцами (или жемайтами)[33], протестанты – немцами, а иудеи – евреями[34]. Переписка между Вильно и МВД показывает, как регистрация по конфессиональному признаку подменяла собой учет национальностей.

Имперские законы признавали «свободу веры» (то есть религиозные различия), но на уровне не индивидов, а общин. В них говорилось, в частности: «Да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языками по закону и исповеданию праотцев своих». Населявшие империю народы, как христиане, так и мусульмане, иудеи, буддисты и язычники[35], могли следовать принципам своей веры, что означало соблюдение соответствующих обычаев и правовых норм. В период правления Екатерины II и в еще большей степени при Николае I признание религиозной веры сопровождалось организацией и установлением административного конт-

роля над неправославными религиозными институтами. В конце XIX века юрист М.А. Рейснер, анализируя закон о веротерпимости, подписанный Екатериной II в 1772 году, объяснял, что он предполагал терпимость в отношении нравов и обычаев других племен и народов, но не в отношении их веры, то есть своего рода связи между человеком и Богом[36].

Имперское государство установило контроль над неправославными культами путем институционализации их внутренней иерархии и структур[37]. В 1810 году Александр I создал Главное управление духовных дел иностранных исповеданий, включенное впоследствии в структуру МВД. Российское правительство считало себя вправе вмешиваться в вопросы догм, ритуалов и церковных организаций. Оно позволяло духовным лицам различных конфессий осуществлять социальный и моральный контроль над соответствующими общинами верующих[38].

Дело в том, что, как напоминал об этом Патканов, определенные области частного права, семейная жизнь и регистрация актов гражданского состояния определялись исходя из конфессиональной принадлежности[39]. В условиях отсутствия унификации и секуляризации гражданского права на периферии повседневная жизнь людей подчинялась особым правилам. Казаки, колонисты, а также, к примеру, кочевники, евреи и мусульмане следовали собственным нормам в области брака и наследования[40]. В отсутствие гражданской (осуществляемой государственным аппаратом) регистрации актов состояния духовные лица других конфессий выполняли функции царской бюрократии в отношении общин, к которым не имела доступа государственная религия в лице православной церкви. Благотворительная деятельность, обучение в школах, присяга на верность императору, распространение новостей — эти и другие функции добавлялись к регистрации рождений, браков и смертей, обеспечивая местному духовенству роль «мостика» между сельскими общинами и Центром[41].

Вероисповедание занимало центральное место в жизни людей. Запись в приходские книги обеспечивала им юридическое существование. В конце царского периода выписки из этих книг представляли собой основной способ идентификации индивидов, так как данные из них переносились во внутренние паспорта. Они содержали сведения об имени, поле, возрасте, семейном положении, официальном месте жительства, вероисповедании и сословии. В Своде законов были приведены образцы метрических книг для православных, мусульман, караимов (иудеев, отрицающих Талмуд), иудеев. Эти образцы, предлагавшиеся на иврите, русском, татарском и пр. языках, должны были способствовать распространению унифицированной системы регистрации актов состояния[42]. В целом вплоть до революции и создания советской гражданской системы актов духовенство продолжало играть роль «хранителя» гражданской идентичности жителей империи.

Вероисповедание в значительной мере носило наследственный и эндогамный характер. Переход из одной веры в другую был редким явлением (несмотря на учащение подобных случаев в начале XX века) и подлежал строгому контролю. Специальные правила подробно регламентировали все процедуры, связанные с заключением брака между лицами различного вероисповедания. Так, христиане имели право вступать в браки только с другими христианами, за исключением лютеран, которым разрешалось заключать союзы с иудеями и мусульманами, но не с анимистами[43]. По мнению статистиков, переход из одной веры в другую чаще всего сопровождался утратой национальности[44]. В проектах закона, призванного смягчить эти правила, напоминалось, что смешанные браки вносили вклад в «сближение» и отчасти «слияние» различных народностей[45].

Православие, свобода совести и конец одной ассимиляционной модели

Близость между национальным самосознанием и самоидентификацией с теми или иными духовными или рели-

гиозными сообществами ярко проявилась в случае русских, в силу сохранявшейся на протяжении всего имперского периода органической связи между православием и государством. В предложенной графом С.С. Уваровым в 1833 году имперской идеологии, определявшей сущность Российской империи, православие стояло на первом месте, перед самодержавием и народностью. Несмотря на признание других религий, напрямую связанное с признанием этнического разнообразия имперского пространства, официальное православие пользовалось уникальными привилегиями, указывавшими на его бесспорно доминирующие позиции.

Интеграция новых земель сопровождалась православным прозелитизмом[46]. Во второй половине XIX века, особенно в царствование Александра III и Николая II, государство поддерживало православие путем оказания помощи миссиям, финансирования церковных школ и строительства храмов на Кавказе, в Поволжье и западных губерниях. В середине этого столетия мари, жившие в Поволжье, называли свою религию «марийской верой», а своих одноплеменников, принявших христианство — «русскими верующими»[47]. Анимистические ритуалы отождествлялись с определенной этнической культурой, в то время как православный культ, контакты с русским приходом и духовенством были знаками аккультурации, понимаемой как ассимиляция.

Православие было наследственным и охраняемым атрибутом, отказываться от которого было запрещено. Как напоминалось об этом в ходе переписи 1897 года (на случай, если бы у переписчиков возникли сомнения), дети, один из родителей которых был православным, в обязательном порядке считались православными и должны были записываться таковыми[48]. Принимая православие, новообращенные торжественно обещали хранить верность православной церкви, а также крестить и воспитывать своих детей в этой вере.

Как и после восстаний, вспыхнувших во время переписи 1897 года (см. предыдущую главу), в начале XX века

случаи отказа от православия в Поволжье, Прибалтике и западных губерниях, а также трудности, связанные с контролем запрещенных культов (униатов и православных сект), заставили правительство изменить законодательство[49]. Униаты надеялись, что Николай II по крайней мере признает их католиками, а может быть, даже узаконит существование униатства. С 1829 года и особенно после 1863 года в Поволжье потомки крещеных мусульман, зарегистрированные православными, все чаще выступали с требованием разрешить им вернуться к вере предков. Обращаясь со все новыми и новыми прошениями на имя императора, они добивались признания своей истинной веры, используя в качестве аргумента принцип свободы совести или ссылаясь на ошибочную запись их христианами в ревизиях. Движение за возвращение из православия в ислам или даже исламизацию бывших анимистов, ранее обращенных в православие, беспокоило и церковь, и государство. Стремясь противостоять ему, они вернулись к миссионерству. Ильминский, специалист по миссионерской работе в Поволжье, предложивший новые методы обучения и распространения православия среди инородцев, видел в духовном обращении способ русифицировать нерусское население. Рекомендуя использовать местные языки и туземное духовенство, он делал из православной духовности критерий русского национального самосознания и идентичности[50].

Тем не менее в начале XX века среди царских министров и ряда церковных иерархов все шире распространялась идея необходимости различать интересы государства и православия. В октябре 1905 года под нажимом революционного движения и требований гарантировать веротерпимость Николай II признал свободу совести. Несмотря на то что его положения так никогда и не были полностью воплощены в жизнь[51], Манифест 17 октября принес с собой признание возможности перейти из православия в другую (но только христианскую) веру. Теперь лица, зарегистрированные православными, но исповедовавшие другую христианскую веру, могли потребовать

вычеркнуть их имена из православных приходских книг[52]. В прибалтийских губерниях это привело к массовым «возвращениям» в лоно лютеранской церкви[53]. Одновременно не могла не встать проблема крещеных мусульман Поволжья, которые восприняли серию законов, вводивших свободу совести, как признание их истинной веры. В конце концов право вернуться в ислам было даровано тем из них, кто мог доказать, что они сами или их предки ранее являлись мусульманами. В 1905 – начале 1909 года около 50 000 православных официально перешли в ислам и были прикреплены к местным мусульманским общинам[54].

Во время обсуждения проекта новой переписи, запланированной на 1915 год, но отмененной в связи с войной (см. ниже), вопрос регистрации вероисповедания индивидов встал по-новому. Теперь предметом дискуссий стало неверие[55] и была признана возможность несовпадения официальной религиозной принадлежности и личной веры человека. Так, председатель Статистического комитета М.И. Георгиевский и статистик В.В. Степанов предлагали, чтобы счетчики задавали вопрос не «К какому вероисповеданию вы причислены?», а «К какому вероисповеданию вы себя причисляете?»[56]. На страницах газеты «Речь» статистик А.А. Кауфман, один из лидеров кадетов, сравнивал вопрос о религии с вопросом о семье, объясняя, что целью переписи является выяснить не формальное положение дел, а узнать о реальном семейном положении и вероисповедании населения[57]. В результате дискуссий восьмой вопрос переписного листа был сформулирован следующим образом: «Кто какой веры каждый сам себя считает»[58]. Предлагая такое понимание индивидуальной веры, не сводимой к административной регистрации, статистики предусматривали даже возможность заявить об отсутствии конфессиональной принадлежности.

Религия и национальность

По мнению русских юристов, привилегированный статус и господство государственной религии, несомненно,

сыграли роль важного двигателя имперской интеграции: лица, принявшие православие, и их дети окончательно оставались в этой вере, так как покидать ее запрещалось. В силу того что между «русскостью» и «православием» ставился знак равенства, обязательство воспитывать детей в православной вере рассматривалось как инструмент национальной ассимиляции[59]. Однако, как признавали специалисты, дарованная Манифестом 17 октября 1905 года свобода совести ставила под угрозу этот процесс, предоставляя возможность родителям *по своему усмотрению* выбирать веру, в которой они будут растить детей. Распространение идеи индивидуальной свободы совести – а не только терпимости в отношении неправославных культов – привело к потере религиозным признаком былой четкости.

Одновременно местные власти отказывались от отождествления вероисповедания с национальной принадлежностью. Виленский губернатор отмечал: «Смешение вероисповедания с народностью нередко влекло за собою серьезные ошибки в местной административной практике, выражавшиеся в совершенно неправильном отождествлении принадлежности к известному вероисповеданию с принадлежностью к какой-либо из тех народностей, для которых до настоящего времени действуют в Северно-Западном крае ограничительные законы»[60]. Отмечая, что с 1865 года был принят ряд дискриминационных мер, направленных против лиц польского происхождения, а не католиков, в начале XX века администрация напоминала о том, что вопрос национальности носил особый характер.

Несмотря на проекты введения равноправия, большинство положений, обуславливающих индивидуальную дискриминацию на основе религиозного или этнического критериев, осталось в силе и после 1905 года. Но аргументы в пользу их сохранения и вся сопутствующая риторика свидетельствуют о секуляризации и национализации политических дебатов в начале XX века. По поводу дискриминационных мер против евреев в законодательстве уточнялось, что эти официальные ограничения были свя-

заны не с религией, а с «национальными особенностями» евреев, «выделяющими их в инородческую, поставленную в особые условия группу, находящуюся вне зависимости от религии»[61]. Царское правительство отказывалось пересматривать большинство дискриминационных мер, основанных на религиозной или национальной принадлежности. Единственное, что было новым, – это то, что теперь оно объясняло необходимость принимать меры против тех или иных лиц не их вероисповеданием (провозглашение свободы совести делало такую дискриминацию противозаконной), а национальностью. Одновременно в ряде правовых норм уточнялось, что для установления национальной принадлежности по-прежнему мог использоваться конфессиональный критерий[62].

Революция 1905 года привела к резкому ускорению процесса секуляризации, выражавшегося в национализации политической борьбы. Перестав считаться главным критерием политической лояльности, религиозная идентичность продолжала рассматриваться как характеристика, указывающая на национальную принадлежность, которая, в свою очередь, позволяла оценить преданность того или иного подданного. Но случаи перехода из одной веры в другую и расшатывание барьеров между конфессиями, ставшие возможными благодаря признанию личной свободы совести, ставили под вопрос эффективность вероисповедания как критерия определения национальности. Так становилась очевидной необходимость регистрировать ее напрямую.

Национальность в век политики

Выборы и институционализация национальности

Царское правительство анализировало революционные события 1905 года, исходя из социальной и этнической принадлежности их участников. Западные районы и За-

кавказье были охвачены движением за национальные права. Несмотря на ограниченный характер реформ, все громче звучали голоса, требовавшие гражданских и политических прав. Реализация – пусть и неполная – прав и свобод, провозглашенных Манифестом 17 октября, создание Думы, смягчение цензуры и распространение печатного слова привели к политизации общества и широкому обсуждению статуса нерусского населения в России. Одним из требований оппозиционных сил стало гражданское равноправие. Российские юристы приступили к выявлению правовых ограничений, связанных с полом, вероисповеданием, национальностью, и обсуждению хотя бы частичной их отмены. Несмотря на критику, которой подвергались дискриминационные меры против отдельных категорий нерусского населения, лишь небольшая их часть была отменена[63].

Прозвучавшее в рескрипте 18 февраля 1905 года обещание создать представительный орган вызвало горячие дебаты во всей стране. В С.-Петербург отовсюду поступали просьбы созвать Учредительное собрание, ввести свободу совести, гражданское равноправие, территориальную автономию и пр. Вначале комиссия, работавшая под председательством министра внутренних дел А.Г. Булыгина над проектом избирательного закона, намеревалась предоставить право голоса только «зрелым» социальным слоям, в районах с достаточным «уровнем гражданского сознания». Предполагалось, что избирательные округа будут соответствовать карте земств и выборы не затронут Степной край, Туркестан, Сибирь и часть Кавказа. Кочевое население и евреи не получали права участвовать в выборах. В конце концов под влиянием развития революции был опубликован новый избирательный закон, существенно понизивший имущественный ценз и предоставивший избирательное право крестьянам и жителям национальных окраин. Нерусские народы, однако, были представлены в меньшей пропорции по сравнению с населением центральных губерний. Кроме того, вскоре были специально отведены места в Думе для сторонников

режима из периферийных районов: представителей русского православного населения и казаков[64].

В Думе существовали политические фракции, образованные по этническому и конфессиональному признаку. Польское коло, казахская, мусульманская, литовско-белорусская и другие группы, объединявшие депутатов отдельных районов империи, служили рупором для выражения требований в области индивидуальных свобод и культурной автономии. Земские деятели и депутаты Государственной думы выступали в роли посредников, передавая прошения о предоставлении гражданских, религиозных, культурных свобод, отмене дискриминационных мер и введении контроля за переселением русских крестьян в Азию и пр.[65] Крупные общенациональные партии, прежде всего кадеты, также представляли интересы национальных окраин[66].

Борьба за гражданское равенство и национальные права шла не только в С.-Петербурге, но и на местах в ходе думских выборов. Некоторые выборщики требовали равноправия перед законом, признания языковых особенностей, предоставления административной автономии или даже превращения империи в федерацию. Заметное присутствие «национальных» депутатов (автономистов), в первую очередь польского коло, от которого зависело думское большинство, до основ потрясло существующую систему имперской интеграции.

3 июня 1907 года Николай II распустил Государственную думу 2-го созыва. Главным ее недостатком он считал чрезмерное присутствие представителей нерусских народов, не достигших «достаточного развития гражданственности» и грозивших спровоцировать дезинтеграцию империи. Как провозглашалось в царском манифесте, новая Дума, «созданная для укрепления Государства Российского», «должна быть русской и по духу. Иные народности, входящие в состав Державы Нашей, должны иметь в Государственной Думе представителей нужд своих, но не должны и не будут являться в числе, дающем им возможность быть вершителями вопросов чисто русских. В тех

же окраинах государства, где население не достигло достаточного развития гражданственности, выборы в Государственную думу должны быть временно приостановлены»[67]. По новому Положению о выборах в Думу, призванному ограничить влияние нерусского населения, некоторые периферийные районы потеряли право быть представленными в Думе; другие располагали теперь меньшим числом мест[68]. Кроме того, нерусские депутаты больше не могли принимать участие в принятии решений по «чисто русским» вопросам. Новое понимание избирательного корпуса как «русского по духу» привело к тому, что на местах регистрация избирателей велась по национальному признаку. Для избрания депутатов и выборщиков от каждой народности использовались национальные избирательные курии, созданные в некоторых губерниях еще раньше, по случаю земских и муниципальных выборов. Новый избирательный закон менял порядок проведения выборов не только на окраинах, но и в центральных губерниях, где правительство также стремилось ограничить количество выборщиков и депутатов в зависимости от их национальности.

В Поволжье и западных губерниях русская администрация констатировала более сильную политическую мобилизацию среди нерусских избирателей и приняла меры для ограничения их участия. Согласно новому Положению о выборах от 3 июня 1907 года, выборщики, участвующие в избирательных съездах, делились по цензам и национальности избирателей[69]. Для определения национальности местные чиновники использовали данные о вероисповедании, фамилии и другие источники, в том числе личное знакомство с указанными лицами[70].

В 1909 году премьер-министр Столыпин подготовил закон, предусматривавший введение земского и реформу городского самоуправления в ряде западных губерний. Одновременно был предложен новый вариант закона о выборах. Столыпин хотел отказаться от системы избирательных собраний, построенных по сословному признаку и отводивших крестьянам, землевладельцам и прочим

категориям определенное количество депутатских мест. Вместо этого он предлагал ввести различие между избирателями на основе их национального происхождения (польского и др.). Эта попытка перейти от сословной системы к представительству национальностей встретила яростное сопротивление внутри государственного аппарата. Несмотря на то что процесс «национализации» политики уже шел полным ходом, значительная часть российской бюрократии сохраняла привязанность к сословным различиям[71], продолжавшим структурировать их политические представления. Неудача, которую потерпела эта попытка изменить законодательство, заставляет, разумеется, с большей осторожностью подходить к идее абсолютного господства национального вопроса в конце царского периода. Как бы то ни было, в выборную практику было введено различие между русским и нерусским населением, изначально с целью обеспечить лучшее представительство всего населения. В результате дихотомическая концепция двух уровней гражданства, двух неравных способностей к участию в общественно-политической жизни – в зависимости от того, идет ли речь о лице русского или нерусского происхождения, – заметно укрепилась.

Вторая перепись

При подготовке второй переписи, запланированной на 1913 год, а затем перенесенной на 1915 год, правительство столкнулось с потоком ходатайств и предложений, смысл которых сводился к тому, чтобы регистрировать отныне не только язык, но и национальность. Представители национальных меньшинств также требовали сбора статистических данных о национальностях.

В 1908 году, то есть через три года после последних публикаций итогов первой всеобщей переписи, ЦСК предложил попросить различные учреждения и отдельные лица поделиться своим мнением о проекте нового обследова-

ния. ЦСК рассчитывал провести вторую перепись в 1910 году, но под давлением Министерства финансов и Государственного контроля от этого плана пришлось отказаться. Причины носили не только бюджетный характер. В качестве одного из аргументов называлась необходимость провести реорганизацию органов статистики, чтобы обеспечить подлинно научный уровень новой переписи[72]. Тогда же, в 1908–1909 годы, в Думе обсуждался проект закона о проведении переписей на регулярной основе (один раз в 10 лет). В конце концов перепись с 1910 года была перенесена на 1913-й, а затем на 1915 год.

Идея закона о регулярном проведении переписей сочеталась с проектом создания единого автономного статистического органа, имеющего собственную сеть губернских и уездных отделений и не зависящего от МВД и всей его системы. Статистики хотели тем самым гарантировать независимый характер разработки количественных данных[73].

Это требование нашло поддержку в печати. Так, в 1913 году со страниц газеты «Новое слово» прозвучал призыв к ЦСК привлечь к проведению новой переписи сотрудников городских и земских статистических учреждений. Их участие должно было быть закреплено в законе. Кроме того, предлагалось позволить местным органам самоуправления включать дополнительные вопросы в стандартный переписной лист[74]. Интерес к статистике, проявляемый новыми российскими элитами, выразился, в частности, в требовании привлечь к проведению переписи представителей гражданского общества (земских деятелей, земских статистиков, руководителей городских дум и управ)[75].

Подготовка второй переписи радикально отличалась от первой – прежде всего интенсивностью сопровождавших ее дискуссий. В 1908–1915 годах шел постоянный обмен письмами между ЦСК и широким кругом ученых и местных администраторов; при этом исследователи (статистики, географы, экономисты) занимали в обсуждении более заметное место, чем раньше[76].

Тем не менее ЦСК остался в подчинении МВД. Царское правительство не захотело отказываться от контроля над цифрами, особенно теми, что имели отношение к национальному вопросу. Несмотря на многочисленные дискуссии и консультации, сопровождавшие выработку переписного листа, последний был подготовлен в тайне[77].

В первом проекте положения о переписи, подготовленном к 1913 году, отразилось стремление ЦСК приблизиться к западноевропейским моделям. Новый переписной лист отразил прежде всего институциональные изменения и новые проблемы, вставшие перед царским режимом. Так, было решено отказаться от обязательного упоминания состояния, места прописки, отношения к военной обязанности и имен собственных. Одновременно было увеличено количество вопросов, касавшихся этнической принадлежности, образования и занятий[78]. Последний вариант переписного листа включал более 20 вопросов. Помимо сведений о фамилии, физических увечьях, поле, семейном положении, возрасте, месте рождения и проживания туда были включены вопросы о сословной принадлежности (подданстве для иностранцев), вероисповедании, родном и разговорном языке, а также владении русским (кроме белорусов и украинцев, которые, как считалось, говорили по-русски). Пять вопросов были посвящены образованию и владению грамотой (чтением и письмом) на русском или другом языке. Наконец, род занятий, профессии, ремесла, служба и другие источники существования делились на основные и дополнительные[79].

В конце концов вторая перепись была перенесена на более поздний срок, а затем отменена в связи с началом Первой мировой войны[80].

Баталия цифр

К тому моменту результаты первой переписи, полностью опубликованные в 1905 году, были уже проанализированы, введены в научный оборот и исправлены. На стра-

ницах журнала «Киевская старина» была, в частности, опубликована статья статистика Л. Лишкова, в которой он рассматривал цифры, полученные в ходе переписи 1897 года в юго-западных районах империи. Он полагал, что ответы опрашиваемых на вопрос о языке очень сильно зависели от внимательности и аккуратности счетчиков. Последние, по его мнению, были недостаточно мотивированы, чтобы подробно и правильно объяснять населению, что подразумевается под «родным языком», в районах, отличавшихся размытостью границ между языками. Лишков приходил к выводу, что опрашиваемые из числа малороссов часто называли в качестве родного языка «русский», подразумевая под ним малорусский, а невежественные счетчики записывали его как великорусский[81]. Идя еще дальше, А. Ярошевич в том же журнале «Киевская старина» анализировал разработку данных о родном языке. Отмечая отсутствие национального самосознания у украинцев и белорусов в юго-западном крае, он объяснял этот факт последствиями проводимой правительством политики языковой дискриминации и приходил к выводу о недооценке численности этих народов[82]. А. Новина, со своей стороны, полагал, что численность белорусов равна не 5 885 547 (по результатам переписи), а 8 миллионам, что соответствовало оценкам профессора Е.Ф. Карского, опиравшегося на результаты своего исследования языковых особенностей белорусского народа[83]. М. Славинский считал, что число велокоруссов — в отличие от евреев, украинцев, поляков и армян — было переоценено в переписи 1897 года[84]. Тогда как официальная статистика оценивала мусульманское население империи в 16 миллионов, в стихах татарских националистов звучала цифра 40 миллионов[85].

Жители зпадных губерний опасались, что чиновники будут манипулировать статистическими данными, основанными на языковом критерии. Эти опасения усилились, в частности, в связи с проектом создания Холмской губернии, в 1910-е годы спровоцировавшим настоящую статистическую баталию. Русские чиновники приступили

к созданию новой административной единицы, Холмской губернии, путем выделения ряда уездов из состава Люблинской и Седлецкой губерний, входивших в состав Варшавского генерал-губернаторства (Привислинский край, бывшее царство Польское). Оправданием для создания русского анклава в традиционно польской зоне служило проживание на территории этих двух губерний большого количества украинцев. Несмотря на то что большинство из них были униатами и с точки зрения культуры и религии были близки к полякам, царское правительство рассматривало их как русских. В этом регионе вопрос о границах между такими близкими языками, как русский, украинский и белорусский (со всеми их промежуточными диалектами и наречиями), был особенно неясным. Статистический спор, сопровождавший создание Холмской губернии, сосредоточился на выборе критерия для определения национальности (язык или религия), а также на вопросе о том, какие достоверные статистические данные могли свидетельствовать о русском или польском характере этой территории[86].

Представители центра в целом высказывали свою обеспокоенность формами, которые принимала регистрация национальностей. В 1908 году виленский губернатор потребовал контролировать данные о вероисповедании и языке в приграничных районах. Год спустя товарищ обер-прокурора Синода подверг критике стремление грузин приписать своей территории этническую однородность. Он выступил против попытки включить в состав Тифлисской губернии районы, не являвшиеся в настоящем смысле слова грузинскими и населенные той же «племенной группой картвелов», мингрелами, сванами и прочими народностями. Во имя точности и справедливости чрезвычайно важно было, по его мнению, снабдить участников будущей переписи строгими указаниями относительно регистрации картвелов[87]. Он подчеркивал значение точного подсчета национальностей на окраинах, где различные племена претендовали на господство и «искусственным образом» включали в свой состав посторонние

этнические группы. В качестве примера он называл Прибалтику, Холмскую губернию, Белоруссию и Кавказ[88]. Таким образом, речь шла не просто о необходимости располагать данными об этническом составе России, но и о контроле над ним.

Имперская администрация и страх перед растворением «русского племени»

В ходе подготовки переписи 1915 года дискуссия о регистрации вероисповедания приобрела особое значение в связи с признанием свободы выбора при обозначении религиозной принадлежности и даже в большей степени из-за унаследованного от прошлого понимания конфессии как национального маркера. Представитель Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД выступил в роли рупора православной церкви и в целом правительства, выразив их озабоченность распространением переходов из одной веры в другую, которые подрывали надежность религиозного маркера как инструмента идентификации. Он просил, чтобы в Западном крае, в местах проживания униатов на территории царства Польского и в Поволжье, где «еще не завершился процесс окончательного вероисповедного самоопределения», регистрировалось не только нынешнее вероисповедание, но и культ, к которому данный человек принадлежал до введения веротерпимости в 1905 году[89]. Статистики отвергли это предложение, ссылаясь на то, что собранная таким образом информация неизбежно была бы недостоверной, так как в ходе переписи нельзя было требовать предъявления документов.

Опасения, что из-за переходов из одной религии в другую этническая идентичность может стать неясной, были очевидными. Таким образом, для царских администраторов на кону в этой переписи стояло отчасти то же, что и в 1897 году, например контроль над еврейским населением. В 1908 году виленский губернатор настаивал на необ-

ходимости особенно внимательно проводить перепись среди евреев и даже предлагал направить на это усиленный контингент переписчиков и выработать специальные инструкции[90]. В письме, адресованном ЦСК, губернатор Акмолинской области объяснял, что введение свободы совести привело к тому, что смена религии стала обычным явлением, особенно среди евреев. Таким образом, заключал губернатор, в случае евреев заявленное вероисповедание не может служить критерием для определения их национальности. Он надеялся, что перепись позволит судить о «влиянии этого элемента на течение жизни российского государства, в особенности это необходимо в отношении евреев, поляков, армян»[91].

Свойственная центральной власти и сторонникам режима на местах ксенофобия чувствовалась во всем. Подчас она высмеивалась в прессе. Например, в газете «Биржевые ведомости» от 15 февраля 1914 года, где говорилось, что перепись покажет, «в какой степени нас давит "иноверческое засилье", о котором вопят на всех перекрестках наши пресловутые "истинно русские люди"»[92]. Здесь отразилось влияние русских националистов на правительство, усиливавшееся с 1907 года, и роль ксенофобской великорусской риторики в предвоенные годы.

Вопрос национальности, несший на себе отпечаток антисемитизма и ксенофобии, рассматривался отдельно не только от вероисповедания, но и от языка. Так, автор письма от 30 ноября 1908 года, адресованного руководству ЦСК, пытался, опираясь на цифры, продемонстрировать, что тот факт, что опрашиваемые называли своим родным языком русский, а религией – православие, не может гарантировать их русского происхождения[93].

В 1914 году, незадолго до намеченного срока проведения переписи, член коллегии министерства внутренних дел Н. Зайончковский, вернувшись из Вильно, выражал свою обеспокоенность тем, что статистические данные подчеркивали национальное многообразие западных губерний. Нарисованная им картина была проникнута подлинно империалистической риторикой. По словам Зай-

ончковского, «поселить рознь между тремя русскими племенами, возбудив стремление к “самоопределению” сперва в малороссах, затем в белорусах, создать широкую трещину в самом русском народе составляет уже несколько десятилетий заветную мечту всех врагов России, особенно поляков, а в последнее время Австро-Венгрии». За этим следовало описание деятельности католических священников, которые учили белорусов закону Божьему на белорусском языке, пользуясь текстами на латинице. Именно ксендзы несли ответственность за требования ввести преподавание на украинском языке и за возникновение белорусских культурных движений. Особой критике он подверг царских чиновников, которые для обозначения русского, белорусского и малорусского народа использовали слово «национальность» вместо «народность» и плодили все новые статистические данные, вводившие различие между этими составляющими великого русского племени[94]. Н. Зайончковский требовал, чтобы в будущей переписи вместо «национальности» систематически употреблялось слово «народность» и чтобы великорусы, белорусы и малороссы фигурировали в одной графе[95]. 9 декабря 1914 года переписная комиссия решила, что носители малорусского и белорусского языков должны будут «просто ответить “да”» на вопрос № 10 о знании русского языка и обучении на русском[96].

Регистрация языка и распространение образования

Эти дискуссии были связаны с теми стремительными изменениями, которые переживало российское общество. Речь, в частности, шла о распространении – отчасти спонтанном, отчасти поощряемом Центром – начального обучения на местных языках. С момента созыва 1-й Думы шло обсуждение проекта закона о всеобщем начальном образовании. Был принят ряд мер, направленных на решение проблемы обучения детей, не говоривших по-русски. В 1870 году Министерство народного просвещения

опубликовало положения, распространявшиеся только на восточные районы империи и предусматривавшие создание начальных школ для инородцев с обучением на местных языках. После революции 1905 года эти положения были вновь поставлены на обсуждение в связи с решением распространить их действие на западные губернии, где вновь было разрешено преподавать местные языки и использовать их в публичной сфере. Обучение детей на родном языке распространялось при посредничестве земств и приходских школ, а также сети школ Министерства народного просвещения. Регистрация языка родителей, который считался родным и для их детей, была необходима, в том числе для создания новых школ[97].

Из письма советника Плойского губернского правления мы узнаем, что городская комиссия по подготовке переписи решила регистрировать язык родителей, определяемый как тот, на котором говорят в семье. Таким образом, вводилось различие между родным языком, разговорным языком и тем, на котором шла служба в церкви[98]. Земская управа Олонецкой губернии размышляла о том, следует ли регистрировать язык, на котором человек говорил в детстве (то есть язык его матери и отца), или тот, на котором он говорит в настоящее время[99].

Тем не менее по-прежнему существовали ограничения на использование в школах украинского, белорусского и идиша. При обсуждении в Думе проекта закона о введении всеобщего начального обучения в 1910 году вопрос преподавания украинского, белорусского языков и идиша был внезапно снят с повестки дня[100].

В 1906 году Министерство народного просвещения предусматривало, что дети будут учиться на родном языке первые два класса. Распространение местных языков сопровождало распространение грамоты. Депутаты Думы, представлявшие различные национальности, предлагали, чтобы обучение велось на местных языках, а русский при этом распространялся бы в качестве языка публичной сферы. В ходе дискуссий в Думе был затронут и вопрос классификации языков, то есть определения тех из них,

которые подлежали институционализации. Один из депутатов предложил увеличить продолжительность обучения на родном языке до четырех лет для восьми основных языков империи. Его проект вызвал насмешки со стороны тех, кто включал в этот список множество других языков, часть из которых еще не имела полностью разработанной письменности[101].

Регистрация национальности

Витебский, курляндский, акмолинский губернаторы, главный пристав кочующих народов Ставропольской губернии, директор начальных училищ Холма, сотрудник Тверского сельского страхового общества и городской голова Елизаветполя, а также преподаватели и статистики требовали, чтобы в переписной лист был напрямую включен вопрос о национальности[102]. Этого мнения придерживался и член ЦСК С. Евреинов, который в 1909 году критиковал выражение «родной язык» (вовсе не означавшее принадлежность к тому или иному народу) и предлагал заменить его на вопрос о национальности[103]. Профессор И. Кошкин шел еще дальше: он хотел, чтобы вопрос о национальности (именуемой «племенем» или «народностью») играл важнейшую роль и стоял сразу после вопросов об имени, поле и возрасте. Председатели земских управ Саратовской губернии и Яранского уезда Вятской губернии предлагали задавать вопрос о народности.

Здесь ясно проявилась тенденция к разграничению терминов, служащих в русском языке для обозначения национальной принадлежности: в то время как слово «народность» имело скорее этнические коннотации, «национальность» в большей степени отсылало к сфере политики.

Статистики не скрывали своей растерянности перед этим потоком просьб о включении в перепись прямого вопроса о национальности. Сами они не собирались этого делать. Член переписной комиссии сенатор В.Т. Судейкин считал, что само слово «национальность» имело раз-

личные толкования, а в переписи следовало избегать двусмысленностей[104]. С.К. Патканову же такой вопрос казался «нежелательным»[105].

Во время последнего обсуждения инструкций к переписи 24 июля 1914 года[106] председатель ЦСК подверг критике то, как был сформулирован вопрос № 9 о родном языке. По его мнению, спрашивая о том, какой язык человек считает для себя родным (и какой является признаком его национальности)[107], организаторы переписи получили бы материал, не поддающийся разработке. Он напоминал о лицах нерусского происхождения, говоривших по-русски и называвших себя русскими. Эта фраза инструкции содержала, на его взгляд, внутреннее противоречие, так как ее первая часть («язык, который каждый считает для себя родным») опиралась на субъективное понимание национальной принадлежности, а вторая (о признаке национальности) – на объективное. Поэтому он предлагал сформулировать начало фразы как «язык, который для каждого является родным».

Это тонкое различие было результатом эволюции точки зрения статистиков. На нее указывают, в частности, изменения в том, как понимал статистический учет национальности известный статистик и один из лидеров кадетов А.А. Кауфман. В статье, опубликованной в 1910 году, он доказывал преимущества вопроса о родном языке, указывавшего на национальность, в дополнение к вопросу об «обычном» языке. Лица, обычно говорившие на русском, могли захотеть подчеркнуть свою принадлежность к иной этнической группе. Обозначение родного языка, отличного от обычно используемого, понималось, таким образом как форма выражения идентичности[108]. В дискуссиях о всеобщей переписи Кауфман в конце концов выступил за то, чтобы задавать только один вопрос об «обычном» языке. Он отметил, что «учитывать национальность, раз во главу уже поставлено стремление сообразоваться с пониманием заинтересованных лиц, невозможно, так как национальность есть объективный признак, который не может быть установлен в зависимости от мнения»[109]. В сво-

их статьях он возвращался к идее объективного характера национальности, так как «никакое “мнение” не может сделать русским в этнографическом смысле слова обрусевшего еврея или латыша». Кауфман выступал за то, чтобы учитывать факт владения русским исключительно с целью изучения влияния русской культуры на другие народы[110]. Такое понимание вопроса о национальности, в форме прямого вопроса или даже вопроса о родном языке, показывает, насколько петербургские статистики, пусть и находившиеся в оппозиции к режиму, но работавшие под эгидой МВД, боялись политической мобилизации на национальной почве. Они продолжали дорожить единством империи и господством русской культуры.

А.А. Кауфман сомневался в возможности учитывать национальность статистическим путем. В апреле 1914 года, на фоне роста геополитических противоречий, которые станут причиной войны, и волнений в приграничных районах Великого княжества Финляндского, он писал: «Масса людей будет вынуждена показывать против внутреннего разума язык, который не есть в действительности их язык, как, например, обрусевших карел заставлять писать, что их язык карельский»[111] (то есть диалект финского, а не русский).

Для статистика Ле Дантю, отвергавшего как объективный, так и субъективный характер национальности, вопрос состоял в том, чтобы понять, кто лучше может определить национальность, счетчик или опрашиваемый[112]. Если последний был не в состоянии назвать свою национальность, это должны были сделать за него счетчики.

Несмотря на то что вопрос регистрации национальности обсуждался в ходе дебатов, носивших безусловно политический характер, он был «переведен» в научные термины, которые позволяли рассматривать его не столько с точки зрения утверждения идентичности, сколько как объект научного исследования. В ходе таких дискуссий постулировалось, что национальность, в силу своего объективного характера, является предметом особого знания, особой экспертизы, а не только политических и индивидуальных притязаний.

В этом контексте придания понятию национальности объективного характера особое значение приобретала работа этнографов, воспринимаемых в качестве обладателей истинного знания о национальной идентичности. Уже в 1908 году губернатор Дагестанской области просил ЦСК предоставить до начала переписи список народностей, живших на территории Дагестана[113], а статистик Кытманов предлагал использовать этнографов для производства переписи среди инородцев[114].

Стремление помешать превращению национальности в предмет политических и индивидуальных требований и не допустить, чтобы кто-либо иной, нежели агенты государства, определял национальные идентичности, открывало просторы перед злоупотреблениями. Геополитические противоречия достигли в тот момент апогея, при этом споры по поводу приграничных территорий теперь связывались с национальным составом их населения[115].

В последние годы существования империи национальность была слабо институционализирована. Зато ее критерии долго разрабатывались учеными и политическими деятелями. Вскоре усилия, направленные на то, чтобы понять и решить «национальный вопрос», войдут во взаимодействие с институциональными, территориальными, политическими и другими изменениями, вызванными войной.

Смены режимов, например та, что произошла в России при переходе от империи к СССР, сопровождаются полным пересмотром правовых норм и социальных репрезентаций. Они идут рука об руку с рефлексией в социальных науках. По словам Макса Вебера, «когнитивной целью любых исследований в социальных науках является желание пойти дальше, чем чисто формальный анализ правовых норм и устоев, регулирующих жизнь общества»[116]. Именно такую работу по пересмотру норм и созданию новой картины социальной реальности вели царские статистики. Ее результатом стало появление новой социально-политической категории — национальности. Как мы увидим в следующей главе, этнографы тоже внесли вклад в это начинание.

Глава 5

«НАУКИ О НАРОДНОСТЯХ» (1905—1917)

Во второй половине XIX века широкий круг представителей различных научных дисциплин участвовал в создании этнографии – науки о народах. Она объединяла исследования в таких различных областях, как лингвистика, филология, археология, статистика, социология, физическая антропология. Эта традиция не исчезла и после 1917 года: в советское время под этнографией по-прежнему подразумевались исследования широкого круга специалистов, получивших разное образование и ориентировавшихся на разнообразные научные горизонты. Тем не менее, несмотря на то что ученые, называвшие себя этнографами, стремились выработать собственные, отличные от смежных дисциплин предмет и методологию, в своих исследованиях они по-прежнему описывали и анализировали народы и их культуру, опираясь на другие науки.

В период между первой и второй русскими революциями эти исследователи, стремившиеся к институциональному признанию и автономии, участвовали в политической жизни России, находясь в оппозиции к царскому режиму. Члены престижной Академии наук, публицисты и сотрудники музеев, представители петербургской аристократии и разночинцы из провинции – все они объединились вокруг начатого в годы войны крупномасштабного проекта картографирования территории империи, в центре которого стояло то, что они называли «этническими группами». В составе ИРГО, а затем Академии наук российские этнографы создали Комиссию по изучению племенного состава населения (КИПС), продолжившую свою деятельность в советский период.

Активное участие этих исследователей в политической жизни было связано с их научной практикой: они счита-

ли науку лучшим инструментом глубокого обновления государства и общества. Этих выходцев из различных социальных слоев и политических кругов объединяло стремление поставить знания на службу государству, чтобы ускорить его модернизацию, прежде всего обеспечив чиновников инструментами, необходимыми для правильного управления: этнографическими картами и статистикой. Либеральные, а порой и революционные взгляды побуждали их к вступлению в общественные объединения и политические партии, где они участвовали в обсуждении и переосмыслении отношений между русским и нерусским населением империи. В своих исследованиях они «подтверждали» существование различных народов и языков, пытались переосмыслить понятие национальности и выступали за гражданское равноправие и в защиту культурных прав народов. Они писали, в частности, о таких вопросах (все больше политизировавшихся по мере приближения войны), как существование украинского языка и статус идиша, считавшегося жаргоном. Они анализировали обеднение туземных жителей восточных окраин, вынужденных покидать свои земли под натиском русской миграции, и скудные условия жизни еврейского населения западных губерний. Они пошли настолько далеко, что признавали и поддерживали национальные движения, отождествлявшиеся для них с культурным развитием и формированием современного политического сознания.

В условиях роста национальных и международных противоречий, а также развития национальных партий, членами которых они порой являлись, специалисты по народностям участвовали в размышлениях о новых формах государственной организации, способных учесть интересы изучаемых ими культур. Этих специалистов разделяли важные социальные, должностные, политические различия; тем не менее они образовывали настоящую среду, внутри которой действовал принцип взаимопомощи, шли дискуссии о смысле национального вопроса, способах его регулирования и решения. Актуальность последнего ста-

ла очевидной во время революции 1905 года, в условиях растущей международной напряженности, затронувшей приграничные районы; затем, по мере приближения вооруженного конфликта, она усиливалась, питаемая страхом перед угрозой распада империи.

Этнография — наука на службе нации?

«Народность» и рождение этнографии

Теоретические и политические дебаты 1900-х годов были связаны со стремительным развитием этнографических исследований, восходившим, по мнению первых историков этой дисциплины, к эпохе Великих реформ[1]. Этнографические исследования, осуществлявшиеся членами молодых научных обществ в 1840–1860-е годы, были частью большого национального проекта, связанного прежде всего с деятельностью ИРГО и его отделений в провинции.

Приход русской «фракции» к руководству ИРГО (внутри которого был создан первый в России научный центр, специально занимавшийся этнографией) означал включение этого общества в национальный проект создания русской науки, призванной изучать русскую нацию и обеспечить ей национальное достоинство. В 1854 году, вскоре после создания ИРГО, между русской и немецкой фракциями вспыхнул конфликт, выразившийся именно в национальных терминах. Речь шла, с одной стороны, об ученых немецкого происхождения, говоривших и писавших на немецком, а с другой – об их коллегах, стремившихся развивать русский научный язык. В этом столкновении также отразилось различное понимание самого предмета и целей этнографии[2]. Натуралист Карл фон Бауэр, принадлежавший к немецкой фракции, включал свое исследование народностей в общий научный проект, целью которого было понять и описать все разнообразие народов и рас, населявших землю. Его противник Н. На-

деждин в своей этнографической деятельности вдохновлялся романтическим видением народов: он, в частности, призывал исследовать русскую народность в ее повседневной, крестьянской жизни[3].

Видя цель этнографии в изучении русской народности, члены ИРГО связывали свою деятельность с прикладной политикой. Путем изучения обычного права, сельскохозяйственных практик и обрядов они хотели внести свой вклад в улучшение жизни русских крестьян, недавно освобожденных от крепостной зависимости. Фигура П.П. Семенова-Тян-Шанского, фактического главы ИРГО, активно участвовавшего в подготовке отмены крепостного права, служит символом этой двойной, политической и научной миссии. Речь шла о служении, связанном с понятием «нации»: напомним, что создание ИРГО пришлось на период 1840-х годов, когда «в молодом поколении начинало пробуждаться русское национальное чувство, а прогрессивные деятели, следуя пришедшему сверху импульсу, принялись работать... на благо возрождения русской народности»[4].

По всей стране множились исследования, питаемые любознательностью провинциальных элит, собиравших домашнюю утварь, предметы одежды, диалекты, сказки, обычаи и пр. Это способствовало созданию новых губернских отделений ИРГО, а затем Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ), основанного в Москве в 1863 году. Опираясь на сеть местных корреспондентов, научные общества рассылали по всей России вопросники и анкеты. Сбор данных, публикация и распространение информации, организация выставок вели к накоплению этнографического материала, пополнявшего создаваемые повсюду музеи. Сохранение «исконных культур», а порой и их открытие благодаря археологическим и этнографическим исследованиям превратилось в одну из форм общественной деятельности.

Развитие этнографии в России происходило в особых условиях, в рамках деятельности ученых обществ, распространение которых восходит ко второй половине XIX века.

Их члены сотрудничали с представителями зарождающегося на местах гражданского общества[5]. Устав ОЛЕАЭ призывал к «демократизации знания», а проводимые обществом выставки пользовались большим успехом и удостаивались посещений императорской семьи. Объединяя идею распространения знаний с проектом национальной интеграции крестьянства, этнография привлекала не только ученых, но и многих представителей местных элит, участвовавших в «создании» народных культур. Крестьяне стали объектом исследований, в которых сельский мир рассматривался как место выражения культурных особенностей — «самобытности» — нации. В центре внимания оказались местные обычаи: они записывались и публиковались в сборниках, которыми могли затем пользоваться администраторы в своей практике управления. Подобная выработка народных традиций, осуществляемая усилиями ученых, чиновников, местных элит и крестьян (к которым обращались в поисках информации и от которых ожидали участия в этой деятельности), сопровождала зарождение современного национализма[6].

В период, последовавший за революцией 1905 года и введением свободы собраний, к ученым обществам присоединилось множество местных ассоциаций. Их деятельность, носившая неофициальный, а порой и подпольный характер, способствовала распространению языков, печати и литературы нерусских народов, а также общим размышлениям о месте, которое должны занять инородцы в империи. В этнографической традиции, восходившей к дебатам 1850-х годов, преобладало течение, призывавшее изучать прежде всего русское население центральных губерний, на которое и были рассчитаны Великие реформы. В начале XX века внимание молодого поколения этнографов обратилось к другим регионам и более «экзотическим» народностям, часть из которых в момент революции 1905 года недвусмысленно заявила о своем желании участвовать в политической жизни страны.

Инородцы и политическое сознание

Молодое поколение этнографов объединилось вокруг ряда журналистов и деятелей оппозиции. Авторы многочисленных статей, зарабатывавшие на жизнь пером, они сочетали научную и политическую деятельность.

Евреи, уроженцы западных губерний Л.Я. Штернберг (1861–1927), В.Г. Тан-Богораз (1865–1936) и В.И. Иохельсон (1855–1937) познакомились еще в молодости, участвуя в деятельности народовольческой террористической организации[7]. Целью этого движения было одновременно приблизиться к народу и создать радикальную оппозицию режиму. Арест, а затем ссылка в отдаленные районы Сибири привели их к занятиям этнографией, выразившимся в изучении языков, нравов и обычаев «малых народов» этого региона.

По выходе из тюрьмы в конце 1890-х годов Л.Я. Штернберг, ставший к тому времени уже довольно заметной политической фигурой, был вынужден провести восемь лет на Сахалине. Стремясь изолировать его и в то же время использовать его знания, царская администрация поручила ему посетить самые удаленные уголки острова, чтобы провести там перепись населения и найти возможных «посредников» для царской администрации. Штернберг посвятил себя, в частности, изучению гиляков (народности, насчитывавшей около 5000 человек), их языка и образа жизни. Вдохновляясь прочитанными в тюрьме трудами англосаксонских этнографов, прежде всего Тейлора и Моргана, он проанализировал систему родственных связей гиляков на основе эволюционистской парадигмы. Одна из его статей, опубликованных в Москве, привлекла внимание Ф. Энгельса (что обеспечило Штернбергу покровительство большевиков после революции). Его друзья Тан-Богораз и Иогельсон, сосланные на Колыму и север Якутии, прошли тот же путь. По возвращении в С.-Петербург они, как и Штернберг, нашли пристанище в стенах Музея антропологии и этнографии Академии наук и продолжили изучение малоизвестных народов

крайнего севера Сибири. В этом качестве они были приглашены американским этнографом Ф. Боасом в Нью-Йорк и приняли участие в важнейших полярных экспедициях начала XX века[8].

Научная деятельность этих молодых этнографов сопровождалась участием в политической борьбе за права евреев. В эпоху, когда на западные районы империи обрушились погромы (затронувшие в том числе их близких), они требовали защитить еврейское население России и предоставить ему гражданские права. Штернберг стал одной из важных фигур еврейского либерального движения в С.-Петербурге. В опубликованной в 1906 году статье «Трагедия шестимиллионного народа» он обличал правовые, административные, культурные и экономические условия жизни российских евреев, а также их гражданское и юридическое неравноправие[9]. В связи с выборами во 2-ю Думу либералы основали Еврейскую народную группу (ЕНГ) под руководством М.М. Винавера, одного из лидеров кадетов. Штернберг стал одним из идеологов этого движения, которое в противоположность сионизму выступало за интеграцию евреев в российское общество. Оно рассматривало глубокое обновление всего российского государства[10] и решение национальных вопросов в качестве гарантии улучшения положения евреев. Выступая за демократизацию России и одновременное развитие еврейской национальной культуры, ЕНГ участвовала в выборах в блоке с партией кадетов. Участие в парламентской жизни, однако, представляло собой всего лишь одно из направлений ее деятельности, тем более что выборы в 3-ю Думу в 1907 году привели к резкому сокращению числа депутатов от либеральных партий. Штернберг участвовал главным образом во втором направлении деятельности ЕНГ, а именно в организации защиты евреев собственными силами, с помощью ассоциаций, специализирующихся на правовых, культурных и финансовых вопросах. Он считал необходимым отталкиваться от реалий еврейской жизни в России и ориентироваться, таким образом, на защиту евреев от физического насилия, борьбу с наруше-

нием их гражданских прав, а также с их экономической и культурной отсталостью[11]. Если быстрое улучшение политического положения евреев оказывалось невозможным, следовало готовить почву для него путем работы с «массами». Одним из главных направлений такой «органической работы» была деятельность по развитию еврейского самосознания, например создание еврейского музея, возглавленного Штернбергом.

Предметом политических размышлений Штернберга была одновременно вся совокупность тех, кого он называл «инородцами», — тех «35 миллионов нерусских», чьи права и надежды, по его мнению, втаптывались в грязь властью, находящейся под влиянием ксенофобов и антисемитов из числа русских националистов. Именно поэтому он защищал национальные движения, понимаемые им не только как реакция на притеснения со стороны царского режима, но и как проявление пробуждающегося политического сознания инородцев. В книге «Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия» (1910), в которую вошли статьи ряда социалистов и либералов на национальную тему, он оправдывал национальные волнения и выступления за политическое объединение восточных окраин империи. Будучи эволюционистом, Штернберг использовал подобное видение истории и ее законов для анализа текущих событий. Так, он предлагал классифицировать народы согласно их способности к «национальному порыву» и потенциалу развития в качестве «национального коллектива»[12]. Объединяя языковые, экономические, правовые и территориальные критерии, он подчеркивал роль «исторических эмоций» как движущей силы в формировании «национальных организмов». На примере казахов он показывал, как проводимая русскими политика колонизации подтолкнула их к тому, чтобы осознать себя в качестве единого народа, при том что в их языке не было «даже надлежащего слова, которое выражало бы это понятие». Говоря о бурятах, Штернберг резко критиковал политику отвода бурятских земель под переселен-

ческие участки, приводившую к их массовой миграции в Монголию. В этой связи он настаивал на политической роли рода, понимаемого не только как клан, основанный на общих корнях, религиозных верованиях и социальных практиках, но и как «политический организм, имеющий превосходный аппарат совместного сотрудничества, с богатыми вековыми историческими традициями, воспоминаниями и эмоциями»[13]. Штернберг распространял свое определение инородцев на украинцев, рассматривая их, таким образом, как полноценную нацию.

Малорусский (украинский) язык и демократизация с помощью языка

Незадолго до начала революции 1905 года Комитет министров обратился к Академии наук за советом по поводу существующего запрета использовать украинский язык в печатной продукции.

Созданная для рассмотрения этого вопроса комиссия Академии наук пришла к выводу о существовании украинского языка, отличного от русского[14]. В комиссию под руководством слависта Ф.Е. Корша (1843–1915) вошли слависты А.А. Шахматов и Ф.Ф. Фортунатов, востоковед С.Ф. Ольденбург, а также такие деятели украинского национального движения, как антрополог Ф.К. Волков (Вовк), статистик О.О. Русов, М.А. Славинский. Аргументы, выдвинутые академиками в пользу разрешения использовать украинский на письме, опирались на признание этого языка с научной и практической точек зрения. Следуя реформаторской, прогрессистской традиции, они связывали развитие украинского литературного языка с реформами Александра II и участием в общественной жизни «людей разных слоев общества, разных воззрений и разного воспитания».

Пересмотр запрета на украинский был связан с потоком обращений от различных организаций — земств, местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяй-

ственной промышленности, Съезда агрономов, — просивших разрешить издавать брошюры на этом языке, чтобы способствовать распространению сельскохозяйственных знаний в западных губерниях. Под давлением «фактов» (как подчеркивала Академия наук) Комитет министров был вынужден признать, что запрет использовать малорусский язык является тормозом для экономического и культурного развития региона. Представители Академии наук были готовы предоставить лингвистические данные, которые показывали, как трудно было украинским крестьянам читать даже самые простые русские книги из-за различий в таких обиходных словах, как «глаз», «лоб», «лошадь».

Члены комиссии связывали культурный прогресс с развитием гражданственности и морали. На их взгляд, «пренебрежительное отношение к родной речи влечет за собой отрицательное отношение и к семье, и к родной среде, и это не может не отразиться самым печальным образом на нравственном складе сельского населения Малороссии»[15]. Аргумент демографического характера — 23,7 млн малороссов, «обнаруженных» благодаря переписи 1897 года, — лишь подчеркивал необходимость следить за их культурным развитием. Быстрое распространение «полонизированного» варианта украинского письма, пришедшего из соседних районов габсбургской Галиции, делало необходимыми, по мнению комиссии, аналогичные действия в Российской империи. Наконец, члены комиссии опирались на филологические исследования, в том числе академика А.А. Шахматова, который научным образом доказал, что малорусский язык оторвался от древнерусского одновременно с белорусским и великорусским.

Размышления славистов об украинском языке следует рассматривать в контексте попыток сблизить письменные языки с разговорными. Стремление к языковой интеграции лежало в основе ряда крупных проектов по упрощению орфографии и модернизации русского языка, над которыми в то время работали петербургские филологи[16].

Не согласившись с комиссией, Министерство народного просвещения выступило за сохранение цензуры в отношении украинского языка. Оно отказалось признать за малорусским статус языка и продолжало рассматривать его как диалект русского литературного языка. Твердо придерживаясь иерархического принципа, оно различало, с одной стороны, диалект, пригодный для народной речи и выражения чувств и поэзии, а с другой – литературный и административный язык, который единственный был способен выразить «трудности современной жизни». На примере французского, немецкого и итальянского языков сотрудники министерства приходили к выводу о том, что распространение «центрального» языка позволит открыть перед крестьянскими массами двери школы. Они полагали, что малороссы, прошедшие через русскую школу, без труда понимают русский язык. Наконец, они отмечали, что развитие рутенских (украинских) газет, ассоциаций и политических партий в соседней Галиции ничего не принесло австро-венгерскому правительству, так как распространение письменности и грамоты лишь способствовало подъему «сепаратистских, социально-демократических и атеистических» движений.

Филолог, член Академии наук Ф. Корш был близок вначале к октябристам и отнюдь не принадлежал к числу радикальных противников царского режима[17]. Тем не менее он, как и его коллега, член Государственного совета А.А. Шахматов, упорно боролся с идеей отождествления украинского языка с русским. Ссылаясь на ряд лингвистических, антропологических и этнографических признаков, Корш в своих публикациях утверждал, что различия между украинцами и остальными славянскими народами настолько очевидны, что о них даже не стоит говорить. Он с иронией спрашивал, почему ведутся споры об «украинском вопросе», если такой народности не существует[18].

Вопрос существования украинского языка и народности вызывал бурные дебаты в мире науки и политики. В 1910-е годы ученые-«украинофилы» вели ожесточен-

ные споры с русскими националистами, а порой и либералами, которые в условиях подъема украинского национального движения и растущей международной напряженности придавали особое значение «единству русского племени» и отрицали специфику украинского народа[19]. Корш, в частности, подверг критике позиции либерала П.Б. Струве, решительно выступавшего против признания украинского как самостоятельного языка[20]. Члены Академии наук, поддержавшие идею существования украинского и белорусского языков, подверглись атакам со стороны русских националистов. Так, в газете «Новое время» в 1915 году была опубликована статья, обвинявшая Корша и Шахматова в поддержке украинских сепаратистов.

От языка к идее существования украинской народности

В поисках доказательств существования украинской народности некоторые этнографы обратились к биологии и сфере общественных отношений, стремясь выявить не только языковые, но и социально-экономические и антропологические различия между русскими и украинцами. Результатом этого стремления найти признаки объективного существования украинской народности, опираясь на науки о человеке (филологию, физическую антропологию, этнографию и даже статистику), стала публикация большой энциклопедии украинского народа, вызвавшей много споров. Один из ее авторов, статистик Александр Александрович Руссов, выступил с критикой результатов переписи 1897 года, занизившей, на его взгляд, число украинцев. Он считал, что статистические данные о языках привели к возникновению в России идеи альтернативного территориального устройства[21]. Выходец из русской семьи, А. Русов стал считать себя украинцем под влиянием своих поездок и работы земским статистиком в западных губерниях. Он входил в комиссию Академии наук по вопросу о малорусском языке. Активно участвуя в жизни

украинских кругов в С.-Петербурге, Русов занимался созданием украинской фракции в Думе[22] и помогал издавать русскоязычный еженедельник «Украинский вестник», одним из главных организаторов которого был знаменитый историк М. Грушевский.

Автором опубликованных в энциклопедии статей об этнографии и антропологии украинского народа был Федор (Хведір) Кондратьевич Волков (Вовк) (1847–1918)[23]. При рассмотрении различий между народами он не ограничивался языковым критерием. Его целью было выявить этнографические и антропологические элементы современного населения Украины, унаследованные от смешения различных народов[24]. Это должно было позволить выделить и описать «украинский антропологический тип» на основе специфических физиономических характеристик[25]. Точно так же следовало говорить о характерных для украинского «быта» традициях и формах социальной организации[26].

Ф. Волков, считавший себя украинцем и входивший в киевскую «Старую громаду», сыграл важную роль в становлении украинской этнографии и антропологии. В 1870-е годы он, как и О. Русов (тоже член «Старой громады»), участвовал в работе Юго-Западного отделения ИРГО, закрытого в 1876 году. В эмиграции (продлившейся больше 15 лет) он являлся членом Парижского антропологического общества (SAP), основанного П.П. Брока. По возвращении в Россию Волков при поддержке Академии наук был избран председателем Русского антропологического общества и пришел работать в Русский музей императора Александра III вместе со своими учениками, С.И. Руденко и А.М. Золотаревым. Он занимался этнографическими и антропологическими исследованиями, придерживаясь новых методов международной стандартизации. Одновременно Волков продолжал бороться за развитие украинской культуры и языка, активно участвуя в общественной и издательской деятельности.

После революции 1905 года он стал одним из идеологов Украинской демократической радикальной партии

(УДРП), созданной по случаю выборов в 1-ю Думу, и в декабре 1905 года участвовал в выработке ее программы. УДРП выступала за признание наравне с гражданскими коллективных прав наций и народностей. Речь шла о том, чтобы гарантировать возможность использовать местные языки в административных, судебных и школьных учреждениях. К этому добавлялось требование предоставить территориальную автономию и разрешить использовать местные правовые традиции (аргументом при этом служила несхожесть форм экономической и культурной жизни у различных народов и потому бессмысленность навязывания им одних и тех же законов). Соединяя проблему автономии с вопросом культурных прав, эта политическая программа опиралась на идею объективного существования различных народностей и их права на самоопределение. Национальные сообщества должны были иметь возможность самостоятельно управлять собой, в частности путем выборов и формирования выборного органа или правительства. Программа УДРП в деталях предусматривала создание в России федерации, в которую вошли бы автономные национально-территориальные единицы, наделенные широкими прерогативами и представленные в центральном парламенте.

Эта программа не несла в себе ничего оригинального. Со всех окраин империи в Петербург поступали просьбы и предложения, связанные с самоопределением, автономией, созданием федерации и пересмотром границ на основе этнического принципа. Часть этих требований нашла отражение в программах кадетов и социалистов[27], а некоторые предвосхищали меры, на которые пойдут большевики при создании Советского Союза. Они призывали к созданию национальных территорий с включением в них лиц, живших по другую сторону границ. Украинская программа, насыщенная органицистскими метафорами, требовала объединить «разрозненные части» «политического тела», без чего невозможно было создать живую нацию[28]. Эта концепция возвращает нас к многочисленным дискуссиям, которые в годы первой

революции вели как представители национальных окраин, так и депутаты крупнейших партий в Думе[29]. В центре дебатов стоял также вопрос легитимности этнического принципа: так, например, Литовская демократическая партия требовала пересмотра условного контура национальной территории Литвы на основе этнографических границ[30].

Культурные права и областная автономия как основа нового государственного единства

Еще один уроженец западных губерний, считавший себя поляком, Ян (Иван) Бодуэн де Куртенэ (1845–1929), известнейший лингвист, один из основателей структурализма, был автором ряда сочинений, посвященных национальному вопросу. В 1913 году этот член партии кадетов, монархист был арестован и приговорен к нескольким неделям тюремного заключения. Поводом для этого стала публикация в 1907 году брошюры, в которой он выразил взгляды «автономистов-федералистов» на национальный вопрос.

На протяжении некоторого времени Бодуэн де Куртенэ возглавлял движение «народов без государства», или «автономистов-федералистов», возникшее в 1906 году на съезде, целью которого было выработать требования нерусских народов для передачи их на рассмотрение будущей Думы. В этом съезде приняли участие представители азербайджанцев, армян, белорусов, эстонцев, грузин, евреев, казахов, латышей, литовцев, поляков, украинцев (в том числе статистик О. Русов), татар и финнов. Заявляя о своей лояльности по отношению к России, они, однако, требовали для всех народностей — независимо от демографического веса — права самостоятельно устраивать свою «национальную жизнь», пользуясь значительной административной автономией[31].

Бодуэн де Куртенэ отказывался делать из этнического состава населения фундамент областной автономии. Напротив, по его мнению, административная структура

определяла единство сообществ[32]. Если для народов, населявших окраины империи, автономия заключалась в административной децентрализации, в уже достигшей ее Финляндии, а также в Польше, Грузии, Украине и даже в Сибири[33] следовало создать выборные собрания и комиссии (или суверенные исполнительные органы). В случае Польши Бодуэн де Куртенэ даже предусматривал создание отдельных министерств иностранных дел, промышленности, сельского хозяйства и образования[34].

Во время съезда земских и городских деятелей в сентябре 1905 года, давшего толчок для написания Ф.Ф. Кокошкиным брошюры «О правах национальностей и децентрализации», представители национальных окраин оказали влияние на позиции кадетов по национальному вопросу, нашедшие отражение в первой программе партии[35]. Под культурными правами народов подразумевалось прежде всего право говорить на родном языке, преподавать его и распространять национальную культуру. В программе кадетов звучало требование разрешить использовать различные языки и диалекты в общественно-политической жизни, а также оказывать поддержку ученым и общественным организациям, способствующим сохранению и развитию языка, литературы и культуры каждого народа[36]. Чтобы облегчить взаимоотношения граждан с государством, предполагалось оплачивать услуги переводчиков, состоящих при судебных, налоговых и прочих было способствовать сокращению дистанции между административным и разговорным языком. Тем не менее особое положение русского языка должно было сохраняться в армии, флоте и парламенте. В Думах 1 и 2-го созывов фракция кадетов защищала идеи, выдвинутые движением автономистов[37]. Бодуэн де Куртенэ входил в состав С.-Петербургского отдела ЦК кадетской партии[38]. Такая солидарность кадетов с национальными движениями опиралась главным образом на осуждение дискриминации, которой подвергались инородцы в России, и отчасти на проект сохранения империи в существующих границах.

Так вынашивалась новая модель национального единства, которое, по словам Ф. Волкова, должно было основываться не на господстве одного народа над другими, а на осознании преимуществ и выгоды такого единства[39]. По мнению Бодуэна де Куртенэ, только признание общности интересов, опирающихся на мирное сосуществование, способно было устранить «ненависть» между народами. Ссылаясь на лозунг «эгоизма», выдвинутый польскими либералами, знаменитый лингвист говорил о невозможности взывать к любви между народами, по крайней мере, в российских условиях; более того, такая любовь, по его мнению, вовсе не была обязательной для существования стабильной политической структуры[40].

Бодуэн де Куртенэ мечтал о децентрализованном государстве (образцом которого были Соединенные Штаты Америки[41]), о «вненациональной» и «внеконфессиональной» «федерации территорий»[42]. Он подчеркивал важность «общегосударственной» солидарности[43].

В годы, последовавшие за революцией 1905 года, в политических программах оппозиции обычно присутствовали новые определения империи, в которых не было упоминаний монарха, православия, русской национальности. В брошюре «О правах национальностей и децентрализации», написанной в связи с проведением съезда земских и городских деятелей в сентябре 1905 года, говорилось о многонациональном («разноплеменном») государстве[44]. В программе кадетов по поводу империи и ее жителей систематически употреблялось определение «российский»[45].

Единству либерального лагеря в вопросе о национальностях и децентрализации была, однако, уготована короткая жизнь. В то время как требования равноправия и защиты гражданских прав были сохранены, страх перед территориальным распадом, вопрос существования украинского и белорусского народов и статус русского языка как государственного привели к появлению расхождений среди сторонников полного политического обновления России, основанного на неделимом характере государства[46]. Эти разногласия между сторонниками централизо-

ванного государства из числа либералов и представителями национальных движений обострились после Февральской революции, когда часть кадетов оказалась у власти, войдя во Временное правительство.

Неприятие навязанных извне идентичностей

Позиция Бодуэна де Куртенэ не отличалась большой оригинальностью: она отражала взгляды таких польских либералов, как лидер автономистов-федералистов А.А. Ледницкий. Бодуэн де Куртенэ считал также, что государство должно финансировать возможность (трактуемую как право) для любой группы людей или даже одного человека создать школу, в которой обучение будет вестись на выбранном ими/им языке[47]. Он пытался также разработать систему пропорционального представительства, способную отразить интересы лиц, идентифицирующих себя с той или иной социальной или культурной группой[48]. Бодуэн де Куртенэ предлагал обеспечить условия для создания объединений и представительства в государственных органах на основе не только национальной и религиозной, но и политической и профессиональной принадлежности[49].

Прежде всего, он выступал против любых форм навязывания идентичности. Будучи выходцем из пограничных районов Центральной Европы, в совершенстве владея несколькими языками и имея за плечами опыт смены страны и языка обучения, он отстаивал право каждого человека считать себя представителем сразу нескольких национальностей или даже ни одной. На примере евреев из западных губерний и их еврейской, польской или русской идентичности он выступал за абсолютную свободу человека в области самоопределения. По поводу этнической статистики он говорил, что «человек, недоразвившийся еще до понятия "национальности"», не может отнести себя к какой бы то ни было национальности. Ссылаясь на давление со стороны националистов и насильственный

характер процессов пересмотра идентичностей в Австро-Венгрии (где он некоторое время жил) и западных районах Российской империи, он высказывался за развитие науки, которая могла бы «объективно» доказать существование того или иного языка и народа, определить район его проживания и историю. В то же время он критиковал исследования, смотрящие на людей «как на безличные существа, как на животных и растения»[50]. Подобно статистику А.А. Кауфману, являвшемуся одновременно видным деятелем кадетской партии, Бодуэн де Куртенэ противопоставлял национальность как субъективную идентичность объективному характеру этнографических исследований и призывал отказаться от проведения переписей, опирающихся на языковой критерий. На его взгляд, полученные таким образом статистические данные не опирались ни на объективные, ни на субъективные характеристики, а язык и национальность представляли собой две разные вещи. Наконец, он считал, что статистики должны учитывать принадлежность людей к одной или нескольким народностям или их существование вне национальности[51]. Только самоопределение делало респондентов «личностями, гражданами».

Как и Штернберг, Бодуэн де Куртенэ приветствовал появление «местного патриотизма» и любви к родному краю[52]. Он тоже отстаивал определенную философию истории, предлагая заменить исторические и этнические права на территорию правом жителей на самоопределение[53].

Создание объективной науки и экспертизы (1910—1917)

Такова дискуссия о национальности, на фоне которой эксперты-этнографы изучали национальность. Их политические размышления сопровождались важной научной работой. Всех их объединяла вера в возможность — несмотря на трудность — определить благодаря сложным

лингвистическим исследованиям контуры человеческих групп, именуемых «этническими группами» или «этносами». Этими работами ученые хотели также внести свой вклад в воссоздание истории расселения и развития народов, а значит, и в великое дело изучения эволюции, поиска истоков и законов человеческой истории.

Становление одной научной дисциплины: этнография

Стремление ученых обеспечить себе институциональную автономию в условиях, когда репрессии против интеллигенции вели к распространению оппозиционных настроений, с особой силой проявилось после революции 1905 года. Академики, например кадеты А.А. Шахматов и С.Ф. Ольденбург, избранные от Академии и университетов в состав Государственного совета, боролись за признание автономии академических и университетских структур, без которой невозможно было гарантировать независимость науки от политики. Становление этнографии как научной дисциплины шло в России на фоне этих столкновений и борьбы за автономию и институциональное признание[54].

Этнографы публично выразили свои институциональные амбиции на XII съезде русских естествоиспытателей и врачей, проходившем в Москве в декабре 1909 года. Этот съезд стал важным общественным событием, собравшим более 5000 участников[55]. В ходе него представители различных организаций выступили за создание кафедр этнографии при всех историко-филологических факультетах, открытие этнографических музеев во всех университетских городах империи, а также организацию центрального бюро, которое координировало бы усилия в данной области. Новое поколение этнографов, работавших в Академии наук, музеях и университетах, не имея официального статуса, заявляло о себе как о специалистах по новой дисциплине и требовало создать в университетах специализацию для будущих этнографов. Штернберг предлагал построить

обучение так, чтобы каждый аспирант-этнограф специализировался на отдельном народе, изучал его язык и несколько лет жил среди его представителей. Этнограф становился таким образом экспертом по данному народу, его языку и образу жизни, а также, при необходимости, его представителем в отношениях с властью.

В начале XX века молодая дисциплина была на плохом счету у режима, и новые этнографические подходы разрабатывались и распространялись главным образом в рамках музеев[56]. В 1905 году при Музее антропологии и этнографии (МАЭ) Академии наук в С.-Петербурге был создан отдел этнографических исследований. Лекции, которые читал там Лев Штернберг (нелегально с 1904 года, а затем на постоянной основе – с 1906 года), пользовались большим успехом у городской общественности[57]. Вскоре этнографический отдел был создан и при Русском музее Александра III; во главе его встал Ф. Волков[58]. Он разработал проект постоянной экспозиции, посвященной народам империи; каждая культура должна была быть представлена в ней коллекцией предметов быта[59]. МАЭ ставил своей целью изучение – на основе эволюционистской схемы – культур народов всего мира. В этих музеях работали будущие советские этнографы; не имея пока еще точно определенного институционального статуса, они действовали, опираясь на поддержку со стороны старших коллег-филологов, занимавших более прочные позиции в Академии наук.

Определение народности

Этнографы хотели обеспечить легитимность своей дисциплины не только путем изучения более чем сотни народов, населявших империю, но и с помощью научных аргументов. Ссылаясь на то, что этнография является признанной дисциплиной в крупнейших западных странах, они доказывали ее научный характер тем, что она несет «подлинные, точные, систематические знания».

Читая первый курс этнографии в Московском университете (1898–1900)[60], Н.Н. Харузин отвергал видение этой дисциплины как чисто описательной и подчеркивал, что этнограф должен открывать определенные законы. Тем не менее он ограничивал сферу этнографии изучением образа жизни «нецивилизованных» народов, отводя изучение современных обществ социологии[61]. В энциклопедической статье, посвященной этой дисциплине, Штернберг предлагал близкое определение, характеризуя этнографию как науку, изучающую культуру главным образом первобытных народов. Он говорил, однако, и о том, что она интересуется также «теми слоями культурных народов, которые наиболее сохранили черты первобытного строя»[62].

Тем не менее такое определение предмета этнографии устраивало отнюдь не всех. Определение «народностей», этнических групп и разработка их классификации традиционно были частью работы этнографа. Кроме того, как мы видели, эта дисциплина получила развитие в России вначале с целью изучения русского народа, который никто не относил к числу «первобытных» племен. Традиционное понимание этнографии как науки, изучающей культуру различных народов, как *Völkerkunde* (*народоведение*), по-прежнему было широко распространено среди ученых.

Дебаты о предмете этнографии приобрели особое значение благодаря выступлениям и публикациям антрополога и деятеля украинского национального движения Николая Михайловича Могилянского (1871–1933)[63], представленным им в 1902–1916 годах и обсуждавшимся членами этнографических отделений различных ученых обществ и музеев[64]. Могилянский определял этнографию как «народоведение», ссылаясь на понятие коллективной личности, предложенное В. Вундтом (*Gesammtpersönlichkeit*). Он вводил понятие этноса, под которым подразумевалась группа индивидов с общими физическими (антропологическими) характеристиками, исторической судьбой и языком, лежащим в основе общего видения мира, национальной психологии и духовной культуры[65].

Могилянский предлагал, чтобы этнографическое отделение ИРГО взяло за образец деятельность и организационную структуру Парижского антропологического общества (SAP), объединявшего анатомов, физиологов, демографов, археологов, лингвистов, историков и зоологов, вместе работавших над вопросами наследственности, гибридизации и пр. Подобно тому как это происходило в SAP, специалисты различных гуманитарных и социальных наук должны были тесно сотрудничать[66]. В результате этнография получала новое определение в качестве науки, изучающей развитие умственных и духовных особенностей всего человеческого вида.

По мнению Могилянского, эти особенности эволюционировали под влиянием географической среды и исторических условий, по-своему, «оригинальным образом» меняясь у каждой этнической группы[67]. Выражение «эволюционировать оригинальным образом» стало источником непонимания. Могилянский подвергся критике, в первую очередь со стороны этнографа В.И. Иохельсона, который упрекнул его в имманентном видении развития этнических групп. Он утверждал, что Могилянский понимает народоведение не как сравнительное изучение народов, а как исследование того или иного народа, который рассматривается как самодостаточная общность, имеющая целый ряд особенностей, сформированных под влиянием специфических физико-климатических условий[68].

Определение национальности на основе ряда объективных критериев обсуждалось также специалистами по физической антропологии – дисциплине, переживавшей в начале XX века обновление[69]. В качестве главы Антропологического общества Ф.К. Волков ратовал за распространение стандартных методов антропометрических измерений, принятых на археологических и антропологических конгрессах в Монако и Женеве[70]. При этом он говорил и о чрезвычайной сложности понятия народности, которая не могла быть полностью определена ни лингвистически, ни антропологически, ни этнографически. Московский антрополог, президент ОЛЕАЭ

А.Н. Анучин приходил к выводу, что народность представляет собой этническую единицу, принадлежность к которой определяется языком, исторической судьбой и культурой, а не физическими характеристиками[71].

Понятие этноса, позволявшее охватить все человечество и разделить его на группы, получило широкое распространение в России, а затем и в СССР[72]. Оно отсылало к пониманию человеческих групп как более или менее стабильных видов, которые можно разделить на составляющие, поддающиеся объективной научной идентификации. За этим понятием стояло стремление определить практику исследований, изучающих одновременно физические характеристики, язык и образ жизни людей.

Этнографы работали с корпусом данных, полученных главным образом благодаря переписи, но при необходимости подлежавших исправлению на основе антропологических, лингвистических и этнографических соображений. Определение этнической группы опиралось на сопоставление и взаимодействие этих данных.

Комиссия по изучению племенного состава и биологическая концепция населения

В 1910 году ИРГО организовало комиссию, на которую было возложено составление этнографических карт России. В ее состав вошли все ведущие специалисты по народностям: лингвисты И.А. Бодуэн де Куртенэ и А.А. Шахматов, востоковеды В.В. Бартольд и С.Ф. Ольденбург (глава комиссии), антрополог Ф.К. Волков и его ученики, этнографы Л.Я. Штернберг, В.Г. Богораз, С.К. Патканов. На первом заседании комиссии в октябре 1910 года было решено, что карты будут составляться по «этнографическим категориям», а не народностям. Вслед за этим были созданы тематические подкомиссии, изучавшие формы хозяйственной деятельности, типы жилища, одежды, пищи... Следуя давней традиции ИРГО, подкомиссиям было поручено составить и обработать ряд вопросников,

а полученные в результате карты должны были быть объединены в общую итоговую карту.

Однако в 1914 году ученые решили, вместо того чтобы использовать различные этнографические показатели, составить карту народностей. Патканов объяснял, что краеугольным камнем при создании племенной карты является вопрос правильного деления населения на этнические группы. Его работы о Сибири, основанные на данных переписи 1897 года, послужили образцом для создания этнической карты империи[73].

Исследования Патканова, в частности посвященные смешениям между различными народностями[74], осуществлялись в рамках физической антропологии. Он надеялся, что эти работы позволят понять значение смешения и скрещивания «кровей» между различными народами и национальностями[75]. В этом случае традиционный интерес к языковой ассимиляции эксплицитно трансформировался в изучение последствий физической ассимиляции.

Под влиянием своего опыта изучения народов Сибири, традиционно анализируемых в биологических терминах, Патканов расширял подобное биологическое видение населения на все народности, жившие на территории империи. Следует также напомнить, что физическая антропология пользовалась большим успехом в начале XX века. В КИПС за нее отвечала специальная секция. Антропологи, стремившиеся выработать полезный для государства дискурс, подчеркивали важность своих работ для оценки не только генетических связей между различными племенами и народами, но и их здоровья, а также условий развития «национального организма». Их исследования бросали свет на причины вымирания некоторых инородческих племен. Они позволяли также оценить степень подготовленности той или иной народности к несению воинской службы[76].

Постоянное использование панславянской и пангерманской риторики в условиях напряженной международной ситуации также способствовало распространению биологической концепции населения, отчасти опирав-

шейся на работы ученых. Расовая и органицистская риторика приобрела особое звучание в годы Первой мировой войны, когда государственная принадлежность населения различных регионов определялась и пересматривалась, исходя из их национальной или «расовой» (в случае славян) принадлежности.

Национальная принадлежность в годы Первой мировой войны

Война и расовое определение лояльности

Первая мировая война привела к полной перекройке всего восточноевропейского пространства. Речь шла не только о пересмотре политических границ, приведшем к исчезновению трех империй и появлению новых национальных государств, но и о более общем процессе территориальных экспроприаций, этнических чисток, обменов населения, депортаций и геноцидов. Еще одним ее последствием стало беспрецедентное распространение паспортов и других документов, служащих для удостоверения личности[77].

С самого начала войны участвующие в ней страны использовали национальные противоречия в своих целях и пытались играть на конфликтах между центральной властью и некоторыми меньшинствами, в частности отправляя на фронт этнические военные формирования, создаваемые из военнопленных или активистов национальных движений. В августе 1914 года русская армия сформировала чешский батальон (Чешскую дружину). В ходе военных действий против Османской империи она привлекала армян, бежавших с территории Турции. Австро-Венгрия использовала против России польские и русинские отряды, а германский Генштаб отправил сражаться на русский фронт отряд из пленных финских офицеров[78].

Одновременно, подобно другим воюющим странам, Россия широко прибегала к депортации и интернированию «неприятельских подданных», то есть выходцев из

стран, находившихся в состоянии войны с государствами Антанты[79]. Понятие «неприятельских подданных», однако, стало применяться и в отношении российских подданных «вражеской» национальности, например российских евреев и немцев, которые были в массовом порядке депортированы за пределы огромных территорий, охваченных военными действиями. После создания Германией «эмбриона» финской армии к категории неприятельских подданных были в известной степени причислены и финны.

К политическому использованию этнической принадлежности отдельных групп населения примешивались соображения расового характера, как об этом свидетельствует лозунг панславянской дружбы, использовавшийся русскими войсками в борьбе с соседними империями. Так, в период оккупации Галиции царская армия предоставила русинам право на культурную автономию и обещала полякам дать им по окончании войны политическую автономию в составе Российской империи. «Расовая» солидарность проявилась и в политике депортации неприятельских подданных. Избежать ее смогли только члены большой славянской семьи: чехи, поляки, русины, сербы и др. Исключения могли быть также религиозного характера. На Кавказе депортация угрожала жителям Карсской и Батумской областей. Эти районы перешли под власть России в 1878 году, и их население было причислено к категории внутренних врагов в силу своего мусульманского вероисповедания и давних связей с Османской империей. В конце концов благодаря вмешательству грузинских депутатов Государственной думы, объявивших их не тюрками, а аджарцами, то есть «грузинами», депортация была прекращена[80].

Национальность индивидов стала показателем их патриотизма, и даже в случае царских подданных принадлежность к «вражеским» национальностям могла стать достаточным основанием для подозрений и депортации из районов военных действий. Евреи, немцы, финны, в том числе те, кто на протяжении столетий жил на территории России, подозревались в предательстве и подвергались массовым депортациям.

Этнический состав населения как критерий пересмотра границ

Этнографы не остались в стороне от войны. Л.Я. Штернберг неоднократно ездил в прифронтовую зону, помогая еврейским беженцам, депортированным царским правительством уже в первые месяцы конфликта. Петроградские «украинофилы», надеявшиеся объединить все украинские земли в составе обновленной России, радовались оккупации Галиции. Разделяя патриотический подъем, охвативший в первые месяцы войны значительную часть либеральной интеллигенции, Ф.К. Волков организовал в Русском музее большую выставку, посвященную Галичине, Буковине и Угорской Руси (1915)[81]. В 1917 году, после провозглашения Украинской центральной радой автономии Украины, Волков из Петрограда помогал создавать Украинскую академию наук; он умер в 1918 году, на пути в Киев. Востоковед С.Ф. Ольденбург, непременный секретарь Петербургской академии наук с 1904 года, член Центрального комитета партии кадетов, в 1915 году вошел в состав Особого совещания по обороне государства. После Октябрьской революции Ольденбург, возглавлявший КИПС (которая готовилась представить правительству результаты своей работы в качестве основы для будущих мирных переговоров) в течение нескольких месяцев занимал, пост министра народного просвещения в правительстве А.Ф. Керенского[82].

В 1915 году Академией наук была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС), ставившая своей целью помочь государству мобилизовать природные ресурсы страны и поставить их на службу победе и послевоенной реконструкции[83]. В 1917 году Комиссия по изучению племенного состава стала координировать свои исследования с работой этой влиятельной организации. В качестве аргумента она ссылалась на то, что изучение народов России и их культур служит делу реорганизации хозяйства страны. Исследование различных народностей, особенностей их сельскохозяйственной

деятельности и санитарного состояния, использование лингвистической картографии, этнографии и физической антропологии — все это должно было позволить организовать рациональное использование «человеческих ресурсов» страны. Этот проект, выработанный в годы войны, был осуществлен уже в советский период.

В конце концов КИПС была включена в состав Академии наук. Члены комиссии пытались добиться от правительства средств на финансирование своей деятельности, ссылаясь на то, что этнический состав территорий должен лечь в основу нового международного порядка. В письме председателя КИПС новому министру иностранных дел от 21 февраля 1917 года говорилось, что «...мировая война ведется в значительной мере в связи с национальным вопросом и выяснением основательности притязаний той или иной национальности на ту или другую территорию, где она является преобладающей». Авторы письма ссылались на речь американского президента Вудро Вильсона о праве народов на самоопределение. В условиях готовящихся мирных переговоров наличие точных сведений о национальном составе территорий позволяло укрепить позиции участников переговоров. «Наши враги, особенно Германия, уже в полной мере отдали себе отчет в важности выяснения племенного состава пограничных территорий. Нам хорошо известно: научные силы Германии использованы правительством в широкой мере[84].»

Германские войска, оккупировавшие северо-западные территории Российской империи, проводили культурную политику, направленную на развитие языка и национального или этнического самосознания белорусов (именовавшихся белорусинами), евреев, поляков, литовцев, латышей. Укреплению идентичности этих народов должны были способствовать меры в таких областях, как картография, статистика национальностей, издание словарей и книг, а также создание национальных периодической печати и школ. Поощряя развитие национального самосознания населения оккупированных территорий, Германия стремилась поставить этот процесс под контроль

немецких ученых[85]. В Османской империи младотурки — отчасти под влиянием немецких советников — в 1913 году провели крупную операцию по картографированию национальностей[86]. Со своей стороны русские ученые предлагали собрать сведения о приграничных районах. Речь шла не только об «эрудитской» работе и сборе письменных документов, но и об отправке специалистов на места с целью проверки имеющихся данных. КИПС собиралась всего за шесть месяцев изучить приграничные территории на западе империи, части Азербайджана и на севере Персии[87]. 24 февраля 1917 года министр иностранных дел Н.Н. Покровский дал согласие[88] на отправку представителей КИПС в пограничные районы России — в Латвию, Польшу, Галицию, Буковину и Бессарабию[89].

С согласия Министерства иностранных дел и Министерства народного просвещения (которое вскоре возглавит сам Ольденбург) КИПС расширила свою сферу интересов и, не довольствуясь картографией, стала заниматься всем комплексом вопросов, связанных с этническим составом приграничных территорий. Она предлагала, в частности, свою помощь в подготовке мирных переговоров с опорой на этнографические карты западных территорий[90].

Временное правительство и регистрация национальности

В марте 1917 года по распоряжению Временного правительства была создана статистическая комиссия. В апреле Министерство земледелия провело съезд статистиков, который утвердил новый план переписи. Этот план, частично разработанный статистиками в 1910-е годы, содержал тем не менее ряд новых элементов. Не ограничиваясь сбором сведений о производстве, он интересовался всеми аспектами сельской жизни и был призван, таким образом, послужить основой для будущих аграрных реформ[91]. Главным автором плана был Александр Аркадьевич Кауфман, один из лидеров партии кадетов, до 1917 года

игравший важную роль во всех дебатах об аграрной реформе и рассчитывавший возглавить ее подготовку во Временном правительстве. Напомним, что Каумфан интересовался также переписью национальностей и этнической картографией (см. выше).

Согласно опубликованным 9 мая инструкциям, летом 1917 года на всей территории империи, за исключением Финляндии, должна была пройти перепись. Ее проведение было возложено на созданные с этой целью переписные комиссии центрального, губернского и городского уровней. Им было поручено дополнить общие инструкции, исходя из местных потребностей и особенностей. В этом проявилось стремление к территориальной автономии, характерное для новых политических элит, особенно в Закавказье и Средней Азии[92]. Перепись 1917 года, призванная охватить все население России, свидетельствовала об оптимизме Временного правительства, стоявшего во главе воюющей страны. Количественные данные казались необходимыми не только для предстоявшего восстановления экономики, но и для создания новой избирательной системы.

Не дожидаясь окончания войны, Временное правительство приступило к подготовке выборов в Учредительное собрание (также запланированных первоначально на лето 1917 года) на основе всеобщего голосования. Специальная комиссия во главе с М.М. Винавером рассматривала вопрос обеспечения справедливого представительства окраин. Она высказалась за проведение выборов на основе территориального, а не национального принципа, отвергнув идею создания «национальных курий», подобных австро-венгерским. Тем не менее за выбором пропорциональной системы и созданием избирательных округов, отличных от существующих территориальных единиц, стояла эксплицитная цель позволить различным народностям иметь собственных депутатов[93]. В рамках подготовки выборов статистический комитет при Временном правительстве должен был собрать и предоставить данные о населении, либо почерпнутые из переписи 1897 года и

исправленные с учетом демографического роста, либо взятые из аграрных переписей 1914 года и различных местных обследований. Помимо численности населения члены комиссии, занимавшейся организацией выборов на периферии, требовали предоставить им данные об этническом составе этих территорий[94].

Учитывая этот контекст, неудивительно, что в переписном листе лета 1917 года после фамилии, имени, отчества и сословия следовало указать национальность главы семьи[95]. Таким образом, именно при Временном правительстве национальность стала важнейшим параметром идентичности и заняла четвертое место в переписном бланке. Инструкции предписывали как можно точнее указывать народность в случае главы семьи[96]. Понимая, как трудно будет получить прямой ответ на этот вопрос, статистики предлагали использовать для определения национальности данные о родном языке респондентов.

Переход от царизма к советскому режиму и преемственность крупнейших российских научных проектов воплотились в фигуре главы КИПС и Академии наук С.Ф. Ольденбурга. После короткого ареста (которому он подвергся как бывший член Временного правительства) Ольденбург принял решение сотрудничать с большевиками, стремясь таким образом спасти Академию наук и реорганизовать российскую науку. Встречи с вождем революции В.И. Лениным (старшего брата которого он знал лично) позволили ему сохранить свой пост[97]. Желая поставить на службу революции буржуазные и либеральные научные элиты свергнутого режима, Ленин настоял на сохранении Академии наук. Стремление создать новое государство, руководство которым осуществлялось бы с опорой на экспертов, отразилось в том числе в проекте учета национальностей и этнической картографии, требовавшем больших вложений. 19 июня 1918 года возглавляемый И.В. Сталиным Наркомат национальностей РСФСР предложил КИПС продолжить свою работу.

Глава 6

РАСЦВЕТ НАЦИОНАЛЬНЫХ САМОСОЗНАНИЙ (1917—1929)

В основу послевоенного переустройства Европы и Ближнего Востока был положен национальный принцип; при этом карты и статистические данные об этническом составе населения широко использовались в ходе мирной конференции[1]. Провозглашая право народов на самоопределение, большевики одновременно порывали с русификаторским прошлым царской России и выдвигали идею освобождения народов всего мира. Из состава бывшей империи вышел ряд стран (официально Финляндия – в 1917 году, Эстония, Латвия и Литва – в 1920 году, Польша – в марте 1921 года)[2]; при этом одним из первых решений большевистского правительства стал декрет, признававший право народов самостоятельно вершить свою судьбу и гарантировавший права национальных меньшинств[3].

Лидеры большевиков, прежде всего Ленин и Сталин, не ставили под сомнение существование национальностей (идентифицируемых на основе таких объективных критериев, как язык, образ жизни, психология и зачастую территория проживания) и отлично осознавали важность национализма как инструмента политической мобилизации[4]. В момент прихода к власти у большевиков не было точно сформулированного и общепринятого понимания того, какое место должны занять национализм и этничность в новом государстве. Верные традициям европейских социал-демократов, с конца XIX века размышлявших о национальном вопросе, они приступили к разработке политики, основанной одновременно на теоретических принципах и практике переговоров с представителями национальных политических сил, родившихся под влиянием революции. Целью большевиков было восстановить

единое государство путем признания национальных различий, которые должны были найти отражение в определенной территориальной и институциональной организации.

Марксистская традиция считала национализм враждебной и опасной идеологией, делавшей возможным союз между буржуазией и пролетариатом и тем самым мешавшей последнему осознать свои истинные классовые интересы и встать на путь революционной борьбы[5]. В случае Ирландии и Польши К. Маркс, однако, признавал, что национальное движение может нести в себе революционное, демократическое содержание. В спорах с Р. Люксембург Ленин использовал и систематизировал эти взгляды, осуждая империализм и признавая революционный характер национальных движений среди угнетенных народов (национальных меньшинств в Европе и автохтонного населения в колониях). Для сохранения национальных окраин в составе России и успеха революции он считал необходимым гарантировать всем народам равный статус, положить конец русскому культурному и социальному господству, объявить борьбу «великорусскому шовинизму» и широко признать право народов на самоопределение[6]. Сталин включал в понятие империализма проявления шовинизма на региональном уровне и выступал в защиту меньшинств, которым угрожал азербайджанский, грузинский, узбекский и армянский национализм[7].

Марксисты определяли нацию как современную форму общественно-политической организации, связанную с капитализмом и определенной стадией экономического развития. Рассматривая отсталость России и в еще большей степени ее национальных окраин в качестве одной из важнейших проблем, стоящих на пути к социализму, большевистское руководство считало необходимым способствовать формированию современных «наций» там, где еще царили «племенные» и «родовые» структуры и «феодализм». В 1913 году в статье «Марксизм и национальный вопрос», ставшей первой попыткой изложить большевистское видение этой проблемы и способов ее

решения[8], Сталин напоминал, что нация является исторически обусловленным явлением[9]. Он выступал против австромарксистов и еврейского социалистического движения Бунд, отстаивавшего принцип экстерриториальной автономии (то есть представительства народов в различных государственных, общественных и прочих организациях, призванных защищать их гражданские и культурные права). По мнению большевиков, национально-культурная автономия грозила подорвать единство рабочего движения и усилить различия между народами. Сталин ставил в центр всего территорию, выдвигая принцип областной автономии, которая должна была позволить национальным территориям управлять собой самостоятельно, с опорой на собственные элиты и национальный язык[10].

Такое топографическое понимание национальности было связано с определенным проектом организации территории. Областная автономия позволяла, по мнению Сталина, оптимальным образом использовать природные богатства региона и развивать его производительные силы[11]. Это географическое видение восходило к русской довоенной статистической и этнографической традиции и было связано с более общей, еще дореволюционной дискуссией о территориальном переустройстве страны, в которой принцип областной автономии рассматривался в качестве решения национального вопроса[12].

На протяжении 1917–1923 годов большевики шаг за шагом вырабатывали политику, направленную на интеграцию всего многонационального населения страны и основанную, в частности, на признании прав национальностей. Одним из результатов этой политики стало создание в декабре 1922 года Союза Советских Социалистических Республик. Новая федерация представляла собой иерархически организованный ансамбль национальных территорий, имевших представителей на центральном уровне и наделенных рядом прерогатив. Отныне партийные и государственные органы могли формулировать свои требования в области автономии, ссылаясь на права национальностей. Напомним, что современные исследователи подчер-

кивают роль, которую сыграли идеи и практики, пришедшие из национальных движений на окраинах бывшей империи, в выработке политических мер, применявшихся в масштабах всего СССР[13].

В 1920-е годы национальность еще редко использовалась на институциональном уровне в качестве признака индивидуальной идентичности. Право голоса, доступ к образованию и социальному продвижению, то есть статус «полноправного советского гражданина», определялись классовой принадлежностью, сословным происхождением и поведением индивида в годы Гражданской войны[14]. В те же годы, однако, осуществлялись шаги по перекройке территорий на основе этнического принципа и принимались меры с целью привлечения к управлению на местах представителей коренных народов. Такая политика подталкивала людей к использованию этничности в качестве важного идентификационного признака.

Советская политика в области национальностей, сформулированная к 1921 году, начала воплощаться в жизнь с XII съезда партии (апрель 1923 года) и специального совещания ЦК по национальному вопросу, прошедшего в июне того же года. Она была направлена на развитие (под контролем Центра) национальных языков, элит, культур и территорий. Советское руководство признавало национальные языки в качестве языков обучения и администрации. Кадровая политика, ставшая известной под именем «коренизации» или «национализации», поощряла выдвижение «национальных» или «местных» кадров на руководящие посты. Кроме того, был принят ряд мер в духе «позитивной дискриминации», призванных способствовать развитию бывших угнетенных народов. Представителям автохтонных народов был гарантирован доступ во все эшелоны партийного и государственного аппарата, в то время как программы экономического характера — впрочем, почти не имевшие практических результатов — должны были помочь «отсталым» народам создать на своей территории необходимую инфраструктуру и промышленность. Прикладывались усилия и для искоренения

характерных для русских (технических специалистов, коммунистов, крестьян) моделей поведения, унаследованных от прошлого и нередко граничивших с расизмом. Языки местного управления не только находились под защитой — их знание считалось обязательным для представителей советского правительства, работавших в национальных республиках[15].

Самоидентификация

Статистика и переустройство территории

Придя к власти, большевики постарались получить в свое распоряжение статистические данные, необходимые для переустройства и модернизации общества. Уже летом 1918 года Ленин (утверждавший, что социализм — это учет) дал свое согласие на создание Центрального статистического управления (ЦСУ)[16].

В апреле 1919 года на Всероссийском съезде статистиков глава демографического отдела ЦСУ Василий Григорьевич Михайловский призвал провести новую перепись. Он обратился к большевистскому руководству, напоминая, что точные сведения о населении являются «краеугольным камнем государственного строительства»[17]. В августе 1920 года была проведена демографическая, сельскохозяйственная и промышленная перепись, за подготовкой которой пристально следил Ленин[18]. Мы наблюдаем, таким образом, сближение между статистиками и новыми коммунистическими элитами на основе общего стремления получить данные, способные лечь в основу рационального, технического строительства и управления социалистическим государством.

В.Г. Михайловский рассматривал население в качестве «огромного организма», который следовало изучать с самых различных точек зрения. Тем не менее, судя по его словам, решение об изучении национального состава населения СССР было принято исходя скорее из политичес-

ких, нежели научных, соображений. Признание прав национальностей означало необходимость в количественных и картографических данных, позволявших следить за осуществлением политики поддержки национальных меньшинств[19]. В условиях войны и еще неясного институционального статуса многих территорий проведение переписи позволяло также сделать реальностью государственную и территориальную преемственность. Говоря об итальянском национализме в период, предшествовавший объединению Италии, Сильвана Патриарка отмечала важность статистики как инструмента, позволяющего воспроизвести пока еще не осуществленное на практике политическое единство[20]. В условиях Гражданской войны и вызванного ею распада страны молодое государство Советов стремилось сконструировать свое единство с помощью статистики. Напомним, что в то время переговоры с некоторыми республиками, провозгласившими независимость (Украиной, Грузией, Арменией, Азербайджаном), еще не были завершены. Кроме того, на момент проведения переписи целый ряд областей России полностью ускользал от контроля большевиков. Тем не менее в пояснениях к переписи 1920 года уточнялось, что выходцы из республик, входящих в состав Советской Федерации, не должны отвечать на вопрос о подданстве (№ 5)[21]. Ответ на него требовался только от «настоящих» иностранцев. Неоднократно менявшиеся списки областей, призванные помочь статистикам визуализировать пространство молодой страны Советов, свидетельствуют о том, как трудно было большевикам точным образом представить «всю Российскую Республику и все республики, объединенные с нею в единую федерацию»[22]. Работа счетчиков, геометров, агрономов, землемеров во многом зависела от действий Красной армии.

Отчеты представителей ЦСУ и руководителей местных статистических бюро, организованных по вертикали уже в 1918 году, свидетельствуют о трудностях, с которыми сталкивались большевики, пытаясь установить контроль над враждебно настроенным населением многих террито-

рий[23]. Во многих районах перепись не была проведена или дала неудовлетворительные результаты. Напомним, что она проходила в разгар Гражданской войны и советско-польского конфликта[24]. В Иркутской губернии перепись сопровождалась «большими трудностями»: в то время как русские согласились пустить счетчиков в дома, бурят пришлось собирать для подсчета на большие собрания (сугланы)[25]. На Украине, охваченной военными действиями, перепись проходила в чрезвычайно опасных условиях[26]. Так, в Донецкой губернии вождь анархистов Н.И. Махно приказал населению истребить коммунистов и счетчиков[27]. В Днепровском уезде перепись удалось провести лишь в январе 1921 года, после того как оттуда были изгнаны белые. В Елисаветградском уезде, на территории которого свирепствовали вооруженные банды, статистики жаловались на абсолютно «нечеловеческие» условия работы. В одной из деревень крестьяне вышли встречать счетчиков, вооружившись крючьями, и заявили им, что считают перепись и проводящую ее власть незаконными. Один из инструкторов был убит, еще один захвачен в плен крестьянами, а остальные избиты. Собранные материалы были полностью или частично уничтожены бандитами, и перепись пришлось проводить заново[28]. В Одесской губернии наблюдаемое среди населения отрицательное отношение к переписи объяснялось тем, что в одном лишь 1920 году здесь по инициативе различных местных отделов и учреждений было проведено 15 обследований и переписей, целью которых было повысить эффективность мобилизации в армию, реквизиций зерна и распределения продуктов. «Этими переписями население отчасти было утомлено и запутано, отчасти приучено к тому, чтобы давать при опросе неверные показания, приуменьшать данные, свидетельствующие об известном благосостоянии, и вообще скрывать истину во избежание невыгодных для себя материальных последствий»[29]. Автор отчета высказывал предположение, что перепись даст плохие результаты, причем не только в том, что касается информации о военнообязанных, коли-

честве сельскохозяйственного инвентаря и посевных площадей, но и данных о национальности[30].

Статистические учреждения и их сотрудники страдали от нехватки бумаги, транспорта, теплой одежды. В сельских районах счетчикам угрожали бандиты; в Самаркандском округе особую опасность представляли воооруженные банды басмачей, а на Кавказе — сопротивление со стороны чеченцев[31]. К 33 жестоким убийствам счетчиков и инструкторов добавлялись десятки случаев ранений и тяжелых заболеваний среди счетчиков[32]. Отчеты свидетельствуют одновременно о недостаточной помощи со стороны местных властей и о недоверии жителей. Несмотря на то что к проведению переписи были привлечены учителя, агрономы, статистики, работники крестьянских организаций, кооперативов, профсоюзов[33], квалифицированного персонала чаще всего все равно не хватало. Так, в Одесской губернии пришлось привлечь крестьян, владевших грамотой, но не знавших дробей и не способных отличить национальность от вероисповедания[34].

Классовое и национальное сознание

Национальная самоидентификация («индивидуальное самоопределение»[35]), которую изучали власти и статистики Временного правительства и советского режима, была связана с идеей права наций на самоопределение и требованиями националистов, стремившихся разбудить в нерусских народах то, что они считали их национальной идентичностью. Это понятие подразумевало наличие у каждого человека четкой, недвусмысленной национальной идентичности, именуемой в те годы «национальным самосознанием». Как мы видели это на примере дискуссий XIX века, статистики пережили разочарование, осознав, что народ плохо знает свою национальную принадлежность. Подобное неведение свидетельствовало о слабой «ментальной» интеграции «масс» в национальное сообщество. В этих условиях перепись и регистрация в административных документах национальности со слов

самого индивида («самосознание») представали в роли операции, способной помочь людям осознать свою национальную сущность.

В 1920-е годы считалось, что такое личное самоопределение должно быть результатом не случайного выбора, а «открытия» индивидом своей национальности, ее признания в качестве таковой и сознательного использования. Связывая индивида с той или иной общностью и территорией, национальная принадлежность, подобно классовой, включала его в определенный политический проект, историческое прошлое и будущее нового коммунистического общества. В контексте проекта интеграции крестьян она была также призвана способствовать распространению письменной культуры, открывая перед сельскими жителями более широкие горизонты, чем родовая, локальная, унаследованная от эпохи феодализма принадлежность.

Такое обращение к индивидуальному сознанию, призванное установить связь между индивидом и коллективом, являлось неотъемлемой частью коммунистического проекта, основанного на классовой идентичности. Именно поэтому в советском варианте этого проекта поощрялось развитие национальных идентичностей, «самосознаний» — изначально, однако, только для нерусских народов. Следуя введенному Лениным основополагающему различию, в случае именно «угнетенных» народов национальное сознание не противоречило классовому.

Как показывает Игал Халфин в своей работе о классовом сознании в революционной России, постоянно упоминаемый большевиками пролетариат не был объективной категорией, указывающей на социальное положение. Эсхатологический характер коммунистического проекта привел к тому, что пролетариат превратился в идеальную модель социального и политического поведения[36]. В советскую эпоху в центре вопроса об идентичностных категориях стояли сложные отношения между объективной идентичностью (принадлежностью самого индивида или его родителей к числу рабочих) и сублимированной,

субъективированной категорией, связанной с индивидуальной идентификацией и определенной моделью поведения[37]. В определении национальности мы находим то же противоречие. Советские граждане должны были иметь национальную идентичность, которая, разумеется, могла эволюционировать, но которую надо было прежде всего осознать. Это требование проявлялось в ходе статистической идентификации, во время многочисленных местных и общих переписей, а также, например, в организуемых новым режимом фольклорных выступлениях.

К национальностям применим также подход, использованный Анной Крыловой для анализа идентичности рабочих и признания большевиками классового инстинкта как революционной силы, идущей из рабочего опыта. По мнению большевиков, объективный характер классовой принадлежности позволял рабочим действовать в качестве таковых, даже когда они не осознавали рациональным образом свое место и роль в истории. Отождествляя нерусские народы с угнетенными массами, Ленин наделял их одновременно революционной и исторической мощью, подпитываемой не только политическим сознанием, но и инстинктами, побуждающими их восставать против русского ига.

Внутри коммунистической партии, изначально состоявшей главным образом из русских и славян, «поощрительная» национальная политика была чрезвычайно непопулярной. Уже в 1917–1918 годы Г.Л. Пятаков и Н.И. Бухарин решительно выступали против принципа самоопределения народов. В 1927 году дискуссия возобновилась, и мишенью критики стало руководство коммунистической партии Украины, слишком далеко зашедшее в политике украинизации. В книге В. Ваганяна «Национальная культура» этот лозунг критиковался за то, что его воплощение в жизнь замыкало людей в границах определенной культуры, вместо того чтобы развивать классовый интернационализм[38]. Эти взгляды, в тот момент нашедшие место на страницах печати, но вскоре подвергшиеся осуждению, встречали положительный отклик среди партийных кад-

ров[39], большинство которых в 1920-е годы были русскими и выступали против политики выдвижения представителей национальных меньшинств.

Тем не менее в условиях социалистического общества, провозглашения равенства народов и борьбы со всеми формами национального господства национальный инстинкт в любой момент мог утратить свое положительное качество. Слишком сильное национальное самосознание грозило превратиться в признак «буржуазного национализма», борьба с которым началась уже в 1920-е годы. Режим колебался между признанием «хорошего» и «плохого» национального самосознания. Проявления «великорусского шовинизма», а также украинского, узбекского, грузинского и пр. национализма становились объектом преследований. Как мы увидим, репрессии обрушились не только на руководителей, уличенных в национализме, но и на целые народы, чьи национальные особенности во второй половине 1930-х годов будут сочтены потенциально опасными для режима.

Выявление национальных идентичностей

Этнографы и статистики стремились установить связь между субъективной идентификацией индивидов и их «объективной» идентичностью. «Индивидуальное самоопределение» должно было позволить открыть, выявить уже существующие идентичности, которые могли быть подтверждены этнографическими исследованиями.

В переписи 1920 года национальность, записываемая исключительно со слов самого опрашиваемого, определялась как «группа населения, объединенная общностью национального самосознания»[40]. При этом ее отличали от языка, и вопрос о родном языке, определяемом как язык семьи или матери (в многонациональных семьях), задавался отдельно[41]. Это обращение к национальному сознанию, к «индивидуальному самоопределению» было частью методологии КИПС, продолжавшей работать над

проектом этнического картографирования[42]. С 1920 года в актах гражданского состояния (заменили метрические книги в 1918 году, велись отделами ЗАГС при местных советах) должна была фигурировать национальность ребенка, вплоть до 1926 года определявшаяся по его матери. По отзывам статистиков, систематическая регистрация актов гражданского состояния была налажена в европейской части страны только к 1923 году. В остальных областях, в первую очередь в Средней Азии, регистрация отличалась большими лакунами. В 1926 году графа «национальность», определяемая отныне по принципу индивидуального самоопределения, была включена в новый формуляр акта гражданского состояния[43]. В постепенно распространявшихся текущих списках населения, содержавших информацию по домохозяйствам в деревнях и квартирам в городах, национальность была одним из обязательных параметров[44]. В отсутствие типового удостоверения личности (вплоть до введения внутренних паспортов в 1930-х годах) в качестве маркеров идентичности могли выступать различные документы, не всегда содержавшие указание на национальность. При этом, например, в анкетах кандидатов в члены партии национальность фигурировала почти систематически.

Этнографы рассматривали «открытие» индивидами своей национальности как медленный процесс, успеху которого могли способствовать определенные политические меры. Этнограф В. Кун, который в конце 1920-х годов будет обвинен в национализме, основывал свое изучение этнического состава Туркестана на критерии индивидуального самоопределения, видя в этом возможность учесть «четкое сознание своей этнической принадлежности», память о происхождении, а главное, «определившееся политическое самосознание»[45]. Он подчеркивал, что правительству необходимо собирать такие данные, так как они напрямую отражают политическое сознание масс[46]. На практике, однако, этнограф прибегал к изучению родовой системы и генеалогий, для того чтобы установить национальную идентичность индивидов во множестве

неясных случаев. При этом В. Кун вписывал свои исследования в проект «присвоения» национальных идентичностей, систематически задавая изучаемым группам населения вопрос о национальности.

Признавая, что многие индивиды могут столкнуться с трудностями при определении своей национальности, ученые рассматривали это лишь как проявление недостаточно развитого национального самосознания, которое предстояло выявить: идентичность, таким образом, реально существовала, в том числе до момента «выявления». Раз идентичности существуют, задача режима – способствовать их осознанию. Сталин, а за ним и статистики, журналисты и пр. выражали свою радость по поводу возвращения – в результате революции и соответствующей политики партии – множества народностей. В 1925 году Сталин отмечал, что «социалистическая революция не уменьшала, а увеличивала количество языков, ибо она, встряхивая глубочайшие низы человечества и выталкивая их на политическую сцену, пробуждает к новой жизни целый ряд новых национальностей, ранее неизвестных или малоизвестных. Кто мог подумать, что старая царская Россия представляет не менее 50 национальностей и национальных групп? Однако Октябрьская революция, порвав старые цепи и выдвинув на сцену целый ряд забытых народов и народностей, дала им новую жизнь и новое развитие»[47].

Значительная часть населения Советского Союза, особенно в деревнях, затруднялась определить свою национальность. В приграничных районах Украины, Белоруссии и России, а также в Средней Азии и на Кавказе большее распространение имели другие определения, основанные на географических, религиозных, клановых принципах.

На Украине глава Центральной комиссии национальных меньшинств (ЦКНМ) при ВУЦИК большевик Я.Д. Саулевич организовал ряд лингвистических, статистических и этнографических обследований с целью определения этнического состава населения. На вопрос о языке крестьяне отвечали, что они говорят на «крестьянском»,

«простом», «местном» или «католическом» языке. Эти противоречивые формулировки заставили администраторов искать другие пути определения национальности, например путем изучения сельскохозяйственных культур, различий в диалектах и др.[48] О схожих трудностях рассказывают отчеты об экспедициях, проведенных в 1924–1925 годах в районе Бухары и Хорезма по инициативе территориальной комиссии по национальному размежеванию Средней Азии. Недоверчивое отношение со стороны населения заставляло обращаться за информацией к сельским старейшинам (аксакалам). В качестве примера можно взять случай с племенем хиджр-али, на территорию которого претендовало туркменское и узбекское руководство. Научным образом установить этническое происхождение племени было нелегко. Попытки напрямую опросить население закончились провалом: жители этой территории либо уклонялись от участия в обследовании, либо говорили, что принадлежат к племени хиджр-фли и были не в состоянии ответить на вопрос о национальности[49]. В других районах, например в Самаркандской и Бухарской областях, понятие «узбек» практически не встречалось в материалах комиссии[50]. Даже в Центральной России, по словам этнографа В. Чернышева, среди «необразованного» народа немало было тех, у кого полностью отсутствовало национальное самосознание. Выступая, по сути, против деления русских на великороссов, белорусов и украинцев, он отмечал, что великорусские крестьяне считают себя «владимирскими», «костромскими» и «псковскими»[51]. Этнографы подчеркивали, что крестьяне очень часто идентифицируют себя именно с местным пространством. Тот факт, что крестьяне были склонны определять себя как «местных», чрезвычайно затруднял грандиозный проект идентификации населения, предпринятый большевиками с целью выработки национальной политики.

При подготовке переписи 1926 года КИПС признавала риск возникновения трудностей с определением национальной принадлежности в тех случаях, когда националь-

ное самосознание населения было затемнено или замещено самоотождествлением с территорией, родом, племенем, языком или религией[52]. Как статистики, так и этнографы прибегали к исправлениям, стремясь получить правильные ответы. Статистический отдел Нижнего Новгорода указывал, что в случаях, когда указанная индивидом принадлежность явно не соответствовала реальности, следовало исправить ответ[53]. В циркулярах, изданных по случаю подготовки переписи, широко проявились сомнения местных администраторов в правильном понимании термина «национальность». Так, в Дагестане в «дополнительных инструкциях о заполнении индивидуальных переписных листов»[54] уточнялось, что нельзя использовать такие определения, как «горец»[55], «дагестанец» или «мусульманин». В Туркменистане об отсутствии национальной идентификации у опрашиваемых говорилось еще более прямо: «Бывает, что туземец на вопрос о национальности отделывается ответом “мусульман”, “тюрк” или называет себя по имени города, государства, из которого происходит, бухарец, хивинец, андижанец. Но “мусульман” определяет вероисповедание, а не национальность, а “тюрк” исключает некоторые нетурецкие народности — таджиков, иранцев, персов, калмыков и др., и не годится, потому что тюрком, т.е. говорящим на одном из турецких наречий, может назвать себя туркмен, киргиз, узбек. Поэтому инструкция дает подробное перечисление народностей, живущих на территории Туркестана»[56]. Статистические отделы Новгорода, Вотской автономной области, Закавказья[57] также снабжали счетчиков перечнями национальностей, живущих на данной территории. В Башкирии в случае расхождения между ответом опрашиваемого и других жителей того же села было решено проводить дополнительную беседу[58]. В Туркменистане для определения национальности использовались генеалогические таблицы туркменских племен, разделенные на две группы: «легендарные родословные» и «фактическое соподчинение групп»[59]. Так же обстояло дело и с казахскими племенами. Дальневосточное статистическое управле-

ние объясняло, что для уточнения сведений о национальной принадлежности при переписи «туземцев» необходимо задавать дополнительный вопрос о племени и роде, занося полученный ответ в ту же строку[60]. Таким образом, в районах, где большее распространение имели клановые и географические идентификации, счетчикам рекомендовалось «направлять», а порой и исправлять ответы опрашиваемых.

Этнические территории

Территориализация национальностей

Советское правительство признавало за республиками право на самоопределение. Советские нации могли образовывать собственные государственные структуры с четко определенными территориями и, согласно Конституции, имели право выйти из состава СССР. В первой советской Конституции (1918 года) говорилось, что «советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут объединиться в автономные областные союзы»[61]. В связи с этим неизбежно вставал вопрос об определении границ между республиками. Теоретически они должны были соответствовать национальному составу населения. Статистики и этнографы предлагали свою помощь в определении правильных границ[62]. В 1920 году было уточнено, что обработка данных о национальном составе, полученных в результате переписи, должна «объяснить данные переписи для практических вопросов государственной и народной жизни (например, разграничение союзных республик, входящих в Российскую Федерацию)[63]». Точно так же обстояло дело и в 1926 году: на этот раз перепись должна была послужить для районирования, то есть определения границ на уровне районов, населенных национальными меньшинствами. КИПС проводила все новые и новые обследования, стремясь определить контуры, подсчитать числен-

ность населения и составить карты этих более или менее однородных — с этнической точки зрения — территориальных единиц.

Методы и принципы работы КИПС свидетельствовали о преемственности ее деятельности с дореволюционным периодом[64]. Комиссия придерживалась глобальной концепции народности, рассматривая ее в качестве антропологической группы со своим языком, укладом жизни, вероисповеданием и территорией. В зависимости от исследователей и изучаемых регионов для определения контуров национальностей и их территорий расселения использовались комбинации различных критериев: языка, вероисповедания, особенностей быта, национального самосознания, физических особенностей (антропологических данных)[65]. В местных органах власти и архивах собирались полученные в 1897 году сведения о языке и религии, составленные ЦСК и земствами списки населенных мест, а главное, данные сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 годов. Для решения технических вопросов, связанных с картографированием, комиссия обратилась за помощью к военно-топографическому отделу Генштаба РККА, а затем сотрудничала с НКВД. Не ограничиваясь изучением приграничных районов, ее работа охватывала всю территорию СССР.

Филолог Е.Ф. Карский, до революции осуществивший многочисленные этнографические и лингвистические обследования с целью определения контуров белорусской общности, опубликовал исследование на эту тему и предложил свою помощь в составлении карт молодой Белорусской ССР[66]. В 1917–1920 годах члены КИПС совершили ряд поездок на места для сбора данных. Так, в 1918 году С.И. Руденко ездил в командировку на Украину[67], а в марте–апреле 1919 года — на Урал, где работал с Пермской и Оренбургской комиссиями по размежеванию[68]. Он обращался к наркоматам с просьбой предоставить средства для изучения этнического состава населения[69]. Д.А. Золотарев ездил в командировки в Архангельскую, Тверскую, Ярославскую, Костромскую и Вологодскую губернии[70]. Его исследования отсылают к существовавшему с конца

XIX века стремлению максимально полным, точным и критическим образом описать этнический состав населения, учтя все села без исключения и национальную принадлежность каждого их жителя. В Ярославской губернии он провел специальное исследование, чтобы выяснить судьбу восьми сел с карельским населением, упомянутых Кеппеном в 1842 году и с тех пор больше не встречавшихся ни в одной переписи. Посетив каждое из этих сел, он выяснил, что, по выражению местных жителей, старшее поколение иногда «карелило», но в повседневной жизни карельский язык не употреблялся. На основании этого он пришел к выводу, что только подробное антропологическое и этнографическое исследование сможет выявить возможное существование у местных жителей карельских черт, например финно-угорских черт лица, заметных особенно у женщин[71]. Это всего лишь один пример влияния физической антропологии на исследования 1920-х годов, авторы которых стремились установить объективные этнографические идентичности населения. В августе 1918 года в Туркестан был направлен И.И. Зарубин, чтобы собрать данные переписи 1917 года и составить список населенных мест с указанием количества жителей по национальностям, а также числа лиц неизвестной национальности. Попав в Ташкент только в январе 1919 года, он обратился в президиум Чрезвычайного съезда солдатских и рабочих депутатов Туркестана с просьбой предоставить ему необходимые для проведения исследования средства[72]. Работы Зарубина имели большое значение для этого региона, где в середине 1920-х годов вопрос о национальном размежевании стоял в центре большинства споров между местными партийными руководителями, членами Среднеазиатского бюро.

Определение внутренних и национальных границ

Использование статистических данных, то есть авторитета объективного научного знания, должно было в иде-

але позволить прийти к консенсусу в спорах о границах. Возглавляемый Сталиным Наркомат национальностей (Наркомнац), ведавший национальными вопросами в масштабах всего государства, призывал учитывать этнический состав населения при определении административных границ. В статье, опубликованной в 1919 году в печатном органе наркомата, А. Ульянинский приходил к выводу о том, что объективные цифры важнее слов и потому именно они должны служить основой для советского размежевания[73].

На практике анализ дискуссий и решений, связанных с определением границ, показывает, что последние стали главным образом результатом серии компромиссов между партийным руководством различных республик. Национальный принцип был одним из возможных параметров, но его применению мешал не только смешанный и неясный этнический состав населения, но и экономические и политические факторы, которые необходимо было учесть при определении правильной границы.

В 1921 году на страницах советской печати и в правительственных органах разгорелся конфликт, в ходе которого столкнулись два подхода к переустройству внутренних границ федерации. Сторонники первого подхода руководствовались идеей экономической рационализации, а второго – критерием этнического состава населения. Даже если в основу районирования должен был лечь экономический подход, одной из задач новых границ было способствовать развитию всех народностей в соответствии с их бытом, культурой и экономическим положением[74]. Руководящие органы связывали соблюдение права на самоопределение с задачей экономического развития и считали, что каждая народность обладает собственным хозяйственным «лицом». В переписке с правительством этнограф Н.Ф. Яковлев объяснял, что каждая народность представляет собой нечто оригинальное, индивидуальное с точки зрения экономического, социального, культурного развития и «искомая гармония может быть достигнута в идеале при полной осведомленности государства об индивидуальном этнологическом облике каждой народности»[75].

Весь период 1920-х годов был отмечен конфликтами и переговорами между руководителями различных национальных областей и республик, претендовавшими на контроль над теми или иными районами, участками леса или реками и ссылавшимися на то, что для функционирования в качестве автономной единицы им необходимо располагать полноценной, экономически самодостаточной территорией. Требуя увеличить свою территорию, Татарстан использовал в большей степени экономические, чем этнические, аргументы[76]. Руководство Чувашии, претендовавшее на участки леса на берегу Волги, признавало, что эти земли были заселены в основном марийцами, но требовало тем не менее их присоединения, ссылаясь на то, что это было вопросом экономической «жизни и смерти» для региона. Стремясь обеспечить себе энергетические ресурсы, необходимые для развития, чувашские коммунисты напоминали, что областная автономия должна быть прежде всего хозяйственной, а не «академической», то есть диктуемой национальным составом населения[77]. Таким образом, они противопоставляли принципу этнической однородности идею экономически автономного народа, имеющего все необходимые ресурсы и функционирующего как территориальное государство.

Руководство Иркутской губернии, со своей стороны, отстаивало русский характер территории и просило Центр поддержать предложение о пересмотре границ. Обедневшие русские семьи в Оекском районе претендовали на соседние земли, принадлежащие Бурят-Монгольской АССР. Они считали, что имеют все права на эти территории, не обрабатываемые кочевниками-бурятами. Земельные трудности привели к ненависти к бурятам и к национальной политике большевиков[78]. Новое определение границ было напрямую связано с доступом к земле. На территориях вдоль бывших границ русской колонизации, в условиях сильной межэтнической напряженности, вспыхивали и быстро разгорались новые и новые конфликты[79]. Так, в 1920—1921 годах в Джетысуйской (Семиреченской) области киргизы (казахи) поджигали поля и

изгоняли русских и украинцев, пытаясь вернуть себе занятые переселенцами земли. В 1920-е годы количество актов насилия на этнической почве в этом регионе выросло[80].

В Башкирии русские крестьяне жаловались на то, что башкиры сдавали им в аренду одни и те же земли, обирая их и обрекая на бедность. Согласно докладу ЧК, такое поведение привело к ненависти со стороны русских крестьян к башкирам. Убийства и стычки стали здесь обычным делом[81].

В этих условиях собранные статистиками и этнографами данные стали источником не консенсуса, а баталий цифр[82]. В 1924 году, ходатайствуя о присоединении к Украине Курской и Воронежской областей, Киев представил в качестве аргумента лингвистические данные, собранные во время частичной переписи 1921 года. Республиканское руководство надеялось таким образом доказать, что эти районы являются украиноязычными, а следовательно, украинскими. ЦСУ изучило представленные данные и пришло к выводу об их несостоятельности, так как национальность в этих документах была определена на основе языка, а не национального самосознания[83].

В 1924 году была создана комиссия, призванная определить национальные границы в Средней Азии. В ее состав вошли представители руководства республиканских компартий. Вскоре между киргизами (казахами) и узбеками вспыхнул конфликт. Представитель киргизской компартии предлагал использовать для разграничения материалы дореволюционных переписей. По его словам, во время последующих переписей киргизы часто объявляли себя узбеками, надеясь таким образом сохранить свои земли. Дело в том, что в отличие от кочевников-киргизов права собственности узбеков как оседлого населения были признаны советскими властями[84].

На протяжении 1920-х годов карта национальных территорий неоднократно перекраивалась. В случаях, когда стороны не находили компромисса, роль арбитра играла Москва, в лице самого высокого эшелона власти: ЦК и Политбюро. Выслушав аргументы участников, они прини-

мали решение, руководствуясь соображениями общественного порядка: отделяли одни этнические сообщества от других или удовлетворяли просьбы, казавшиеся более перспективными с точки зрения развития или лояльности по отношению к режиму. Часть современных исследователей интерпретирует такой прагматический подход как доказательство того, что большевистское руководство не стремилось «разделять и властвовать», как то утверждалось в классических западных работах 1960-х годов, посвященных советской национальной политике[85]. Можно, однако, заметить, что уже с начала 1920-х годов советские лидеры с подозрением относились к национализму, проблемам с «дисциплиной» у некоторых регионов и их партийного руководства. Перекройка административных границ с целью уничтожения или ослабления потенциально опасных национальных единиц входила в арсенал инструментов, используемых Москвой для укрепления власти, в частности на Северном Кавказе[86].

На территории Туркестана, Хорезмской и Бухарской республик, на момент прихода к власти коммунистов не знавших деления по национальному признаку, были постепенно образованы Узбекская, Туркменская, Таджикская, Казахская и Киргизская Советские Социалистические Республики, а также Кара-Калпакская автономная область. По мнению Эрна Хаугена, национально-территориальное размежевание в Средней Азии стало результатом ряда компромиссов, за которыми стояли самые различные мотивации – от просьбы того или иного племени о присоединении к определенной национальной единице в силу генеалогического, языкового или культурного родства до соображений, связанных с контролем над ирригационной системой или необходимостью получить в свое распоряжение городской населенный пункт. Такие критерии, как оседлость, язык, вероисповедание, происхождение, смешивались с задачами административной рационализации и обустройства территории, которые в идеале должны были позволить новым национальным единицам стать ресурсно и экономически автономными[87].

Идея административно-территориального переустройства, порывавшего с дореволюционными традициями, была особенностью революционного проекта большевиков и одновременно отвечала стремлениям географов, экономистов, статистиков, мечтавших о рациональном делении территории[88]. Будучи важной частью любого революционного проекта, такое стремление «вписать» исторический переворот в территорию позволяет одновременно разрушить существующие местные властные сети и заложить основу новых политических репрезентаций[89]. В то время как во Франции принцип абстрактного, математического конструирования пространства, воплотившийся в системе департаментов, должен был заложить фундамент для гражданского равенства, в Советском Союзе территориальная реформа была связана с проектом экономической модернизации страны. Когда на VII съезде Советов (1919) впервые был поставлен вопрос об административно-территориальном переустройстве, был немедленно упомянут хаотический, бессистемный характер территориального деления царского времени[90]. Перефразируя Л.Б. Каменева, страна была разделена на губернии исходя из интересов не жителей, а правителей[91]. В социалистическом обществе размежевание должно было опираться на принцип экономической и политической рациональности.

Территориальная защита национальных меньшинств

Определение новых границ шло не только на меж-, но и на внутриреспубликанском уровне. Задача заключалась в том, чтобы создать в масштабах всего Советского Союза единую административную структуру, состоящую из трех уровней: сельского совета, района, округа[92]. Каждый округ и район должен был являться автономной хозяйственной и административной единицей. Кроме того, они не должны были «мешать развитию национально-культурных особенностей народностей»[93]. Внутри этой новой

структуры также применялся принцип национальной автономии: независимо от своей численности любая компактно проживающая группа лиц одной национальности, отличная от населения окружающих районов, имела право образовать национальную территорию.

Принцип «территориализации» национальностей должен был применяться и на микроуровне. Разбросанные по территории союзных республик национальные меньшинства могли образовать анклавы размером в один кантон или даже одно село. На Украине, а с 1925 года и по всему Союзу, создавались «национальные советы». Село, большинство жителей в котором было иной национальности, чем население данного района, имело право создать «национальный совет». Речь, таким образом, шла уже не о том, чтобы определить границы республик, каждая из которых функционировала как маленькое «государство-нация», а о том, чтобы сохранить внутри них этническое многообразие. Районирование было также призвано гарантировать защиту прав национальных меньшинств в области культуры и языка[94]. Жители «национальных советов» могли использовать свой язык в органах администрации, правосудия и школах. В 1926 году на территории Украины было создано свыше 300 национальных сел, жители которых говорили на идише, немецком, чешском, греческом, болгарском и других языках. Создание таких этнически однородных населенных пунктов не только воспроизводило существующую этнотерриториальную конфигурацию, но и способствовало спонтанным миграциям в среде еще не до конца стабилизировавшегося после войны населения.

Связь между лингвистической политикой и созданием административно-территориальных единиц, определявших ареал распространения того или иного языка и письменности, являлась неотъемлемой частью советского проекта интеграции, опиравшегося на признание прав народов и ликвидацию неграмотности.

В 1920-е годы советское руководство требовало от нижестоящих инстанций докладов о работе в области национальной политики[95]. Так, в 1929 году Центральная конт-

рольная комиссия ВКП(б) провела ряд проверок, целью которых было проконтролировать выполнение в республиках принятых в 1923 году решений о национальной политике. Члены комиссии воспользовались случаем, чтобы дать советы относительно защиты прав меньшинств и институционализации национальных микротерриторий. В Закавказье, несмотря на сопротивление грузинской компартии, представители Москвы поддержали создание национальных советов в районах компактного проживания мингрелов и переход на делопроизводство на мингрельском языке[96]. Грузинское руководство признало существование мингрельского диалекта, а затем и языка незадолго до приезда представителей ЦКК ВКП(б). Приехав в Тифлис, те потребовали и добились создания мингрельских районов[97].

В 1925 году в периферийной, экономически неразвитой зоне Украины, где мало кто говорил по-польски, был создан Мархлевский польский национальный район. Это позволяло создать положительный образ СССР и его национальной политики[98]. Проживание на территории Украины поляков, чехов, словаков, румын, болгар, евреев и других народов открывало возможности для ведения пропаганды в направлении других стран, где права национальных меньшинств не всегда соблюдались. Заметим, кстати, что серия мер, принятых Ю. Пилсудским для защиты культурных прав украинского населения в Польше, стала ответом на советскую политику. Предоставление культурных прав и включение украинских представителей в состав польского правительства должны были убедить советских украинцев в преимуществах жизни в соседнем государстве[99].

Создание национальных анклавов на различных уровнях дало толчок уникальному процессу пересмотра и определения территорий по этническому принципу. Поиск соответствия между административной и этнической картой, стремление решить национальный вопрос на основе территориального принципа проявились прежде всего в попытках Москвы наделить национальной территорией

евреев. Сталин выступил за создание еврейской национальной республики и переселение на ее территорию большого количества евреев[100]. После неудачи крымского проекта (1926)[101], в 1934 году Еврейская автономная область была создана на Дальнем Востоке, с центром в Биробиджане.

Даже в том случае, когда население еще слабо привыкло мыслить себя в терминах национальности, эти изменения сопровождались беспрецедентной мобилизацией национальных идентичностей. В Средней Азии, традиционно описываемой как регион, в котором в момент революции национальная идея была развита в наименьшей степени[102], ходатайства из сел и аулов свидетельствовали о том, что не только партийные элиты, но и сельские жители быстро начинали осознавать возможности, которые открывала перед ними осуществляемая режимом институционализация национальностей[103]. Так, например, в районах, пограничных между областями или республиками, жители отдельных сел просили присоединить их к той или иной административно-территориальной единице не только по экономическим причинам, но и потому, что они хотели быть частью туркменского или узбекского национального сообщества. Эти просьбы свидетельствуют о чрезвычайно быстрой способности общества по-новому определять свои политические требования на основе новых идентичностей, поощряемых режимом[104].

«Приблизить власть к массам»

Стремясь лучше управлять ускользавшими от их контроля территориями и народами, большевики решили прибегнуть к ряду принципов и практик правления, еще до революции предложенных учеными и защитниками прав национальностей. Народные языки, снабженные при содействии власти письмом и грамматикой, были институционализированы и поставлены под защиту закона[105]. Параллельно с целью улучшения управления и придания

власти более «родного», местного, национального облика проводилась кадровая политика, поощрявшая выдвижение чиновников из числа местных жителей. В партийных резолюциях 1923 года напоминалось, что республиканские и областные органы должны состоять из «местных людей», владеющих языком и знающих быт, нравы и обычаи населения[106].

Защита языковых прав национальных меньшинств объяснялась желанием порвать с русификаторской политикой. Одновременно большевики надеялись путем использования народных языков расширить поле действия своей пропаганды. Уже в 1919 году центральные органы партии напоминали областным комитетам о необходимости публиковать листовки и вести устную пропаганду на местных языках[107]. Эти языки стали языками управления, культуры и образования[108]. В решениях XII съезда партии (1923) говорилось, что язык титульной народности получит статус государственного на территории каждой административно-территориальной единицы. Быстро было налажено и преподавание на национальных языках. Этому предшествовало создание усилиями ученых письменности для тех языков, которые таковой не имели. Обучение, судебное и административное делопроизводство, периодическая печать, указатели на улицах и железных дорогах, киноафиши — все это должно было соответствовать языку, на котором говорили жители данной местности.

Так новые советские нации оказались обладательницами национальных языков, статус которых защищался законом. Но язык был чем-то большим, чем просто национальный символ: он давал большевикам доступ к умам и душам советских граждан. Используя народные языки, советское руководство рассчитывало, по его собственным утверждениям, одновременно улучшить экономические и культурные условия и вовлечь трудящихся в социалистическое строительство[109]. Те сто языков, на которых говорило население СССР, должны были употребляться как в семьях, так и в классах, на собраниях партячеек, в сельсоветах, профсоюзных организациях и заседаниях суда[110].

В 1929 году в ходе проверки реализации национальной политики представители Центральной контрольной комиссии ВКП(б) приехали в Чувашию. Они вновь и вновь говорили о том, что массы должны понимать партию и правительство. В Вотской автономной области в связи с вопросом о татарском населении члены комиссии потребовали, чтобы газеты и книги издавались «для масс, на понятном им наречии»[111]. С этой целью они рекомендовали создать татарские национальные советы. Требования языковой политики были связаны с вопросом районирования национальностей. В Марийской автономной области различия в диалектах луговых и горных мари привели к тому, что комиссия предложила создать два совета для горных мари, численность которых составляла 50 000 человек[112]. Представители ЦКК ВКП(б) объясняли, что горные мари не понимают поступающие в область документы, составленные на «языке луговых мари».

К территориализации языков в национальных республиках, областях и советах добавлялось также личное право на использование того или иного языка. С конца XIX века территориальный и личный, индивидуальный принципы языкового права противопоставлялись друг другу, прежде всего в рамках большевистской критики идеи экстерриториальной национальности. В советском случае территориализация смешивалась с правом населения обращаться в центральные органы власти на родном языке[113]. В 1925 году ЦК попросил, чтобы отныне все документы, посылаемые в правительственные органы, были написаны на русском языке или снабжены переводом на русский. Сталин решительно выступил против этого решения и напомнил, что оно противоречит Конституции, гарантировавшей право говорить на родном языке. Он твердо встал на защиту непреложного принципа, в последние годы царского режима отстаиваемого автономистами, — согласно которому любой житель страны имел право изъясняться на своем языке, и призвал создать корпус переводчиков[114].

Это стремление поощрять развитие местных языков вписывалось в советский проект распространения грамо-

ты на «стандартизованных» языках. В рамках этой кампании были в том числе приняты меры по упрощению письма, орфографии и грамматики языков, имеющих письменную традицию. Упрощению подверглись и русская орфография и грамматика.

Обучение грамоте на местных языках оказалось, однако, чрезвычайно трудным делом. В Средней Азии отсутствие учителей и грамотных людей, нехватка средств и нежелание населения отправлять детей в новые советские школы стали препятствием на пути к успешной ликвидации неграмотности. На Кавказе наличие большого количества языков, трудности, связанные с их стандартизацией, и, разумеется, недостаток средств вызывали большое беспокойство со стороны местных властей: в конце 1924 года в Ингушетии, например, функционировало — с большим трудом — только восемь школ[115].

Уничтожить различия, унаследованные от колониализма?

Помощь в развитии языков была лишь одной из «антирусификаторских мер». Так, подготовка специалистов из числа автохтонного населения путем предоставления квот в вузах с последующим зачислением на государственную службу отвечала тому же стремлению разрушить сложившиеся отношения господства русских над нерусскими. Речь шла о том, чтобы сделать образ новой власти близким, родным и стереть расстояние, отделяющее центр от окраин. Как мы уже убедились, массовые принудительные операции по изъятию сельскохозяйственных земель имели место еще до того, как большевики начали действовать в регионах, в которых аграрная колонизация началась относительно недавно (например, в Средней Азии и некоторых районах Сибири). В тот момент местное партийное руководство, от которого требовали выполнения решений партии, встало на защиту автохтонного населения. Дело не ограничивалось аграрным вопросом.

Несмотря на то что партийный аппарат, состоявший главным образом из русских, сопротивлялся «политике национальностей», были введены квоты на прием представителей нерусских народов на работу в партийные органы, советские учреждения и промышленные предприятия.

В конце 1920-х годов в Средней Азии, Закавказье и на Кавказе коренизация кадров и распространение письменности на местных языках еще только начинались. Тем не менее они осуществлялись в рамках волюнтаристской политики, которая выражалась в том числе в программах позитивной дискриминации, поощрявших прием на работу национальных кадров и получение образования нерусским населением. В тот период, особенно в 1927–1928 годах, были временно введены статистические квоты. На практике, однако, вплоть до начала Великой Отечественной войны эта политика встречала на своем пути большие трудности, связанные, в частности, с сильным сопротивлением со стороны русских. «Великорусский шовинизм» давал о себе знать в Крыму, Бурят-Монгольской АССР, Осетии, причем не только среди русских крестьян и рабочих, но и среди коммунистов[116]. В то время как квоты на трудоустройство должны были, теоретически, защищать казахов, те становились жертвами насилий, носивших расистский характер. В ходе строительства Туркестано-Сибирской железнодорожной магистрали конфликты интересов на рынке труда между русскими и казахами привели к серии погромов, в то время как русское начальство сделало все, чтобы обойти директивы Центра относительно найма казахских рабочих и справедливого отношения к ним[117].

В регионах, в начале 1920-х годов еще пользовавшихся значительной автономией, например в Татарской АССР в 1921 году, на Украине в 1924 году, а также в Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республике (ЗСФСР), местные руководители приняли решения о замене русских (в том числе родившихся на территории этих республик) «националами»[118]. В целом логика того, что со временем получило название «коренизации» или «национализации», подразумевала выдвижение кадров,

способных объясняться с местным населением на понятном ему языке. Ряд большевистских руководителей, говоривших по-русски, но бывших уроженцами нерусских регионов, внезапно сменили национальную идентичность. Как отмечал ЦК белорусской компартии, после переписи 1926 года доля русских резко снизилась, а белорусов — на столько же увеличилась. Это изменение было связано не с изгнанием русских из партии или Белоруссии, а всего лишь с тем, что под влиянием начавшегося процесса пробуждения национального самосознания эти люди назвали себя белорусами в момент переписи[119].

В связи с чрезвычайно низким числом коммунистов на окраинах, особенно в азиатских частях страны, было решено поощрять изучение местными русскими служащими языков и образа жизни туземного населения. В статистическом отчете 1927 года о результатах политики коренизации, охватывавшем членов партии и профсоюзов, служащих местных и центральных административных и судебных учреждений, кооперативов, а также лиц, занятых в сфере производства, образования и печати, отмечались различия между восточными и европейскими регионами. На Украине политика украинизации языковой сферы и кадров, а также развитие национальной культуры увенчались успехом. Изучение не только языка, но и украинской культуры (украиноведение) было частью программы обучения местных советских и партийных работников. На восточной периферии сотрудники центральных аппаратов продолжали говорить по-русски, не утруждая себя изучением местных языков, не говоря уже о знакомстве с национальной культурой[120].

В 1927 году авторы доклада о «национализации Азербайджана» с сожалением отмечали низкую долю «тюрок» (азербайджанцев) в республиканском аппарате, в то время как на местах — в кооперативах, сельсоветах, судебных учреждениях — коренизация продвигалась быстрее. Запаздывание в коренизации объяснялось нехваткой специалистов из числа тюркской интеллигенции, а порой и отсутствием технической терминологии на этом языке.

Что касается промышленности, то здесь азербайджанцы старались увеличить долю местного персонала на железных дорогах и расширить использование тюркского в указателях и билетах. Речь, таким образом, вновь шла о том, чтобы сократить разрыв между крестьянами и современностью, олицетворяемой миром техники, и ускорить этот процесс с помощью железнодорожного транспорта[121].

Эта политика подразумевала сохранение национальных идентичностей и механическое воспроизводство существующего этнического состава страны. В отчетах 1929 года ЦКК ВКП(б) отмечала, например, что в Грузии в партийном и советском аппарате было мало аджарцев, и предлагала ввести квоты, пропорциональные удельному весу народностей[122]. Комиссия указывала также на нехватку грузинских кадров в Южной Осетии[123]. Идея гарантировать каждому народу представительство в руководящих органах проявлялась и на центральном уровне, в Москве, где действовал Совет национальностей, состоявший из депутатов от республик и автономных областей.

Этнография на службе социализма

Этнографы и географы мечтали о такой организации территории, которая позволила бы поставить хозяйственные, этнографические, антропологические особенности народов на службу экономической рационализации. С момента своего создания КИПС призывала изучать быт, который определяет экономические возможности населения и «является бесспорно одним из самых важных фактов для учета ресурсов государства»[124]. Участие этнографов в проекте обустройства территории и тенденция рассматривать человека и его культуру в качестве хозяйственных ресурсов отнюдь не были особенностями советского режима. В колониях европейские страны управляли «туземцами» как экономическими ресурсами[125]. Этнографы и в целом этнография как наука о народах и формах их общественной организации были активными участниками модернизационного проекта.

Будучи связанной с Комиссией по изучению естественных производительных сил (КЕПС) при Академии наук, КИПС участвовала в выработке нового определения человека как «естественного ресурса»[126]. На VIII съезде РКП(б) в марте 1919 года развитие производительных сил было провозглашено самой срочной задачей для научных учреждений[127]. В Госплане изучением человека как рабочей силы, обладающей определенными физическими и техническими характеристиками, занимались географы, антропологи, этнографы и специалисты по евгенике из Москвы и Ленинграда[128]. Движимая стремлением порвать с гуманистической научной традицией, рассматривающей человека главным образом как моральное существо, КИПС приступила в 1927 году к изданию журнала «Человек». Его редакция ставила целью изучение человека на основе новых подходов, намеченных биологией и физической антропологией[129]. Советский режим стремился принести современность во все сферы, вплоть до человеческого тела. В 1929 году несколько республик обратилось к Академии наук с просьбой провести ряд комплексных экспедиций с участием геологов, минералогов, этнографов и специалистов по физической антропологии[130]. Члены КИПС участвовали в «технической утопии» эпохи 1920-х годов и первой пятилетки. Человек являлся тогда предметом объективного, количественного, «механического» изучения; понимание принципов действия человека должно было позволить усовершенствовать его функционирование. В статье «Человек как производительная сила», опубликованной в первом и последнем номере журнала «Человек», В.П. Семенов-Тян-Шанский, сын великого географа, призывал развивать географическое, статистическое, соматическое и этнографическое изучение населения. Исследование народов, контуры которых должна была определить перепись, позволяло анализировать «моральную природу» различных людских групп и оценивать их достижения[131].

Члены КИПС не только занимались научной деятельностью, но и выступали в роли политических советников.

По-прежнему представляя себя в качестве прежде всего специалистов по «отсталым» народам, в духе Л.Я. Штернберга, они предложили ряд мер Наркомату национальностей (при котором, кстати, было организовано этнографическое бюро)[132]. Продолжая либеральную традицию русской интеллигенции начала XX века, этнографы 1920-х годов выступали в защиту изучаемых ими народов. Так, в частности, они направили ряд докладов о тревожном санитарном состоянии «малых народов» Севера. Ученые требовали, чтобы государство вмешалось и спасло эти народности от вымирания[133]. В связи с этим они сдержанно относились к идее автономии «туземцев» и выступали за максимально централизованное управление, призванное гарантировать государственную помощь народам Севера. Этнограф Н.Ф. Яковлев объяснял, что революция дала народам возможность свободно развиваться, но большинство среди них (особенно национальные меньшинства) были еще чрезвычайно слабыми и нуждались в экономической и культурной помощи Центра[134].

После упразднения Наркомнаца в 1924 году этнографы предложили специальные модели управления для «малых народов Севера». Эти народы, не имевшие парламентского представительства на уровне Союза, были переданы в ведение специально созданного Комитета Севера, подчинявшегося Президиуму ВЦИК[135]. Его официальной задачей была защита малых народов Сибири от вымирания, в том числе путем их прямого подчинения Москве[136]. В этом контексте этнографы подготовили «Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР», утвержденное в 1926 году. Предусмотренные им формы управления «туземцами» были весьма близки, с одной стороны, тому, что в 1822 году предлагал для инородцев М.М. Сперанский, а с другой — более недавнему колониальному опыту других стран[137].

Антропология на службе колониальных практик

Контроль центра над периферией, осуществляемый с помощью антропологии, касался не только малых народов. В середине 1920-х годов советский режим приступил к борьбе с «отсталыми» формами общественной организации, противоречившими ценностям нового социалистического общества. Коммунистическое руководство стремилось сформировать новые модели социальных практик. В области права речь шла о борьбе с «бытовыми преступлениями» (1926), или, по определению Уголовного кодекса РСФСР 1928 года, с «преступлениями, составляющими пережитки родового быта». Эта статья была включена в уголовные кодексы союзных республик. Только на Украине и в Белоруссии никогда не использовалась правовая категория подобных «бытовых преступлений»[138].

В СССР характеристики «советского народа» были определены идеологией, и в годы первой пятилетки централизация сопровождалась борьбой с социальными структурами, обычаями и правовыми нормами, противоречившими социалистическому укладу. В рамках антирелигиозной политики мишенью стали муллы, раввины и священники, игравшие – как мы убедились в предыдущих главах – важную роль в обществе. В целом речь шла о том, чтобы изменить традиционный образ жизни и практики (habitus) и способствовать распространению советских форм культуры, вдохновляемых бесспорно европейскими моделями. В Средней Азии эти меры напоминали одновременно колониальную политику европейских стран и авторитарную модернизацию, проводимую Мустафой Кемалем в Турции или Амануллой-ханом в Афганистане. Они сталкивались с сильным сопротивлением населения и способствовали распространению «оборонительного национализма», превращавшего защиту обычаев в дело спасения нации[139].

В мусульманских регионах усилия Центра сосредотачивались, в частности, на борьбе за «освобождение» женщин

и отказ от традиционных норм семейного права. В Средней Азии и Закавказье в 1927 году была начата широкая кампания (худжум) против таких обычаев, как ношение паранджи и изоляция женщин в домах. В Узбекистане, где в ходу был платок, закрывавший все лицо и тело, устраивались большие публичные собрания, во время которых с женщин снимали платки и сжигали их[140]. Заметим, что схожие мероприятия имели место во французских колониях в Северной Африке, в частности в Алжире[141]. В Сибири проводились кампании против бинтования ног у китаянок.

Уже в начале 1920-х годов в союзных республиках были приняты новые семейные кодексы, запретившие многоженство и ранние браки. В связи с отсутствием надежной системы регистрации актов гражданского состояния и в условиях, когда население не знало или скрывало свой реальный возраст, в отделах ЗАГС дежурили врачи, проверявшие возраст женщин, вступавших в брак. Они также выступали в роли консультантов, информируя местные власти, например, о том, что в некоторых районах Кавказа и Закавказья девушки достигают половой зрелости к 13 годам, а в Узбекистане — только к 16[142].

Меры, направленные на реформирование обычаев, сгруппированных под названием «бытовых преступлений», принимали различные формы. В том числе они касались и социальных практик, связанных с насилием. Так, в автономных республиках РСФСР шла борьба с ранними браками, покупкой и уводом невест, кровной местью, поли- и бигамией. Лица, препятствовавшие освобождению женщин (например, мешавшие им ходить в школу или клуб), могли привлекаться к ответственности.

Запреты распространялись также на непотизм — назначение на государственные и партийные должности в соответствии с логикой клановых связей должно было караться. С середины 1920-х годов в рамках одновременно борьбы с «архаическими» общественными структурами и антирелигиозной политики преступлением стало считаться назначение судей, применяющих мусульманское обычное право (адат) вместо советских законов, а также, например, сбор налогов на религиозные цели.

В большинстве случаев эти правонарушения карались достаточно «мягко»: заключением на срок от 6 до 24 месяцев или штрафом[143]. Тем не менее, они свидетельствовали о сохранении в СССР методов правления, чрезвычайно близких к колониальным практикам европейских стран.

Глава 7

В ПОИСКАХ СОВЕТСКИХ НАРОДНОСТЕЙ

В январе 1924 года была ратифицирована Конституция только что созданного Советского Союза, а уже месяц спустя при ЦСУ начала работать комиссия по подготовке всеобщей переписи населения, запланированной решением СНК на декабрь 1926 года[1]. Перепись была призвана продемонстрировать интеграцию советской территории с наконец устоявшимися внешними и пока еще стабильными внутренними границами[2]. Эта операция выглядела настоящим актом вступления в права собственности и своего рода «инвентаризацией» территории и населения, призванной облегчить осуществляемые правительством социально-экономические реформы. Перепись позволяла также оценить успехи, достигнутые за те девять лет, что прошли с начала новой эры[3]. Ее результаты были своеобразными вехами на пути строительства социализма, что было особенно важно в момент подготовки первого пятилетнего плана (1928)[4].

Перепись была проведена в условиях относительной «прозрачности»[5]. В ходе подготовки и проведения переписи ЦСУ широко сотрудничало с руководством республик и автономных областей. Тем не менее в условиях централизации государственного управления, характерной для последних лет НЭПа[6], оно натолкнулось на сопротивление со стороны республиканских руководящих органов. Ссылаясь на то, что ЦСУ лишь временно было наделено статусом общесоюзного наркомата (что делало его решения обязательными для исполнения на всей территории страны), руководители различных республик добивались права использовать свое собственное определение народности и языка и стремились контролировать то, каким образом будет представлено этническое разнообразие их территорий.

Республики были не единственными, кто интересовался этническими данными. Так, КИПС получила задание составить словарь и перечень советских народностей. В словарь должны были войти все этнонимы, которые будут найдены в переписных листах. Этнографы также подготовили более короткий перечень советских народностей. Этнические группы, вошедшие в этот список, получали официальное признание, статус народности и в некоторых случаях наделялись соответствующими правами. Эксперты-этнографы выносили решение о существовании народностей, но составленный ими список подлежал утверждению Советом национальностей после согласования с ЦСУ.

В КИПС поступали многочисленные просьбы о признании тех или иных групп национальным меньшинством или большинством. Делая народности предметом научного изучения, исследователи надеялись погасить политические конфликты, «объективным образом» легитимизируя существование национальностей. Арбитраж со стороны пока еще относительно независимого органа позволил достичь консенсуса в отношении перечня советских народностей.

Входившие в КИПС этнографы Москвы и особенно Ленинграда не всегда, однако, обладали достаточной властью, чтобы избежать критики со стороны республиканских и областных статистических, этнографических и правительственных учреждений. В дискуссиях, связанных с организацией переписи, на фоне незавершенного районирования в полной мере проявились конфликты «репрезентаций» между республиками или народностями, составлявшими национальное меньшинство или большинство. Тем не менее в конце концов со ссылками именно на объективное научное знание почти 200 этнических групп получили официальное признание и были внесены в перечень советских народностей.

Визуализировать СССР

Сплотить советское сообщество

Перепись объединяла и служила конструированию того, что американский социолог Бенедикт Андерсон назвал «воображаемым сообществом», — новой советской нации[7]. Помимо этих образов сплоченной нации большое значение имело индивидуальное участие жителей страны: каждый гражданин должен был ответить на стандартный набор вопросов и продемонстрировать таким образом свою интеграцию в новое общество. В советский период интенсивные кампании, сопровождавшие проведение переписей, строились вокруг образа национального единства. Газеты описывали подвиги и достижения счетчиков, работавших в удаленных районах Крайнего Севера или среди представителей маргинальных слоев общества, например бездомных в больших городах. Вся обширная территория СССР была разделена на переписные участки, при этом во многих областях организаторам переписи приходилось преодолевать огромные расстояния в поисках кочевого населения. В январе 1926 года, в момент проведения переписи, газеты «Правда» и «Известия» ежедневно публиковали статьи, посвященные ходу операции в различных уголках Советского Союза. Республиканские корреспонденты освещали успехи счетчиков на местах, описывали их отношения с местными властями и населением. Журналисты с энтузиазмом сообщали об активности, хорошей подготовленности и зрелости населения по сравнению с переписями 1897 и 1920 годов. Они прославляли самоотверженность счетчиков, действовавших на севере страны. Рассказы об открытии неизвестных ранее сел, экспедициях в степные районы и на север Сибири[8] вносили лепту в создание образа хорошо интегрированной страны, которая состояла из множества пространств, складывавшихся в единое целое благодаря контактам и обмену информацией в ходе переписи.

На местах издавались статьи и пояснительные брошюры на национальных языках. Население узнавало о переписи в том числе из многочисленных плакатов, 120 различных лозунгов и статей. На Украине, например, было опубликовано 1609 статей на эту тему[9]. В школах, партийных ячейках, на предприятиях проходили собрания с докладами и обсуждениями. В кинотеатрах под открытым небом показывался фильм, посвященный переписи. В течение месяца «Правда» ежедневно печатала специальный листок, объяснявший, как отвечать на вопросы переписного листа. Брошюра В.Г. Михайловского «Всесоюзная перепись населения», опубликованная ЦСУ в Москве, была переведена на языки союзных республик. Местные статистические управления публиковали также собственные пояснительные брошюры[10]. В качестве счетчиков (работа которых оплачивалась очень скромно) были мобилизованы члены партии, комсомола и профсоюзов, учителя, студенты, милиционеры, статистики. Тем не менее во многих районах не хватало квалифицированных работников или наблюдался явный численный перевес русского персонала.

Статистика как инструмент централизации

Государственное и партийное руководство в лице ЦК ВКП(б) пристально следило за подготовкой переписи. В.В. Осинский[11], новый глава ЦСУ, присутствовал на заседаниях Политбюро, на которых принимались решения относительно переписи. Призывая к рационализации, то есть производству правильных данных, В.В. Осинский неоднократно критиковал местные статистические отделы за плохую дисциплину и невыполнение указаний сверху. Он обвинял республиканские и областные руководящие органы в отходе от намеченного курса при проведении переписи. Накануне самой операции В.В. Осинский опубликовал в «Правде» длинную статью, в которой он обрушился на Центральное статистическое управление, Гос-

план и областное руководство Северно-Кавказского края, отказывавшиеся выполнять распоряжения ЦСУ. Критике в печати подверглись также Сибирское статистическое управление, представитель Чувашской автономной республики, Башкирское ученое общество и статистическое управление Башкирской АССР[13].

ЦСУ тщательно следило за подготовкой и ходом переписи. Оно требовало от местных органов статистики присылки всех протоколов заседаний переписных комиссий, резолюций, материалов, изданных на национальных языках (переписных листов, инструкций), и статей, появившихся в местной печати. Такой контроль встречал сопротивление и не всегда увенчивался успехом. Так, в декабре 1926 года московские статистики случайно наткнулись на статью одной харьковской газеты, в которой переписной лист был представлен не так, как то предусматривали общие инструкции. За этим немедленно последовали публичный выговор и обращение в украинское статистическое управление с требованием исправить ошибки[14]. Переписные инструкции, публиковавшиеся республиканскими статистическими управлениями, проверялись и при необходимости исправлялись.

14 января 1927 года ЦСУ, имевшее статус «директивного» органа, было наделено правами союзного наркомата. Это изменение вызвало оживленную дискуссию между республиками и ЦСУ. Законность декрета, опубликованного с опозданием, была поставлена под вопрос не только местными статистиками, но и членами Центрального исполнительного комитета (ЦИК). Централизаторская деятельность ЦСУ СССР подверглась острой критике в феврале 1927 года на сессии президиума ЦИК. Против В.В. Осинского, представившего первые результаты переписи, выступили депутаты различных республик. Так, представитель УССР Буценко жаловался на то, что руководство республик и местные статистические управления были отстранены от переписи: они больше не участвовали в разработке данных и не отвечали за статистику. Бу-

ценко напомнил, что прерогатива назначения руководителей местных статистических управлений перешла от республиканского руководства к союзному ЦСУ. При этом он высказал сомнение в том, что действие январского декрета ограничится периодом разработки данных переписи 1926 года[15].

Новые полномочия, полученные ЦСУ СССР, действительно позволяли ему самостоятельно назначать своих представителей и руководителей местных статистических органов. Так, в феврале 1929 года на Украину был отправлен демограф О.А. Квиткин с поручением разобраться в проблемах, возникших при разработке переписи[16]. Он принял решение сменить главу украинского ЦСУ Вольфа[17].

В поисках консенсуса

Организация переписи потребовала широких консультаций с участием республиканских статистических управлений и различных советских учреждений. Так, были организованы совещания статистиков, в частности 4-й съезд статистиков СССР, прошедший в феврале 1926 года и собравший 734 делегата[18]. Участвовавшие в нем специалисты из союзных республик постарались добиться внесения в переписной лист изменений, которые учитывали бы потребности их регионов и пожелания республиканского руководства. Они высказались за то, чтобы организация переписи носила децентрализованный характер, а разработка данных была поручена статистическим отделам 70 городов СССР. Кроме того, было решено, что статистические таблицы могут публиковаться на национальных языках[19].

Оживленные дебаты вызвал вопрос о языке переписных листов. Представитель ЦСУ СССР М.П. Красильников предложил, чтобы листы составлялись в Москве, на русском языке. Это предложение натолкнулось на яростное сопротивление со стороны ряда участников съезда. Так, глава украинского ЦСУ С.М. Мазлах напомнил, что рес-

публики имеют право проводить перепись на том языке, который кажется им наиболее подходящим для этой цели[20]. Ссылаясь на необходимость решить вопрос о языке с учетом одновременно технических и политических соображений, участники съезда решили, что с точки зрения пропаганды будет лучше издавать листы на местах[21], по-русски и на языках республик, а также, если последние сочтут это необходимым, на языках национальных меньшинств. Затем, однако, это решение было пересмотрено, и Грузия, Армения и Украина получили право печатать листы только на своих языках[22]. Центр постарался тем не менее сохранить за собой окончательный контроль над изданием переписных листов, оговорив себе право проверять и при необходимости оспаривать переводы[23].

Переписной лист 1926 года, ставший результатом многочисленных дискуссий и споров с участием представителей республиканских статистических управлений, содержал около двадцати вопросов. Помимо имени, пола, возраста, народности, языка, места рождения, места жительства, семейного положения, уровня образования, физических и духовных недугов бланк включал четыре рубрики, характеризовавшие социально-экономическое положение опрашиваемых. ЦСУ СССР высказало сомнение в целесообразности включения других вопросов; в результате вопросы о вероисповедании и полигамии были исключены[24].

Тем не менее Центр согласился с отклонениями от общей модели в случае территорий, считавшихся периферийными, а порой и способствовал им. Созданный годом ранее Комитет Севера разработал вместе с ЦСУ широкую программу по изучению заполярных районов Сибири. На этой территории программа переписи (осуществляемой силами специалистов-этнографов и статистиков, порой в рамках длительных экспедиций) была расширена. Так, антрополог Б.О. Долгих, проводивший перепись среди самоедов, этнограф Георгиевский, зоолог Наумов и специалист по туземному праву Рейнгольд осуществили экспедицию в Туруханский край, где жителям было предложено около десятка вопросников[25].

С согласия Центральной комиссии областные статистические бюро имели право включать в перепись дополнительные вопросы, при условии, что они брали на себя финансирование дополнительных затрат.

Стремление отразить многообразие

В связи с переписью 1926 года вновь встал унаследованный от царской эпохи вопрос о возможности использовать единый переписной лист для всех групп населения и о различиях, обусловленных колониальным фактором. Отмечая, что в СССР проживало огромное количество народностей, различавшихся по своему культурному уровню, условиям и образу жизни, М.П. Красильников приходил к следующему выводу: «Было бы странным, если бы, положим, Англия задумала проводить одну и ту же программу статистических работ у себя на островах и в колониях. Так же точно и у нас...»[26] Прежнее деление на колонии/метрополию продолжало накладывать отпечаток и на дискурс большевистских лидеров. В речи «О политических задачах Университета народов Востока» Сталин четко различал европейские и азиатские районы СССР и подчеркивал, что партия должна проводить в их отношении совершенно разную политику. Он объяснял, что коммунисты не должны подходить одним и тем же образом ко всем национальным регионам Советского Союза, и клеймил как уклонистскую любую политику, забывавшую об этих различиях[27].

Республиканские статистики использовали сталинскую риторику, чтобы упрекнуть своих московских коллег в игнорировании местной специфики. Статистическое управление Казахской АССР обрушилось на ЦСУ СССР за недостаточный интерес к этой республике и особенностям ее социальной организации, в частности к кочевому населению[28]. Бедные районы страны требовали от ЦСУ финансовой помощи и упрекали его в безразличном отношении и излишней требовательности в том, что каса-

ется эффективности и скорости работы. Созданная в Средней Азии специальная комиссия, занимавшаяся организацией переписи, просила о продлении ее сроков. Проведение переписи было сопряжено здесь с особыми трудностями. Так, работая с населением, на 90% состоящим из «туземцев», русский персонал нуждался в переводчиках[29].

Республиканские статистические управления организовали ряд особых обследований и в конце концов опубликовали их результаты. Так, в таблицах с результатами переписи на Северном Кавказе можно найти подробную информацию о греческом населении, включая данные о его расселении внутри каждого района[30]. Киеву было разрешено провести подробное исследование украинцев на предмет владения грамотой. В Закавказье и Средней Азии был добавлен вопрос о многоязычии. Представители узбекских и туркменских статистиков хотели собрать данные о клановой принадлежности населения[31]. В некоторых районах счетчики действительно помимо национальной принадлежности должны были записывать племя, род, колено и подколено опрашиваемых[32]. Наконец, в Северо-Кавказском крае было разрешено провести углубленное обследование казачьего населения[33].

Конфликты репрезентаций

Правильное отражение национальных меньшинств

В вопросах репрезентации народностей московские статистики вмешивались главным образом под предлогом защиты интересов национальных меньшинств. На общем фоне подозрений и борьбы с украинским национализмом они подвергали жестокой критике проявления регионального национализма. Напомним, что лидер украинской компартии Александр Шумский в 1926–1927 годах стал мишенью яростной общественной кампании, заклеймившей его за теоретизацию и поощрение слишком широкой украинизации[34].

В пояснительной брошюре к переписи киевский статистик М.П. Ходос признавал, что «именно в наше время украинизации, грузинизации, татаризации и т.д.» существует опасность искажения национальности[35]. В ходе дискуссий представитель национальных меньшинств Островский подверг критике тенденцию к недооценке численности небольших народностей и заявил, что перепись должна служить их интересам[36].

ЦСУ СССР стремилось гарантировать правильное отображение этнического многообразия и предотвратить, в частности, нарушения со стороны счетчиков-«националистов», склонных манипулировать статистическими данными. ЦСУ узнало, например, о том, что Башкирское ученое общество предложило новую формулировку вопроса о языке для Бирского, Уфимского, Белебеевского районов. Общество рекомендовало счетчикам указывать в переписном листе «коренной» язык, то есть башкирский, «не придавая значения наличию в нем татарского влияния»[37]. Коренным языком населения мог быть только башкирский, так как, согласно националистической логике, эти территории были колыбелью башкирского народа[38].

После того как в некоторых районах была выявлена ошибочная и пристрастная регистрация народности в пользу башкир, туда был направлен московский демограф Квиткин, который провел расследование и отдал распоряжение о проведении повторной переписи[39]. Тем не менее вскоре после того ЦСУ СССР вновь вступило в конфликт со статистическим управлением и Президиумом ЦИК Башкирской АССР.

Случай с Башкирией свидетельствует о том политическом значении, которое приобретала регистрация народностей в эпоху еще не завершенного районирования[40]. На территории Башкирской АССР сами башкиры не составляли большинства, что объясняет особое внимание к статистике со стороны властей. В надежде добиться пересмотра границ башкирское руководство удерживало имевшиеся в его распоряжении переписные листы соседней

Оренбургской губернии. В мае 1927 года оно отказалось отдать переписные листы по двум волостям, которые, согласно последним утвержденным решениям о границах между волостями, были отнесены к Оренбургской губернии. Президиум ЦИК Башкирской АССР настаивал на своем и отдал приказ статистикам не отдавать листов до пересмотра границ. ЦСУ СССР попросило вмешаться Президиум ВЦИК (то есть правительство РСФСР), а затем обратилось за поддержкой к Наркомату юстиции[41].

В Узбекистане московские статистики подвергли критике переоценку численности узбеков в ряде стратегических районов. Так, в Самарканде число таджиков снизилось с 76 000 в 1925 году (согласно городской статистике) до 10 000 человек через год. Это заставило партию провести проверку политики узбекизации. Члены Среднеазиатского бюро ВКП(б) объясняли «исчезновение» таджиков изменением их самоидентификации под влиянием узбекской культуры. В 1929 году в своем докладе первый секретарь узбекской компартии А.И. Икрамов отмечал, что даже таджики, являющиеся членами партии, боятся говорить о своем происхождении и называют себя узбеками[42].

Приводя в качестве примера Украину и Белоруссию в 1920 году, сотрудники ЦСУ СССР критиковали тенденцию к занижению численности национальных меньшинств[43] и влияние счетчиков на распределение респондентов по национальным группам[44]. Отмечая случаи внезапного необъяснимого изменения национальной идентификации населения отдельных районов, а также расхождения в данных о языке и национальности, они приходили к выводу о влиянии счетчиков и организаторов переписи на «этнографические массы», в данном случае жителей окраинных районов Украины, Белоруссии и России, плохо знавших свою «настоящую» идентичность. Таким образом, они возвращались к терминологии и идеям статистиков второй половины XIX века, стремившихся «объективным образом» установить точную, четкую национальную принадлежность изучаемого населения. Местные смешанные идентичности, характерные для террито-

рий с нечеткими этническими и языковыми границами, должны были исчезнуть из статистических репрезентаций. Кроме того, статистики были склонны скрывать следы политических драм, которые объясняли, к примеру, почему в 1920 году на Кубани (РСФСР) из 2 млн украинцев, зарегистрированных в 1897 году, осталось только 500 тыс. Причины реальных демографических потерь, коснувшихся некоторых народов (в частности, украинских казаков на Кубани), и смены идентификации индивидами, предпочитавшими называть себя русскими, следует искать в убийствах, насилиях и политических репрессиях, обрушившихся на Дон в годы Гражданской войны.

В 1920-е годы случаи массовой смены национальной идентификации не раз имели место там, где продвижение национальных категорий началось лишь недавно и было сильно политизировано. Помимо желания национальных руководителей сделать так, чтобы данные переписи о национальном составе отвечали интересам их текущей политики – с точки зрения как репрезентации вверенной им территории в качестве однородной национальной единицы, так и возможного пересмотра границ, – следует отметить и стремление самих опрашиваемых отразить свою меняющуюся национальную идентичность. Так, в Житомирской губернии под влиянием слухов о том, что с территории польских сельсоветов будут выселены украинцы, последние стали скрывать свою настоящую национальную принадлежность и при встрече со счетчиками называли себя поляками[45]. Точно так же в Туркменистане курды, движимые страхом потерять землю, называли себя туркменами[46]. Представитель закавказского статистического управления объяснял, что многие мегрелы по своей воле зарегистрировались грузинами. Когда счетчики говорили им: «Вы мегрел», – те отрицали это и просили записать их грузинами[47]. О «манипулировании» индивидами своей национальной принадлежностью говорилось во многих отчетах, связанных с переписью.

Подобные явления «пересмотра» самоидентичности носили чрезвычайно сложный характер. *Апостериори*

сложно сказать, была ли быстрая эволюция национального самосознания вызвана прямым политическим давлением. В целом статистики и этнографы неохотно учитывали идентитарный аспект этих изменений, которые свидетельствовали о возникновении новых национальных самосознаний, связанных, например, с созданием национальных республик. Вместо того чтобы клеймить их как «ошибочные» или «плохие» национальные идентификации, они могли бы видеть в них проявление стремления жить на определенной территории или в составе определенного сообщества. Но для ученых 1920-х годов национальность была еще объективной характеристикой, определяемой этническим происхождением индивидов.

Борьба Грузии за создание образа «национального единства»

Грузинское руководство категорически выступило против включения в результаты переписи картвельских народностей (мегрелов, лазов, аджарцев, сванов и др.). Местные ученые, руководство Грузинской ССР и ЗСФСР вступили в конфликт с московскими статистиками и этнографами и поставили под сомнение их авторитет. В результате обширной переписки и бурных дебатов Грузии удалось лишь отчасти отстоять свою точку зрения, добившись того, чтобы при публикации результатов переписи в состав грузинского народа были включены — но только в сноске — «картвельские племена».

Аргументом для включения мегрелов, лазов, аджарцев и сванов в перечень народностей служило то, что они представляли собой четкие этнические группы с сильно выраженными национальными особенностями[48]. Свою роль сыграл и факт существования Аджарской АССР в составе Грузинской ССР.

Остро стоял и вопрос признания мегрелов в качестве отдельного народа. Грузинский Совет народных комиссаров придавал ему политическое значение. Местные стати-

стики отвергали точку зрения, согласно которой мегрелы обладали сильным национальным самосознанием. Они отмечали, что в ходе переписи многие мегрелы записывались грузинами[49].

Мегрельский вопрос возник в момент революции, причем тогда меньшевистское правительство Грузии отказалось признать особый характер этой этнической группы[50]. Затем в 1925 году он вновь выдвинулся на передний план, когда, несмотря на то что статус мегрельского языка как самостоятельного получал все большее теоретическое обоснование (в частности, в работах языковеда Н. Марра) ЦК грузинской компартии постановил считать мегрельский диалектом грузинского. В конце концов под влиянием общесоюзной политики защиты национальных меньшинств в декабре 1926 года ЦК Грузинской ССР принял решение разрешить публикации на мегрельском и ввести начальное обучение на этом языке. Центральное руководство, в частности в лице Центральной контрольной комиссии ВКП(б), не оставило этот вопрос без внимания. Убедившись в том, что мегрелы не понимают грузинского, в 1929 году она рекомендовала способствовать развитию их национального языка и создать автономные административно-территориальные единицы[51].

В ходе совещаний, посвященных разработке перечня национальностей, а также в переписке с ЦИК, грузинские специалисты упрекали Академию наук в использовании методов разделения языков и народов, применявшихся царскими «реакционными миссионерами» во времена русификации, и в стремлении «искусственно расчленить» грузинский народ[52]. По мнению грузинского руководства, вопрос о перечне народностей носил не только научный, но и ярко выраженный политический характер. Оно сообщало, что незадолго до того группа мегрелов, находившаяся под влиянием «бывших правящих князей Мегрелии», вынашивала план отделения Мегрелии от Грузии. Крестьяне и все трудящиеся будто бы осуждали подобные сепаратистские взгляды, характерные для «реакционного течения». По мнению грузинского руководства, существо-

вала, однако, опасность того, что признание за мегрелами статуса народности, «не имеющей ничего общего с грузинами», воскресит вопрос о независимости Мегрелии и послужит интересам «враждебно настроенных» группировок[53]. Отождествляя всех мегрелов как целое с реакционной группировкой, а идею мегрельской народности – с сепаратистской идеологией, руководители Грузинской ССР предлагали исключить их из перечня советских народностей или по крайней мере подчеркнуть, что они являются подгруппой в составе грузинского народа. При этом они признавали возможность изучения мегрелов с научными целями и предлагали следующую формулировку: «грузины (в том числе аджарцы, мегрелы, сваны, лазы)».

Грузинские представители критиковали разработанный Академией наук перечень народностей за научные недостатки: «в перечне при подразделении народностей нет места смешению этнографического, географического, антропологического, лингвистического и религиозного моментов, что абсолютно недопустимо с научной точки зрения»[54]. «Таким образом, для определения народностей в Грузии, Академия наук в одном случае берет религиозный момент (аджарцы), в других случаях признаки наречия и географии (мингрельцы, сваны, чани) и т.д.»[55]. Таким образом, Грузия в очередной раз упрекала Академию наук в том, что использование большого количества произвольно отобранных критериев приводит к появлению различий между отдельными группами грзуинского народа. В СНК ГССР с помощью ученых был разработан собственный список народностей[56].

Отказ считать советские республики основой для национальной идентификации

Стремление правильно отразить существование национальных меньшинств дополнялось другой, эксплицитной целью: не допустить, чтобы опрашиваемые спутали свою национальность с принадлежностью к той или иной

республике. Страх статистиков перед возможным проявлением национальных чувств, не сводимых к чисто этнической самоидентификации, проявился, в частности, в постоянных напоминаниях о том, что вопрос о народности не имеет отношения к факту проживания на территории одной из советских республик. В.Г. Михайловский отмечал, что многие из живущих на Украине лиц иного происхождения часто называют себя — по факту проживания — украинцами, надеясь получить таким образом доступ к политическим привилегиям[57].

Историку нелегко охарактеризовать такую самоидентификацию по республике. Понятие гражданства отсылает к опыту независимости и существованию в союзных республиках проекта государственности, в 1920-е годы еще не потерявшего свое значения. В 1926 году статистики охотно признавали, что опрашиваемые могут быть склонны отвечать на вопрос о национальной принадлежности, как если бы речь шла о гражданстве одной из республик. Утверждая, что понятие украинского гражданства не имеет смысла (так как человек либо является украинцем по своему происхождению, либо им не является), они превратили его в своего рода административную категорию, сводившуюся к факту проживания на территории УССР. Г.В. Михайловский подчеркивал, что проживание в той или иной республике не совпадает с происхождением, определяющим, на его взгляд, национальность индивида[58]. Представитель национальных меньшинств Островский также утверждал, что национальность не следует определять по территориальной принадлежности[59]. Помимо политических причин, связанных с централизмом или своего рода советским (или имперским) патриотизмом, характерным для московских статистиков, определение территорий на основе этничности, то есть понимания национальности как прежде всего этнического происхождения, способствовало строительству Советского Союза в качестве пространства, населенного скорее народностями, чем нациями.

Вступая в споры с московскими статистиками, представители республик, прежде всего Украины, Белоруссии, Грузии, требовали отразить национальное единство их народов. Руководство УССР предложило изучать украинцев, проживающих не только на территории республики, но и по всему Советскому Союзу. В результате переписи выяснилось, что вне Украины проживало 5 млн украинцев, причем 1,5 млн населяло пограничные с УССР районы. Эти выводы послужили аргументом в политическом споре: речь шла о просьбе пересмотреть границы и дать право «присматривать» за украинцами, живущими в других районах СССР[60].

Белорусская и Украинская ССР отказывались использовать в переписном листе термин «народность», имевший более этническое звучание, чем «национальность». Кроме того, он имел «русоцентрические» коннотации, так как в недавнем прошлом имперская идеология рассматривала русских, украинцев и белорусов как единую русскую «народность». Именно поэтому в переписных листах, напечатанных украинскими и белорусскими статистиками, использовался термин «национальность», восходивший к слову «нация».

На заседании Президиума ЦИК, посвященном обсуждению первых результатов переписи, В.В. Осинский твердо выступил против чувашского депутата Шевле, подвергшего критике используемые ЦСУ определения языка и народности. В статье, опубликованной в «Правде» перед началом переписи, Шевле выступал против использования выражения «племенной состав» по поводу этнического состава СССР. По его мнению, этот термин, восходивший к слову «племя», имел более широкое значение, чем «народность», и его использование в переписи вело к недооценке присутствия малых народов. Чувашский депутат предложил свой вариант этнической терминологии, объяснив, что «раса делится на племена, племя на ветви, ветвь на народы». Осинский ответил ему на страницах «Правды», заявив, что все статистики придерживаются одного и того же определения, согласно которому племя

представляет собой «небольшую этнографическую группу, более примитивную по своему историческому происхождению и составляющую возможную часть какой-либо народности»[61].

Эти споры свидетельствуют о трудностях, связанных с использованием в 1920-е годы еще не до конца сложившейся и устоявшейся терминологии. Чувашский депутат понимал этничность, как если бы она состояла из четко определенных групп, в идеале классифицированных по степени интеграции (от расы к народности). Статистики разделяли подобное эволюционистское видение, согласно которому история шла по пути постепенного включения более «примитивных» единиц в состав более крупных групп.

Шевле обрушился также на «русификаторские тенденции» в ЦСУ СССР, которое, готовя перепись, определяло «родной язык» как тот, которым человек владеет лучше всего, а не как язык его родителей. Это новое определение было предметом дискуссий, участники которых пришли к выводу о необходимости в первую очередь оценить текущую языковую ситуацию на территории СССР, в то время как информация об этнической принадлежности может быть получена благодаря вопросу о национальности.

Описать этничность

Поощряя этническую концепцию национальности

Дискуссии сосредоточились, в частности, на смысле термина «национальность=народность» в том виде, в котором он фигурировал в переписи. В 1924 году в связи с предстоящей переписью Совет национальностей попросил КИПС найти рациональный критерий для выработки подобного определения[62]. На многочисленных совещаниях столичных и региональных статистиков с участием этнографов Москвы и Ленинграда это понятие вновь стало объектом споров, за которыми скрывалось противоре-

чие между пониманием национальности, с одной стороны, как объективной характеристики, а с другой – как результата самоидентификации.

Политбюро высказалось за то, чтобы вопрос национальности рассматривался с помощью трех понятий: племени, народности и национальности[63]. Таким образом, оно воспользовалось схемой эволюции форм человеческих объединений, которой придерживались этнографы, прежде всего такие последователи Моргана, как Л.Я. Штернберг. Речь шла о том, чтобы в ходе переписи разделить население Советского Союза на этнографические группы и выстроить иерархию последних, используя в качестве критерия стадию их политического и экономического развития.

В 1926 году, однако, было решено задавать только один вопрос – о «народности». Построение иерархии советских народов согласно схеме исторического развития – от племени к нации – оставалось еще на стадии проекта.

Статистики решили использовать термин «народность», который при публикации результатов переписи был переведен на французский как «этническая группа» («groupe ethnique»)[64]. Перепись 1926 года ставила, таким образом, в центр внимания этническую принадлежность, определение которой еще только предстояло выработать.

Составлению переписного листа предшествовали долгие, нередко противоречивые дебаты. *Народность* определялась как национальность, к которой причислял себя респондент; сбор этих данных должен был позволить определить «племенной (этнографический) состав» населения страны. В отличие от 1920 года, когда *национальность* рассматривалась как чувство принадлежности к национальному сообществу, в 1926 году статистики оказались неспособны предложить определение для термина *народность*. Они постарались описать скорее то, чем *народность* не являлась. Осознавая риск того, что последняя будет спутана с религиозной принадлежностью, организаторы переписи дали распоряжение счетчикам не принимать в качестве ответа вероисповедание[65]. Кроме того,

как уже говорилось раньше, народность не следовало путать ни с гражданством той или иной республики, ни с фактом проживания в том или ином месте. Счетчики должны были также настаивать на том, чтобы опрашиваемые четко определяли себя как русских, белорусов или украинцев.

Чтобы восстановить происхождение индивидов, этнограф В.В. Богданов предлагал спрашивать у тех, кто затруднялся назвать свою народность, кем были их предки. Представитель национальных меньшинств советовал определять народность, исходя из «происхождения» респондентов. В одном из первых вариантов инструкций по поводу четвертого вопроса говорилось: «К какой народности по происхождению причисляет себя опрашиваемый»[66].

В окончательном варианте инструкций вместо упоминания «происхождения» звучало напоминание о том, что целью переписи было «определить племенной (или этнографический) состав населения». Статистики затруднялись с точностью назвать то, что они собирались регистрировать. Какая точно эпоха имелась в виду, когда В.Г. Михайловский говорил: «...мы хотим происхождение, и конец, так как археологическими изысканиями в обстановке переписи заниматься никто не будет»[67]. О каком времени шла речь: о настоящем, в котором стирались следы прошлого, особенно связанного с русификацией, или настоящем, ориентирующимся на будущее советских народов? Московский этнограф А.Н. Максимов объяснял, что, если задавать вопрос о происхождении, будет получена карта не СССР 1920-х годов, а того, что было на этой территории тысячу лет назад[68].

Национальность понималась как этнографическая характеристика, помогающая восстановить происхождение, следуя логике «генетики» населения. Так, в случае невозможности определить народность опрашиваемого предлагалось регистрировать народность его матери. В инструкциях уточнялось, что народность глухонемых и детей, родившихся в смешанных браках, также определяется по матери.

Такой подход был проблематичным для тех регионов, где социальная трансмиссия осуществлялась по отцу. Представитель национальных меньшинств подчеркнул, что в Средней Азии национальность определяется по отцу ребенка и тот может выступить против регистрации национальности по матери[69]. В Дагестане статистический отдел предупредил, что данные о народности могут оказаться неправильными, так как национальность детей записывалась по отцу[70]. В Туркменистане было решено регистрировать детей по народности обоих родителей[71].

В конце концов на всей территории Советского Союза счетчикам были переданы дополнительные инструкции, согласно которым лица, утратившие связь с народностью своих предков, имели право назвать своей ту народность, к которой они себя причисляли в настоящий момент[72].

Эти дискуссии свидетельствовали о существовании в молодом Советском Союзе различных определений этничности. Нередко понимаемая организаторами переписи как указание на происхождение, она тем не менее получила новое определение, в большей степени связанное с концепцией идентичности и опирающееся на самоотождествление индивида с той или иной национальностью по своему выбору.

В ходе переписи статистики и этнографы с особым вниманием подходили к сложным процессам этнического «переустройства», ставшим результатом революции и советской национальной политики.

Историческая эволюция

Наряду с сочинениями В.И. Ленина и И.В. Сталина, посвященными национальному вопросу, в дебатах, сопровождавших в 1926 году выработку формулировки для вопроса о народности, большую роль играла эволюционистская концепция, согласно которой развитие человечества ведет к постепенному исчезновению малых народов и их интеграции в более крупные сообщества. В своей главной

статье на эту тему, «Марксизм и национальный вопрос»[73], Сталин подчеркивал связь национальных форм с определенным историческим моментом: «При этом само собой понятно, что нация, как и всякое историческое явление, подлежит закону изменения, имеет свою историю, начало и конец». Ниже он отмечал, что «нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи подымающегося капитализма». Со временем приход социализма на смену капитализму должен привести к слиянию всех национальных сообществ. Перспектива построения общества, не знающего не только классов, но и национальностей, национализма и национального самосознания, присутствовала и в работах статистиков.

В.М. Ермолаев, автор книги «Демографическая перепись» (1924), предусматривал, что люди, неспособные назвать свою национальность, будут зарегистрированы как стоящие вне народностей. По его словам, «перепись дает нам возможность выявить более или менее многочисленную массу людей, у которых еще дремлет чувство национальности[74]». По мнению украинского статистика М.П. Ходоса, автора работы «К вопросу о программе переписей населения в 1926 г.», полностью двуязычных респондентов следовало относить к категории «вне народностей». В конце концов идея, согласно которой можно не иметь национальности, была отвергнута, в том числе под влиянием позиций советского руководства, выступавшего против идеи строительства в СССР вненационального общества. В 1920-е годы Сталин считал, что различия между народами сотрутся лишь в далеком будущем, а до тех пор следует защищать различные народности.

Что касается проблемы идентификации, то здесь существовало различие между жителями городов и сельским населением. Если для первых, имевших запутанное происхождение, национальная принадлежность была прежде всего вопросом личной идентификации, самосознания, то для вторых национальность была более устойчивой характеристикой, гарантировать верность которой мог-

ли эксперты. По мнению специалиста по статистике Фолкнер Смит, классификация горожан по этническому признаку не имела особого смысла из-за большого количества смешанных браков[75]. В.Г. Михайловский соглашался с этой точкой зрения, подтверждая, что для организаторов переписи вопрос о национальности имеет значение для сельского населения, где этот критерий играет огромную роль[76].

Высказывая сомнение в способности сельского населения правильно определить свою народность, московский этнограф А.Н. Максимов брал в качестве примера жителей Ливенской волости Смоленской губернии, называвших себя украинцами. Он отказывался регистрировать их в качестве таковых, так как, на его взгляд, эти лица ничем не отличались от своих соседей и, следовательно, тоже были русскими. По поводу горожан Максимов признавал, что во многих случаях только сам индивид, руководствуясь субъективными ощущениями, может отнести себя к той или иной народности, в отсутствие по-настоящему объективных признаков национальной принадлежности. Он отмечал, что в городах значение национальности неустойчиво и может меняться с течением времени[77].

Особое внимание уделялось явлению аккультурации, изучение которого должно было позволить прогнозировать грядущую эволюцию народов и возможные процессы изменения идентичности. Организаторы переписи признавали, что ответы о народности и родном языке могут не совпадать. Данные о языке должны были позволить в первую очередь выявить прошлые и грядущие изменения в этническом и национальном составе населения. В.Г. Михайловский вновь подчеркивал необходимость знать не только, кто говорит по-якутски, но и сколько якутов говорят по-тунгусски, чтобы таким образом узнать, сколько лиц тунгусской народности говорят по-русски и по-якутски. Перепись должна была позволить описать распространение языков по сравнению с изначальным этнографическим распределением населения. Публикуя результаты переписи, Т.И. Семенов объяснял,

что смысл сравнения цифр по народностям и языкам заключается в том, чтобы определить закономерности в отношениях между народами. Он отмечал, что заимствования языка чаще наблюдаются в случае близких племенных групп (например, между славянским народами), и подчеркивал, что утрата языка связана с размыванием одной племенной группы внутри другой в районах с более высоким уровнем культурного и экономического развития[78].

И Центр, и республики проявляли большой интерес к изучению стирания национальной специфики и, наоборот, «устойчивости» различных народностей. Симптомом «денационализации» считалась утрата родного языка. Так, одна из первых таблиц, представлявших результаты переписи, содержала данные о поле, народности и языке населения по губерниям, областям и республикам. При этом языки были представлены согласно их статусу: язык народности респондента, язык данной республики или автономной области, русский язык, один из местных языков, другие языки[79]. В национальных республиках, где данные об образовании изучались более подробно, опрашиваемые должны были указать, на каком языке они учились: языке своей народности, республики (автономной области) или русском[80].

Перечень народностей СССР

Разнообразие критериев, служащих для определения народности (происхождение, самосознание, язык, образ жизни и др.), вновь проявилось в момент составления перечня советских народностей. Сопоставляя эти критерии, этнографы в конце концов выработали список из 196 народов.

Статистики постоянно колебались между, с одной стороны, опасением, что ответы на вопрос о народности будут носить слишком общий, формальный характер, а с другой – риском получить бесчисленное множество не поддающихся классификации идентификаций, отражаю-

щих деление крупных сообществ на мелкие местные или родовые группы. Статистик Т.И. Семенов считал необходимым наметить четкие границы[81]. С этой целью еще до проведения переписи был составлен окончательный перечень народностей, который затем должен был послужить для классификации многочисленных, найденных в переписных листах терминов, связанных с этнической принадлежностью (всего около 600 названий[82]). Термины, соответствующие национальному или этническому названию, следовало отличать от синонимов основного названия, названия места или народа, который ученые не считали самостоятельной народностью[83].

КИПС сыграла решающую роль в разработке словаря и перечня народностей; ей также было поручено составление словаря и перечня языков. Такой словарь позволял осуществить переход от терминов, используемых опрашиваемыми, к 196 народностям, вошедшим в окончательный перечень.

Внесение в перечень гарантировало и легитимизировало существование этнической группы. Неудивительно поэтому, что политические и научные дискуссии, сопровождавшие разработку перечня, нередко носили бурный характер. Как уже упоминалось выше, руководство Грузии и Башкирии, например, атаковало Академию наук. КИПС получала многочисленные письма от местных органов власти и научных учреждений, добивавшихся внесения в перечень таких народов, как латгальцы или албанцы[84]. Уже после составления перечень стал предметом нового обсуждения в январе 1927 года, на заседании с участием статистиков из Москвы и республик, а также специалистов-этнографов[85].

КИПС и ЦСУ уже пытались раньше разработать списки советских народностей. Во время переписи эти перечни были объединены, прокомментированы и исправлены с помощью этнографов и статистиков. А главное — перечень был передан на утверждение республиканским властям и Совету национальностей СССР, что свидетельствовало о его официальном характере.

На первом этапе в обсуждении участвовали ученые. Затем вопрос был передан на изучение в комиссии КИПС, организованные по географическому принципу (кавказская секция во главе с Н. Марром, европейская под руководством А. Золотарева, сибирская – Л. Штернберга, туркестанская – В. Бартольда)[86]. В некоторых случаях было запрошено мнение статистических органов. Московские этнографы А.Н. Максимов и В.В. Богданов изучили проект перечня. На протяжении всего этого времени в КИПС поступали письма от этнографов и географов, специализирующихся на отдельных регионах, с просьбой внести в список ту или иную народность. Наконец, руководство некоторых республик и автономных областей использовало собственный научный аппарат для разработки и проверки списков национальностей. Именно они вступили в конфликт с КИПС и ЦСУ СССР и обратились за посредничеством к Совету национальностей.

Компромиссы, достигнутые в ходе переговоров, носили политический характер и свидетельствовали о заметном влиянии местных властей. Так, первый вариант перечня, предложенный КИПС Центральному статистическому управлению, включал 155 народностей. В декабре 1926 года он был передан на утверждение в Президиум Совета национальностей, но в январе 1927 года перечень вновь подвергся обсуждению с участием представителей автономных республик. В конце концов, как сообщал в ЦСУ представитель КИПС С.И. Руденко, «В связи с пожеланиями, сообщенными КИПС Президиумом Совета Национальностей при ВЦИК и высказанными на особом заседании ЦСУ», перечень был пополнен «мелкими народностями». Теперь список включал 190 народностей. Другие (числом до 400) вошли в список синонимичных, частичных, родовых и географических названий основных народностей[87]. В результатах переписи к этим 35 малым народам добавилась группа из шести терминов[88], квалифицированных как «неточные», или, вернее, «неплеменные» названия[89]. С возникновением Советского Союза и превращением права на самоопределение в по-

литическое право проблема этнонимов приобрела особое значение. Стигматизация царской колониальной политики привела к попыткам «дерусифицировать» некоторые этнонимы. В 1920-е годы этнографы и политические деятели стремились найти эндогенные названия. Эта проблема касалась, в частности, казахов, за которыми в конце концов был признан этот этноним (с созданием в 1925 году Казахской АССР, а в 1936 году — Казахской ССР). Учитывая, что в русском языке они традиционно именовались киргизами (киргиз-кайсаками), и казахское, и киргизское руководство настаивало на необходимости четко различать два этнонима и соответствующие народы[90]. Заметим, что право на самоназвание не всегда было легко реализовать. Так, политическое руководство Азербайджана настаивало на использовании в отношении жителей республики термина «тюрки». Чтобы отличить их от других тюркских народов, проживавших на территории СССР, было решено называть их «тюрками азербайджанскими»[91]. В конце концов, однако, они вошли в перечень ЦСУ СССР как «тюрки»[92].

Ряд самоназваний, фигурировавших в переписных листах, не устраивал составителей перечня. Речь шла об устаревших этнонимах, пришедших из классификаций, которые, как считалось теперь, не были «этнографическими». Стремление стереть следы царского прошлого проявилось, в частности, в отказе от использования таких понятий, как «инородцы» и «туземцы», или от противопоставления европейцев азиатам[93]. Любое свидетельство сохранения различий, унаследованных от колониального прошлого, подлежало немедленному уничтожению. Так, когда оказалось, что жители Агинского округа в Сибири записали себя «инородцами», поступил приказ провести перепись повторно[94]. Не меньшее внимание уделялось терминам, используемым счетчиками. В некоторых районах они должны были избегать слов «великорусский», «инородец», «туземец», считавшихся пережитками прошлого[95].

В Дагестане многие опрашиваемые в рубрике народность указали «тавлинцы». Местное статистическое уп-

равление рассматривало это название как русское прозвище[96]. ЦСУ СССР перевело его как «горцы», общее название для всех жителей Кавказа, имевшее пренебрежительный оттенок. Как бы то ни было, вместо того чтобы использовать серию мелких этнонимов, опрашиваемые называли себя «тавлинцами»[97]. При публикации результатов переписи это название было помещено в конец перечня, в раздел «народность не указана или указана неточно».

В перечне советских народностей, таким образом, не было места для определений, которые отсылали к социальным реалиям, считавшимся полностью или почти исчезнувшими.

Стереть следы прошлого

Примером политического стремления порвать с унаследованными от прошлого религиозными различиями – прежде всего, в рамках борьбы с религиозными идентичностями – служит история этнонима «кряшены» (от «крещеный»). Вначале организаторы переписи решили отказаться от его использования, а лиц, называющих себя кряшенами, – отнести к башкирам или татарам. Термин «кряшены» употреблялся в отношении жителей поволжских сел, принявших православие и постепенно обособившихся от окружающего мусульманского населения. В момент революции представители кряшенской интеллигенции попытались добиться для своей группы, насчитывавшей около 100 тыс. человек, статуса самостоятельного народа. Тот факт, что кряшены и их соседи использовали разный алфавит (кириллицу и арабский), способствовал распространению кряшенской печати; также была создана техническая школа для кряшен. Тем не менее в 1923 году под нажимом Центра и кряшенских коммунистов было решено, что кряшены не являются отдельным народом и должны влиться в татарскую народность[98]. В инструкциях к переписи, составленных татарским статистическим управлением, рекомендовалось осторожно под-

ходить к самоназванию «кряшены», всякий раз уточняя, идет ли речь о кряшенах-татарах, кряшенах-башкирах или кряшенах-мордве[99]. Несмотря на то что кряшены не входили в перечень народностей, большое количество переписных листов с их упоминанием привело к тому, что они были зарегистрированы. Это решение объяснялось также интересом к этой группе населения со стороны татарского руководства и соответствующей просьбой, адресованной в статистическое управление их представителем этой группы[100].

Авторы перечня 1926 года были убеждены в необходимости различать евреев и караимов. Они объясняли это различиями в религии, этническом происхождении, а также тем, что в конце XIX века царское правительство предоставило караимам ряд привилегий. В первое время их относили к тюркской группе (в том виде, в котором она была представлена в таблице народностей, построенной по языковому признаку). Затем этнографы А.Н. Максимов и В.В. Богданов предложили, чтобы караимов в силу их «расового происхождения» включили в число семитских народов[101].

Одновременно эти этнографы выступили против включения в перечень народностей езидов курдского происхождения, ссылаясь на то, что они являются не народностью, а конфессиональной группой («курдской сектой»)[102]. Кавказское отделение КИПС, напротив, предлагало считать езидов отдельным народом, ссылаясь на отличие их языка от курдского, а также на развитое национальное самосознание и особенности быта и нравов, сближавшие их с армянами[103]. В конце концов езиды вошли в перечень и словарь народностей Армении в качестве отдельной народности, отличной от курдов[104]. Что касается меннонитов, членов протестантской секты, говоривших на диалекте, близком к нидерландскому языку XVII века, то они были отнесены к немцам[105].

Местные администраторы проявляли большой интерес к изучению конфессиональных и сословных групп, с которыми большевики боролись, видя в них пережитки

прошлого и наследие былых привилегий, а порой и подозревая их в контрреволюционных настроениях. «Живучесть» их культур ставила, однако, ряд проблем перед местными властями. Так, в связи с переписью 1926 года разгорелся спор о казаках. Во время Гражданской войны казачество, участвовавшее в борьбе с большевиками, стало первой жертвой советских карательных мероприятий и депортаций. Вначале они были лишены права называться казаками и в целом статуса отдельной общности[106]. Затем, однако, они были частично реабилитированы: в апреле 1925 года решением ЦК ВКП(б) казачеству были предоставлены права национального меньшинства, включая возможность создавать национальные сельсоветы. В связи с продолжающимися конфликтами между казаками и автохтонным населением Кавказа и Средней Азии было решено организовать казачьи национальные районы с автономной администрацией[107].

В момент переписи 1926 года Северо-Кавказское краевое статистическое управление сообщило о намерении провести этнографическое и демографическое обследование казаков. Такого рода исследования были необходимы в том числе для надзора за группами, казавшимися режиму подозрительными. Речь шла о том, чтобы исследовать соматические и социологические особенности, обусловленные образом жизни казачества. Как объясняли демографы Северо-Кавказского краевого статистического управления, морфология казачества сформировалась под влиянием ряда специфических факторов: долгой воинской службы, продолжительных периодов разлуки с семьей, активного участия в войнах и социально-экономических привилегий. Действие этих факторов, разумеется, прекратилось с революцией, но проблема заключалась в том, чтобы определить, кто является казаком, а кто нет; сделать это следовало не только на основе самоидентификации респондентов, но и путем проверки *апостериори* факта их принадлежности к казачеству, прибегая с этой целью к свидетельствам других членов семьи[108]. Районирование и создание казацких национальных территорий

также требовали специальных исследований. Это обследование не должно было, однако, заменить фигурировавшего в переписи вопроса о народности, так как каждый казак являлся одновременно представителем определенной народности (украинской, русской и пр.).

Исполком Северо-Кавказского края обратился к Президиумам ВЦИК и ЦИК за разрешением регистрировать принадлежность к казачеству[109]. В то время как первый орган отклонил эту просьбу решением от 13 декабря 1926 года, то второй дал свое согласие четыре дня спустя. Дополнительное обследование было осуществлено за счет местного бюджета; при этом казачество не было включено в перечень народностей СССР, а результаты изучения казаков и их сложных семейных ответвлений не были включены в результаты переписи на центральном уровне[110].

Название «тептяри» также напрямую восходило к сословной системе дореволюционной России. Оно применялось по отношению к части поволжских крестьян-солдат различного происхождения. В XIX веке этнографы пришли к выводу, что тептяри не могут считаться отдельным народом[111]. В ходе дискуссий, сопровождавших составление перечня народностей в 1926 году, вновь неоднократно поднимался вопрос о населении, называвшем себя «тептярями»[112].

В инструкциях счетчикам Башкирской АССР говорилось, что тептяри являются не народностью, а группой, состоящей из представителей разных национальностей; в их отношении следовало проявлять особую осторожность. Так, если опрашиваемый называл себя тептярем, следовало задать ему дополнительные вопросы (башкир? татарин? мещеряк? чуваш? мордва? вотяк?) и в зависимости от полученного ответа записать его как «тептярь-башкир», «тептярь-татарин» и т.д. Если опрашиваемый затруднялся ответить на дополнительные вопросы, следовало писать «тептярь»[113]. Но статистическое управление Башкирской АССР было обвинено в стремлении ассимилировать тептярей и превратить их в башкир. По словам од-

ной из сотрудниц-счетчиков, один из инструкторов заявил, что все тептяри являются башкирами, и распорядился регистрировать их в качестве таковых. В Макарьевской волости приехавший из Уфы инструктор предложил вообще не задавать вопроса о народности и напрямую записывать всех жителей башкирами[114].

Подобное стремление местных властей включить в состав «титульного» народа другую группу, не имеющую статуса народности и потенциально находящуюся под угрозой «вымирания» (в связи с исчезновением социального статуса, определявшего ее как отдельную общность), особенно ярко проявилось в Узбекистане на примере сартов. В черновом варианте инструкции, подготовленной узбекским статистическим управлением, говорилось, что опрашиваемые, причисляющие себя к сартам, подлежат регистрации в качестве узбеков[115]. Статистическое управление Киргизии, напротив, распорядилось записывать их «сартами»[116]. Во введении к перечню народностей рекомендовалось отказаться от использования термина «сарты» на территории УзССР и Казахской АССР.

Следуя рекомендациям КИПС, объяснявшей, что население, именуемое сартами, привыкло называть себя узбеками, в Узбекистане сарты были причислены к узбекам. Зато в случае сартов-калмыков, живших на границах с Китаем, КИПС добилась, чтобы их регистрировали отдельно, ввиду отличия их языка и образа жизни от окружающих киргизов[117].

Сарты были признаны отдельной народностью в конце XIX века. Во время переписи 1897 года было зарегистрировано 967 тыс. сартов, что составляло 18% населения Туркестана. В 1896 году был опубликован словарь сартского языка. Тем не менее вопрос об их происхождении оставался открытым. Сарты отличались от своих соседей оседлым образом жизни и слабой ролью родовых структур в общественной организации. Их существование не ставилось под сомнение царским режимом, который, напротив, считал сартов одним из самых развитых народов Средней Азии. По словам этнографа В.В. Бартольда,

даже если изначально слово «сарт» не имело этнографического смысла, в начале XX века оно служило для обозначения народа, отличавшегося, благодаря своему языку и типу общественного развития, особым этнографическим единством[118].

С созданием Советского Союза термин «сарты» постепенно начал утрачивать свое значение. Переписи 1917 и 1920 годов отразили сокращение численности лиц, зарегистрированных в качестве «сартов», а затем «узбеков-сартов». В 1926 году их оставалось всего 73 000[119]. Большевики отождествляли сартов с буржуазией — наследием царизма, призванным исчезнуть при социализме. На втором пленуме ЦК компартии Узбекистана было решено отказаться от использования термина и понятия «сарты», являвшихся «пережитком шовинистической политики» царской России[120].

Со своей стороны этнографы придерживались разных точек зрения относительно необходимости регистрировать сартов. Советские ученые с большой осторожностью высказывались по вопросу об их этнографических особенностях. По мнению В. Куна, происхождение сартов было науке неизвестно, но их специфический образ жизни и отсутствие клановой организации требовали от статистика учитывать их отдельно от других групп населения[121]. Он подчеркивал, что под влиянием политических событий значительная часть сартов стала отождествлять себя с узбеками[122]. И.И. Зарубин отмечал, что в Узбекистане термин «сарты» постепенно уступал место названию «узбеки», что означало постепенное включение тюркизированных иранцев в общую массу узбеков. Признавая, что такое слияние было полезным для «национального культурного единства» республики, он считал, однако, необходимым в целях научного анализа различать элементы, образующие узбекский народ[123].

При обсуждении перечня народностей вновь было отмечено существование людей, называющих себя сартами, но при этом был сделан вывод о недопустимости с научной точки зрения использования этого термина[124]. Остается добавить, что такова была и политическая точка зрения.

Отразить административное строительство

Этнографы занимались также изучением смешанных этнических групп. Они, например, признавали термин «остяко-самоеды», возникший вследствие административно-территориального объединения остяков и самоедов. Считая этот термин изначально искусственным, они, однако, рассматривали его как результат настоящего смешения этих народов[125]. В перечень также вошла смешанная группа бескесек-абаза, состоявшая из черкесов и абхазов. Она рассматривалась этнографами как особое «этническое звено» между группами черкесов и абхазов[126].

Местные власти проявляли особый интерес к подобным смешанным группам. Дальневосточное статистическое управление попросило учесть креолов[127]. Статистики Казахской АССР настаивали на регистрации «чала-казаков» — смеси казахов с русскими или татарами. Они подчеркивали, что такое этническое смешение приводило к появлению особых черт, и предлагали взять пример с Америки, где учитывалось количество метисов и мулатов[128]. В конце концов эти предложения были отклонены переписной комиссией.

При выборе народностей, которые предстояло включить в перечень, использовались различные критерии, и зачастую за ними стояли переговоры между статистиками, этнографами и представителями местных властей. В момент переписи возникла проблема с этнонимом «лезги», собирательным именем, использовавшимся для обозначения всех или части дагестанских «племен». Дагестанское статистическое управление выступало за регистрацию под этим названием. Этот этноним, однако, объединял несколько племен и не использовался населением[129]. Утверждая, что лезги не существуют как народность, этнографы В.В. Богданов и А.Н. Максимов просили исключить это название из перечня[130]. Все закончилось выработкой нового определения этнонима: одновременно в узком смысле — для обозначения одного южнодагестанского народа, называвшего себя кюринами, — и в бо-

лее общем смысле[131]. Так лезги были включены в перечень народностей. В случае Дагестана дискуссии, связанные с составлением перечня, носили особенно бурный характер в связи с тем, что власть здесь была поделена между племенами. В республике действовала система этнического представительства, основанная на удельном весе каждой официально признанной народности.

Дискуссии вспыхнули и по поводу имен «ойраты» и «хакасы». Эти наименования, восходившие к географическим названиям и служившие для обозначения, соответственно тюркских и татарских племен Алтая, были помещены в раздел «народность не указана или указана неточно». Этнографы и статистики, осознававшие чисто географическое происхождение этих «придуманных» терминов[132], не оспаривали их включение в перечень. В то время как счетчикам вменялось в обязанность не отклонять указание на административно-территориальную принадлежность в качестве ответа на вопрос о народности, в данном конкретном случае эти два названия были включены в перечень именно в силу их административного существования. Признавая, что «ойраты» и «хакасы» не являются научными терминами, В.В. Богданов и А.Н. Максимов ссылались тем не менее на политическую «необходимость» и «обязательный» характер их регистрации, обусловленный их официальным существованием[133]. В конце концов статистики попросили вмешаться Совет национальностей[134], и было принято решение об их регистрации.

Вопрос о месте, которое следовало отвести национальным общностям при публикации результатов переписи, встал в момент определения «основных народностей». Полный перечень народностей использовался только в таблице, в которой были сведены вместе данные о народности, языке и грамотности (таблица № 6). В остальных таблицах фигурировали только основные народности изучаемых территорий. Таким образом воспроизводилась система административно-национальных образований, созданных в ходе территориального размежевания. Мес-

тные статистические управления составляли собственные региональные перечни основных народностей, которые затем передавались на утверждение ЦСУ СССР. Судя по всему, выделение максимум шести основных народностей по каждой области или республике не представляло трудности: было решено, что в их число войдут просто самые многочисленные этнические группы[135].

Выделение основных народностей порой приводило к объединению нескольких народов в одну группу. Так, чеченцы, ингуши, бацбии и маиствеи были объединены под именем чеченцев, а черкесы, кабардинцы и бескесек-абаза – под именем черкесов[136].

Определение основных народностей осуществлялось на разных территориальных уровнях. Так, в РСФСР основные народности были определены на уровне губерний (например, в Самарской губернии таковыми считались русские, мордва, татары, чуваши, украинцы), на Северном Кавказе и Урале – на уровне округов[137]. На Украине национальные деления были установлены на республиканском уровне. ЦСУ УССР попросило области подготовить таблицы по грекам, болгарам и полякам, что обеспечивало им «присутствие» на местном уровне. При этом оно отказывалось признать их основными народностями на уровне всей республики[138].

Статус основной народности и масштаб, на котором он определялся, были особенно важны в связи с тем, что таблицы, содержавшие данные по народностям и социально-экономическому развитию, составлялись только по основным народностям. Как напоминало украинское статистическое управление, партии были нужны социально-экономические данные, чтобы судить о ситуации в национальных регионах[139]. Национальный состав, выявленный в ходе переписи, отражал, таким образом, уже существующее административно-территориальное деление.

Со своей стороны этнографы предлагали представить советские народности в виде таблицы, построенной по генеалогическому принципу, то есть сгруппировав народы по языковым семьям[140]. В опубликованных общих ито-

гах переписи, однако, мы не находим таблиц по индоевропейским, семитским, финно-угорским и другим народам. Что касается КИПС, то она опубликовала собственную классификацию и перечень, разработанные в ходе подготовки переписи[141], а также ряд научно-популярных брошюр с итогами переписи, включавших настоящее генеалогическое древо народов СССР с указанием их численности[142].

Итак, в 1926 году перепись народностей СССР сопровождалась чрезвычайно широким обсуждением. Опираясь на самоидентификацию респондентов (с возможными исправлениями со стороны ученых), это обследование отразило также интересы различных политических инстанций регионального уровня. Изучение переписи позволяет увидеть все многообразие определений этничности, использовавшихся в ранний период советской истории, и оценить очень сложный характер явлений, связанных с «перекройкой» идентичностей. Расхождения между ответами респондентов и взглядами ученых или местных властей становились предметом внимательного анализа, свидетельствовавшего о стремлении в деталях понять, что в действительности происходит на местах. Перечень народностей стал результатом этих «переговоров». ЦСУ СССР взяло на себя публикацию длинного списка национальностей и в целом постаралось как можно лучше отразить национальные идентичности советского населения.

ЦСУ решало эти задачи, действуя в условиях значительной научной автономии. Так, высказанное Политбюро пожелание использовать в вопросе о народности три термина («этническая группа», «народность», «нация») не было удовлетворено. Совет национальностей утвердил предложенный ЦСУ перечень практически без поправок и даже потребовал расширить его[143].

В политическом контексте 1930-х годов центральные инстанции будут более решительно вмешиваться в подготовку переписи. Более того, даже их молчание тем или

иным образом будет интерпретироваться статистиками и этнографами. Травмированные становлением сталинского общества, свидетели катастрофических последствий коллективизации и репрессий против научных институтов и учреждений, исследователи конца 1930-х годов составят более короткий перечень национальностей, который почти точно отразит советскую административную иерархию.

Глава 8

1929—1939 ГОДЫ: УСКОРЕНИЕ ИСТОРИИ?

В июне 1929 года, в связи с подготовкой к празднованию 12-й годовщины Октябрьской революции Сталин объявил со страниц «Правды», что предстоящий год станет годом «великого перелома». Действительно, быстрая индустриализация страны, осуществляемая в рамках первого пятилетнего плана, и «сплошная» коллективизация деревень до самых основ потрясли все советское общество. Конец НЭПа и начало сталинизма были ознаменованы волной репрессий, затронувших как высшие партийные сферы и традиционные элиты (чаще всего беспартийных специалистов, получивших образование еще до революции), так и сельский мир. Коллективизация сопровождалась раскулачиванием, призванным ликвидировать «кулачество» «как класс» и очистить советское общество от последних «внутренних врагов»[1]. «Кулачество» — зажиточные крестьяне, настроенные против большевиков, — было достаточно гибкой категорией, чтобы оправдать любой произвол. На местах сотрудники ОГПУ причисляли к ним лиц, оказывавших сопротивление или владевших крупной собственностью, а также представителей некоторых национальностей, в частности поляков, немцев и многих украинцев, которые, как считалось, являлись в большинстве своем кулаками[2].

С началом коллективизации, в условиях существенно увеличившегося потока ходатайств о выезде за границу, а также роста числа самих отъездов и крестьянских волнений, приграничные районы стали объектом особой политики, за которой последовали депортации населения на основе социального и этнического признака. Согласно приказу НКВД от 5 марта 1930 года приграничные районы Украины и Белоруссии предстояло очистить от лиц,

подозреваемых в бандитизме, шпионаже, контрабанде, а также от кулаков, прежде всего «польской национальности»[3]. Поэтому депортации населения по национальному признаку, приобретшие в конце 1930-х годов массовый характер, должны рассматриваться как продолжение репрессий против кулаков. Они ускорились во второй половине десятилетия в связи с пробуждением «государственной» ксенофобии: государство стремилось обезопасить границы, очистив их от потенциально опасных элементов — кулаков, саботажников, шпионов, лиц «вражеской» национальности.

«Советизированная» этнография

Этнография и общественные классы

Высылка раскулаченных, реквизиции зерна и скота в ходе коллективизации привели к разрушению традиционных культурных систем. В конце концов коллективизации подверглись и те группы населения, которые считались отсталыми, бедными и живущими в условиях слабого социального расслоения[4]. Она коснулась, в частности, пастухов и скотоводов. В регионах с кочевым и полукочевым населением коллективизация с 1931 года сопровождалась кампанией принудительной седентаризации (перехода к оседлому образу жизни). Результатом этой политики стал катастрофический по своим масштабам голод 1931—1933 годов, обрушившийся в первую очередь на Украину, Северный Кавказ и Казахстан[5].

Специалисты по национальностям занимали различные, нередко прямо противоположные позиции по отношению к этим потрясениям. С 1929 года этнографы, в частности сотрудники Академии наук, были жертвами широкомасштабной атаки против их дисциплины и научных учреждений. Лишенные возможности критиковать происходящее, некоторые из них приветствовали политику радикальной модернизации и заимствовалиритори-

ку властей. Политика позитивной дискриминации по отношению к «отсталым» народам продолжалась, но защита национальных меньшинств, разбросанных по территории СССР, была постепенно забыта. В условиях коллективизации любые попытки взять под защиту местные пострадавшие сообщества рассматривались как проявления национализма и жестоко карались.

В 1929—1932 годы активно осуществлялась «марксизация», или «советизация», этнографии и различных научных учреждений, в первую очередь Академии наук[6]. Ученые подверглись критике как интеллектуалы дореволюционного поколения, оставшиеся в стороне от коммунистического движения, а некоторые из них (А.М. Золотарев, С.И. Руденко) были арестованы и осуждены. В начале 1930-х годов публичным обвинениям и чисткам подверглись представители национальной интеллигенции различных республик, прошедшие через борьбу с царским режимом, а затем участвовавшие в выработке языковой и культурной политики 1920-х годов[7]. Академия наук была «советизирована» путем массового набора коммунистов, многие из которых были питомцами Коммунистической академии, созданной в 1918 году (до 1924 года называлась Социалистической академией) как марксистский научно-исследовательский и образовательный центр[8]. С.Ф. Ольденбург, потерявший поддержку большевистского руководства, был смещен с поста непременного секретаря академии. В 1929 году этнографы КИПС и московские преподаватели подверглись критике со стороны молодого поколения исследователей-коммунистов, приступивших к радикальной трансформации самой дисциплины и ее институтов.

В стенах Коммунистической академии в центре дебатов об этнографии стоял вопрос о необходимости, во-первых, поставить этнографию на службу советской национальной политике, а во-вторых, развивать историческую составляющую этой дисциплины. Участники дискуссий подчеркивали, что в случае СССР больше нельзя говорить о первобытных народах[9]. Член Комакадемии Вер-

тапетов поставил вопрос о том, как следует работать молодым — как он — этнографам. Сосредоточив усилия на народах, населявших СССР, они должны были изучать национальные меньшинства, их историческое развитие и национальное становление. А самое главное — необходимо было распространить классовый анализ на этнографические исследования, так как классы существовали даже внутри только зарождающихся советских национальных образований. По мнению Вертапетова, чисто родовая организация, характерная для дореволюционного периода, под влиянием развития народного хозяйства была на всей территории СССР ликвидирована. Связывая свои исследования с политическими проблемами, он не только перенимал риторику власти, но и пытался по-новому определить все советские народности[10].

В 1929 году на совещании этнографов Москвы и Ленинграда, давшем старт кампании по «советизации» этнографии, Н.М. Маторин перечислил проекты, осуществить которые предстояло Институту по изучению народов СССР (ИПИН) при Академии наук, созданному на основе КИПС. Новый институт должен был изучать образ жизни советских народов, помогать вырабатывать экономическую политику с учетом этнических особенностей и готовить местные кадры[11]. Уже и раньше поставленные на службу государству, этнографы должны были теперь активно подключиться к политике радикальной модернизации, подразумевающей бескомпромиссную борьбу с тем, что режим называл «отсталостью», и внести таким образом свой вклад в осуществляемый Кремлем проект полного социального переустройства советского общества[12].

На практике многие этнографы с трудом могли одобрить то, что в начале 1930-х годов коллективизация, классовая борьба и кампании по раскулачиванию были перенесены на территорию Средней Азии и Сибири[13]. Но под угрозой репрессий они предложили взять на себя поиск препятствий на пути строительства социализма и помощь в борьбе с ними. Некоторые молодые этнографы помога-

ли определять, кто является собственником в беднейших районах страны[14].

У советских народов есть своя история

Историзм, в широких масштабах внедрявшийся в дискурс о советских народах в 1930-е годы, представлял эти национальные единицы в виде сложившихся наций. Так, во второй половине этого десятилетия были опубликованы рассказы о происхождении и многовековой истории различных народов СССР[15]. Речь шла о том, чтобы не столько описать их в качестве этнографических единиц, определяемых особенностями образа жизни и обычаев, сколько снабдить историей, позволяющей предусмотреть дальнейшее их развитие.

Автономия этнографии как науки была поставлена под сомнение сторонниками включения ее в историческую дисциплину, которая, на их взгляд, одна была способна установить законы эволюции человечества. Критике подверглись попытки свести историю к анализу письменных документов и изучению прошлого народов — обладателей письменности. Как объяснял московский этнограф В.К. Никольский, задача заключалась в том, чтобы воссоздавать историю не только Украины, но и, к примеру, вотяков, несмотря на отсутствие письменных источников[16]. История рассматривалась как гуманитарная наука *par excellence*[17]: она представляла собой глобальную дисциплину, наделявшую смыслом процесс развития человечества[18]. Члены Коммунистической академии утверждали, что этнография является ветвью исторической науки в широком смысле слова и потому должна перенять ее метод — исторический материализм. Сопротивляясь этой точке зрения, этнографы старшего, сформировавшегося до революции поколения отстаивали автономию этнографии как отдельной дисциплины с собственной методологией.

В 1938 году, в период реабилитации этнографии[19], директор нового Института этнографии Академии наук

В.В. Струве подвел общие итоги марксизации этнографии и постарался по-новому определить ее предмет. Прежде всего, он заявил, что этнография должна изучать народы всего мира, стоящие на стадии племенного образа жизни[20]. При этом, как подчеркнул Струве, не следует забывать и о современных культурных явлениях, охарактеризованных им как «пережитки». Под ними подразумевались докапиталистические социальные практики, по сей день сохранявшиеся в развитых обществах, в том числе в СССР[21]. Понятие «этнических пережитков» позволяло ему определить своеобразную этническую «неизменную величину», сохранявшуюся вопреки всему в современных нациях. По мнению Струве, этнография должна была интересоваться главным образом «этими пережитками племенного быта», так как в социалистическом обществе их изучение приобретало особое значение в силу провозглашения политического курса на их уничтожение. Подводя итоги, он определял задачу этнографии как изучение этих доставшихся в наследство от прошлого практик и того, что мешало их уничтожению. Этнография вставала, таким образом, на службу социалистического строительства и включала в поле зрения современность.

Такое выделение этнического инварианта, получившего название «пережитка», перекликалось с развитием в это десятилетие ксенофобского дискурса. Определение характеристик народов сопровождалось постепенным закреплением единой национальной идентификации, отраженной в документах, удостоверяющих личность.

Идентифицировать и наказывать

Закрепление национальности

27 декабря 1932 года Политбюро одобрило создание в СССР паспортной системы[22]. Внутренний паспорт сразу стал инструментом идентификации и контроля за населе-

нием. Свою роль в качестве одного из параметров идентификации играла и национальность, еще в 1920-е годы ставшая одним из важнейших маркеров гражданского состояния. С введением паспортов была выработана модель правильной идентификации граждан. Паспорт должен был содержать следующую информацию: фамилию, имя и отчество гражданина, дату и место его рождения, национальность, социальное положение, постоянное место проживания, место работы, сведения о воинской обязанности и список документов, послуживших для составления паспорта. Со временем сюда добавились сведения о наличии судимости. Национальность, обозначенная пятым пунктом, фигурировала среди других маркеров идентичности. В эпоху, когда жертвой целенаправленных репрессий стал целый ряд народов, регистрация национальности в паспорте представляла собой угрозу для человека. Как подчеркивают специалисты, паспортизация в значительной мере способствовала закреплению национальных идентичностей[23].

Все лица старше 16 лет, проживавшие в городах, пригородных районах и пограничных зонах, должны были зарегистрироваться в органах милиции и оформить прописку, материальным воплощением которой становился паспорт. Индивиды, не обратившиеся за этим документом или не получившие его, теряли право жить в данном населенном пункте. В первое время действие паспортов и прописки распространялось только на жителей паспортизированных районов. К началу 1934 года паспортной системой была охвачена уже треть жителей страны[24]; а в марте 1937 года — 40%[25].

В населенных пунктах и местностях, подвергшихся паспортизации, паспорт превратился в единственный документ, «удостоверяющий личность владельца»[26], в то время как остальные, до тех пор выполнявшие эту функцию, потеряли свою силу. Чтобы облегчить процедуру установления личности в условиях Большого террора, с октября 1937 года в паспорт стали вклеивать фотографию владельца. Второй экземпляр фотографии прилагался к ре-

гистрационной карточке, хранившейся в отделении милиции[27]. Помимо паспортных данных эти карточки включали информацию о перемещениях индивида. Любой гражданин, запланировавший краткосрочную или длительную поездку в другой населенный пункт, должен был сообщить об этом в паспортный стол милиции, где составлялся «листок убытия» (адресный листок). Регистрации подлежало и прибытие в тот или иной населенный пункт. Так была создана целая система милицейского контроля за населением, использовавшаяся для арестов, выселений, депортаций[28].

Паспортизация с самого начала сопровождалась массовыми чистками. Большие города были очищены от «социально опасных элементов», к которым были отнесены мелкие преступники, рецидивисты, проститутки и пр. В сельской местности паспортизация также сопровождалась высылкой, наказанием и депортацией «опасных элементов», раскулаченных, «внутренних врагов», «бывших» и лиц, подозреваемых в связях с враждебными странами. В пограничных районах, считавшихся стратегическими, представители некоторых национальностей (прежде всего поляки, затем немцы, финны, греки и др.), обвиненные в шпионаже или саботаже, стали главными жертвами репрессий.

Переход от репрессий, основанных на социальном происхождении, контрреволюционном прошлом или принадлежности к миру мелкой преступности, к репрессиям по национальному признаку проявился не только в приказах НКВД, но и в изменении форм идентификации[29]. В секретном приказе НКВД от 27 апреля 1938 года говорилось, что отныне национальность должна определяться не путем свободного самоопределения индивида, а исходя из происхождения родителей. По достижении 16 лет дети из смешанных семей должны были выбрать между национальностью отца и матери. Если же родители ребенка были одной и той же национальности, он автоматически получал эту национальность. Примеры, приведенные в приказе НКВД, были явным образом связаны с репрессиями против отдельных народностей. В случае

сомнений сотрудники паспортных столов должны были проверять национальность взрослых, желавших получить или переделать паспорт. Приказ предписывал:

«Запись национальности должна быть произведена в соответствии с фактическим национальным происхождением родителей регистрирующегося. Если родители немцы, поляки и т. д., вне зависимости от их места рождения, давности проживания в СССР или перемены подданства и др. нельзя записывать регистрирующегося русским, белорусом и т.д. В случаях несоответствия указанной национальности родному языку или фамилии, как, например, фамилия регистрирующегося Попондопуло, Мюллер, а называет себя русским, белорусом и т.д., и если во время записи не удастся установить действительную национальность регистрирующихся, графа национальности не заполняется до представления заявителями документальных доказательств принадлежности регистрирующегося к той или иной национальности»[30].

Упомянутые здесь национальности (немцы, поляки, греки) принадлежали к числу народов, подвергшихся репрессиям в 1930-е годы. Этот приказ открывал двери перед административным произволом (за проверку отвечали сотрудники паспортных столов) и стигматизацией носителей тех или иных имен и языков. В 1950-е годы, при обсуждении проекта реформы паспортной системы в Совете министров было предложено убрать графу «социальное положение», в прошлом являвшуюся основой для репрессий. Что же касается национальности, определяемой по родителям, а не путем самоопределения человека, то возможность ее упразднения даже не обсуждалась[31].

Введение системы регистрации национальности согласно происхождению стало поводом для юридических дебатов. Некоторые люди пытались поменять национальность, обозначенную в их документах. Эти случаи не только свидетельствуют об административном произволе, но и помогают осознать, с одной стороны, какое тяжелое бремя представляла собой принадлежность к стигматизируемым народам, а с другой — тот факт, что в жизни многих жителей СССР национальность лишь не-

давно стала предметом интереса и беспокойства. Рассмотрев эти жалобы, юридическая комиссия признала, что определение национальности по происхождению противоречило Конституции 1936 года[32]. Тем не менее вплоть до распада СССР именно происхождение служило основой для записи национальной принадлежности в паспорте.

В мае 1938 года в Академию наук пришло письмо от жителя бывшего Пружанского уезда Гродненской губернии, просившего помочь ему установить его национальность. Для этого он записал свою речь. Филологи сочли, что это был типичный образец смеси украинского и белорусского языков, и пришли к выводу, что сам человек был украинцем, так как в его письме преобладали украинские слова[33]. Этот пример заставляет задуматься о сложности явлений, связанных с идентичностью. Когда режим решил раз и навсегда зафиксировать национальные идентичности, неизбежно возникли трудности, связанные с индивидуальными идентификациями. С наибольшей силой — на фоне еще несистематического использования документов, удостоверяющих личность, — они проявились там, где население не привыкло мыслить в терминах национальности.

Тем не менее в конце 1930-х годов жители территорий, считавшихся стратегическими, были поставлены перед необходимостью иметь одну четкую национальную идентичность. Теоретически она определялась происхождением, хотя соблюсти этот принцип было нелегко в силу отсутствия традиции записи национальности в актах гражданского состояния. Такая «фиксация», закрепление национальности происходило под прямым давлением со стороны власти, на фоне репрессий против отдельных национальностей.

Репрессии против «враждебных» народов

Начавшиеся еще до раскулачивания репрессии против представителей некоторых национальностей принимали

различные формы. Чаще всего они были связаны с геополитической напряженностью и «зачистками» пограничных районов. Их жертв называли «врагами СССР», «саботажниками», «шпионами», «националистами» и обвиняли в принадлежности к секретным организациям, стремившимся дестабилизировать Советский Союз. Как уже упоминалось выше, в 1930 году с территории Белоруссии и Украины было депортировано большое количество поляков. В те же годы из Ленинградской области были выселены финны[34].

Кроме того, с 1934 года в отношении представителей народов, находившихся на подозрении у режима, начали применяться дискриминационные меры и на индивидуальном уровне. Речь шла прежде всего о дискриминации при приеме на работу. В рамках борьбы с саботажем заводская администрация различных предприятий получила приказ обратить особое внимание на деятельность лиц ряда национальностей. В приказе НКВД, подписанном в августе 1934 года, упоминались две группы народов. Представители первой (советские немцы, корейцы, финны, латыши, литовцы, поляки) должны были постепенно быть удалены из штата предприятий и сняты с руководящих должностей. К этой категории «враждебных» национальностей добавлялась вторая группа, история дискриминации которой на протяжении 1930-х годов изучена хуже. Заводской администрации вменялось в обязанность следить за деятельностью евреев, армян, крымских татар, чеченцев, ингушей, осетин[35]. НКВД приказал составить список немцев, в тот момент или ранее работавших на железнодорожном транспорте и оборонных заводах, с целью подготовки их ареста[36]. Лица той или иной национальности коллективно считались неблагонадежными и подлежали увольнению с определенных предприятий и из определенных учреждений и выселению из некоторых районов. Эти меры заставляют, разумеется, вспомнить о дискриминациях царского времени.

Но главным инструментом организации чисток в отношении представителей «враждебных» национальностей

стало введение паспортов в ряде городских и сельских районов. Весной 1934 года на фоне растущей международной напряженности районы, расположенные вдоль западных границ СССР, были переведены на новое административное положение с одновременным введением паспортов. Переход на новое положение и паспортизация пограничных зон сопровождались этническими чистками и депортацией некоторых категорий населения. В результате ряда принудительных переселений 1935–1936 годов пограничные районы Украины были «очищены» от «вредных элементов», в том числе от всех живших там немцев и поляков. Весной 1935 года из Ленинградской области были выселены эстонцы, латыши, финны, поляки и немцы. В 1937 году статус пограничных зон был распространен на районы, граничившие с Ираном и Афганистаном, что привело к депортации 1000 курдских семей, а затем, в январе 1938 года, – 6000 иранцев. В 1938 году аналогичный режим был введен в приграничных районах Восточной Сибири и Бурят-Монгольской АССР. Создание особого статуса для пограничных зон отвечало логике «профилактических мер» в отношении территорий, рассматриваемых как стратегические. Как уже упоминалось выше, в годы Первой мировой войны в этих районах были проведены многочисленные операции по принудительному переселению ряда категорий населения, в частности немцев и евреев. В конце 1930-х годов СССР жил в страхе перед возможным нападением и, пользуясь периодом мира, принимал «превентивные» меры.

Во второй половине 1930-х годов наличие советского гражданства мало что значило для представителей «подозрительных» национальностей. В июле 1937 года, когда были приняты меры по усилению охраны оборонных предприятий, работавшим там политическим беженцам из Германии, принявшим советское гражданство, еще удалось избежать увольнения[37]. Но репрессии, направленные вначале против германских граждан, постепенно распространились и на лиц, перешедших в советское гражданство, а затем и на всех представителей немецкой

национальности. В июле 1937 года Политбюро подписало приказ об аресте всех немцев, живших в приграничных районах[38]. В 1938 году в ходе депортаций с приграничных территорий на юге и востоке страны делалось различие между иностранными и советскими гражданами. В Азербайджане и на Дальнем Востоке переселение иранцев и китайцев осуществлялось в зависимости от наличия у них китайского, иранского или, напротив, советского гражданства; с консульствами Ирана и Китая были заключены соглашения, предусматривавшие высылку подданных этих стран или тех из советских граждан данных национальностей, кто хотел перейти в их гражданство, при условии, что им не предъявлено обвинение в преступной или антисоветской деятельности[39]. С Дальнего Востока было выслано 11 тыс. китайцев. Так в связи с «запиранием» границ была осуществлена двойная «фиксация» национальных идентичностей: закрепление исходной национальности (в соответствии с происхождением индивида) или смена гражданства.

Переселение корейцев летом 1937 года стало первым случаем массовой депортации целого народа. Большинство корейцев попало на российский Дальний Восток в конце XIX века[40]. В 1920-е годы существовали планы их переселения в другие районы страны. 21 августа 1937 года советское руководство отдало приказ депортировать в Узбекистан и Казахстан всех корейцев из 23 районов Дальнего Востока. В момент, когда первые нагруженные до предела поезда двинулись в направлении Средней Азии, пришло распоряжение распространить эту меру на все корейское население советского Дальнего Востока[41]. Депортация сопровождалась ксенофобской кампанией, тон которой задала Москва: в апреле 1937 года в «Правде» была опубликована статья, обвинявшая корейцев в шпионаже в пользу Японии. В ходе последовавшей за ней кампании тысячи корейцев были переселены в Узбекистан и Казахстан, где были созданы корейские колхозы и школы.

В 1930-е годы главными жертвами ксенофобии со стороны сталинского режима были представители народов,

живших по обе стороны границы и в силу своего этнического происхождения связанных с зарубежными странами[42]. Достаточно было, чтобы иностранное государство проводило недружескую по отношению к Советскому Союзу политику, – и все выходцы из этой страны, независимо от их гражданства, попадали под особый надзор, становясь жертвами дискриминаций и репрессий. Первыми жертвами ксенофобских подозрений становились иностранные подданные и иностранцы, недавно перешедшие в советское гражданство и еще сохранившие связи с заграницей[43].

Во время Большого террора 1937–1938 годов были осуществлены репрессии против «врагов народа», определенных по этническому критерию. Они проводились по схеме, выработанной в ходе первой «национальной операции» против поляков, осуществленной по приказу № 00447 от 30 июля 1937 года об аресте бывших кулаков, уголовников и других «антисоветских элементов» (национальности при этом не упоминались)[44]. Речь шла о новой для советской политической полиции практике. До сих пор Большой террор был обращен против традиционных врагов режима и их семей, как то предполагал приказ № 00447[45]. Приказ № 00485 был утвержден Политбюро 9 августа 1937 года. Он предписывал ликвидировать «польскую разведку» на территории СССР, обрисованную как гигантскую подпольную организацию, членами которой были бывшие члены польских политических партий, перебежчики из Польши, политэмигранты и «наиболее активная часть местных антисоветских и националистических элементов польских районов»[46]. В октябре эти карательные меры были распространены на жен осужденных поляков и их детей старше 15 лет[47]. Те же формы приняли и репрессии в отношении других народов. В июле 1938 года было принято постановление Политбюро о ликвидации сети «шпионско-диверсионной агентуры», состоящей из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев[48], китайцев и румын, причем как иностранных подданных, так и советских

граждан. В январе 1938 года его действие было распространено на болгар и македонцев, а затем и афганцев. Часть арестованных подлежала расстрелу, а остальные — депортации. В рамках «альбомного порядка» осуждения областные руководители НКВД раз в десять дней направляли в Москву на утверждение списки осужденных с краткими итогами следствия. В отсутствие квот, заранее установленных Центром для каждой области (как это было в случае кулаков), по стране, особенно пограничным ее районам, прокатилась волна насилия ксенофобского характера[49]. С июля 1937 по ноябрь 1938 года жертвой «национальных операций» стали 335 513 человек, из которых 247 157 были приговорены к смертной казни[50]. Сегодня историками установлено, что пятая часть арестов и треть смертных приговоров эпохи Большого террора пришлись на представителей этих национальностей[51].

Борьба с «вражескими» национальностями шла и на институциональном уровне, выражаясь в постепенной ликвидации национальных советов, созданных в 1920-е годы. В 1937—1938 годы все национальные советы и школы народов, отнесенных к числу «враждебных» (за исключением АССР немцев Поволжья), были уничтожены[52]. Начавшись с больших городов и пограничных зон, репрессии распространились на всю территорию страны, принимая форму не только переселений, как в случае корейцев, но и террора: смертных казней, тюремных заключений, депортаций.

«Дефектная» перепись?

Перепись и пропаганда

Перепись января 1937 года проходила на фоне множившихся оптимистических заявлений власти, трубившей об успехах. В 1936 году, после XVII партсъезда, в СССР была принята новая Конституция. Лозунг о единстве страны был как никогда актуален. В отличие от Конституции

1924 года, по которой классовые враги были лишены гражданских прав, в том числе права голоса, Конституция 1936 года провозглашала конец классовых различий и конфликтов в СССР и вводила всеобщее голосование. Бывшие «лишенцы», часть из которых была амнистирована еще в 1933 году, были реабилитированы; это коснулось и священнослужителей, что было воспринято частью населения как знак реабилитации религиозных практик. В докладе о проекте Конституции 1936 года И.В. Сталин утверждал, что на территории СССР живут около 60 национальностей. С присвоением статуса союзной республики Казахстану, Киргизии, а также Азербайджану, Армении и Грузии, ранее входившим в состав ЗСФСР, советское государство включало 11 союзных республик. Совет национальностей, одна из двух палат нового Верховного Совета СССР, состоял из представителей национальных территорий, причем каждому административному эшелону (союзные республики, автономные республики, автономные области) соответствовало определенное количество депутатских мест.

Официальной пропаганде вторили пояснительные брошюры, выпущенные по случаю переписи. Они ставили акцент на изменениях, произошедших в СССР. Организация переписи проходила в атмосфере широкой общественной мобилизации. На партийные органы были возложены подготовка населения и контроль за персоналом, осуществлявшим перепись[53]. Эта операция была приравнена к предвыборным кампаниям, что означало высокую степень участия членов партии и обычных граждан. Интенсивная переписка между ЦСУ и местными органами свидетельствует об особом внимании, уделявшемся политической благонадежности счетчиков. Так, начальник управления народно-хозяйственного учета Узбекистана гордился тем, что весь задействованный в переписи персонал прошел проверку НКВД[54]. Тот факт, что перепись была однодневной, означал необходимость задействовать огромное количество счетчиков: 1 200 000[55].

Единство страны, сплотившейся вокруг фигуры вождя и новой Конституции, должно было выразиться прежде всего в осознании принадлежности к общей Родине. Как предполагалось, на вопрос о гражданстве участники будут гордо отвечать: советское. Перепись была в том числе пропагандистской акцией, призванной продемонстрировать народную поддержку, которой пользовался коммунистический режим.

На протяжении 1930-х годов Центральное управление народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ), заменившее собой ЦСУ после его присоединения к Госплану в 1932 году, неоднократно планировано — и всякий раз откладывало — проведение новой всеобщей переписи населения. Так, в 1932 году в ответ на постоянные жалобы на отсутствие надежных данных о численности населения[56] председатель СНК В.М. Молотов отдал приказ о проведении переписи в январе следующего года[57]. Соответствующие директивы предусматривали, что вопросов будет меньше, чем в 1926 году. Главной целью этой переписи, запланированной в период полной дезорганизации системы учета движения населения, было определить точную численность жителей СССР. Катастрофы 1931—1933 годов и хаос, охвативший страну, привели к тому, что сроки организации и план переписи претерпели изменения[58].

Переписной лист, утвержденный решением СНК 28 апреля 1936 года[59], порывал со сложившейся традицией. Под прямым давлением государственных (СНК) и партийных (ЦК) руководящих органов количество вопросов было сокращено. Сталин лично участвовал в разработке переписного листа[60]. Как и Молотов, он отстаивал идею, согласно которой советское общество состояло всего из трех групп: рабочих, крестьян и интеллигенции[61]. Если в 1926 году наличие большого количества вопросов позволило в деталях описать социально-экономические характеристики советского населения, то в 1937 году перепись не могла послужить основой для сколько-нибудь серьезного анализа социальной стратификации. Переписной бланк состоял из 14 вопросов: респонденты должны были

указать свои имя, возраст, национальность, родной язык, религию, семейное положение, гражданство, род занятия (службы), место работы, общественную группу, а также ответить на четыре вопроса об уровне грамотности и образования.

Религиозность как критерий политической (не)лояльности

В первых советских переписях вопрос о религии отсутствовал, причем в 1920 году на этом настоял сам В.И. Ленин. В первый и последний раз этот вопрос был включен в программу переписи в 1937 году, по приказу Сталина. В инструкциях счетчикам уточнялось, что речь идет об убеждениях индивида, а не официальной принадлежности к той или иной конфессии в прошлом; поэтому, в частности, дети младше 16 лет не должны были отвечать на этот вопрос.

Как объяснял в своих статьях начальник ЦУНХУ И.А. Краваль, целью этого вопроса было продемонстрировать успехи антирелигиозной кампании, проводимой советской властью. Религия была объявлена предрассудком и пережитком прошлого, который по мере приближения социализма становился все более маргинальным явлением. Небольшое количество верующих, выявленное в ходе переписи, должно было стать доказательством успешной модернизации советского общества.

Результаты переписи вызвали шок у советского руководства. Неверующими назвали себя только 42 миллиона человек, то есть 43% взрослого населения[62]. Пытаясь объяснить эти результаты, Краваль переложил вину на плохую, на его взгляд, антирелигиозную пропаганду. Кроме того, виноваты были и враги Советского Союза, которые вели агитацию, манипулируя самой косной, религиозной частью общества. По отзывам счетчиков, некоторые опрашиваемые записывались верующими под влиянием «очень отсталых» взглядов[63], а также уступая давлению со стороны жен и матерей[64].

Регистрация религии была связана с рядом проблем. Включение этого признака обсуждалось в 1910-е годы, но традиционно под этим понималась официальная принадлежность к тому или иному культу. В докладах счетчиков много говорилось о беспокойстве и страхе, который вызывал этот сложный и явно политический вопрос. Они отмечали также удивление и недоумение населения[65]. Вопрос воспринимался как призыв примкнуть к философским концепциям нового режима, чтобы засвидетельствовать тем самым свою лояльность. Одновременно часть населения увидела в нем возможность заставить власти отказаться от агрессивной антирелигиозной политики. Дело в том, что с середины 1930-х годов в этой области стало заметно некоторое «потепление». Принятие Конституции 1936 года было воспринято как «реабилитация» священников, которые впервые после революции были полностью восстановлены в гражданских правах. В этих условиях религиозные общины стали все чаще обращаться к властям с просьбами вновь открыть церкви[66]. В момент переписи 1937 года по стране ходили слухи о том, что, если окажется, что верующих много, правительство даст разрешение открыть храмы или даже построить новые[67]. При этом верующие не только опирались на Конституцию 1936 года[68], но и надеялись на вмешательство международных организаций, например Лиги Наций, которые смогли бы, ссылаясь на полученные статистические данные, надавить на советское правительство[69].

Тем не менее повсюду одновременно чувствовался страх быть опознанными, а затем наказанными как верующие. В Белоруссии жители боялись, что все, кого заклеймят как верующих, подвергнутся выселению и лишатся имущества. В Свердловской области распространились слухи, что верующих будут исключать из колхозов[70]. Жители Московской области считали, что верующим лучше уклониться от участия в переписи, иначе их причислят к кулакам и подвергнут соответствующему наказанию[71]. В других районах говорили, что старики, записавшиеся верующими, будут расстреляны, а молодежи перестанут

давать хлеб[72]. В Красноярском крае верующие боялись, что с них будут брать более высокие налоги, а детям запретят ходить в школу[73].

В пограничных районах Белоруссии вопрос о религии вызывал двойные опасения. На фоне советской пропаганды, готовившей население к войне, распространялись слухи, что те, кто запишется неверующим, будут расстреляны Гитлером, фашистами, поляками или японцами, когда те вторгнутся в Советский Союз[74]. В Логойском районе БССР родители заставляли своих детей записываться верующими, говоря им: «Если запишетесь неверующими, то будет плохо, когда придут поляки»[75]. Как в царское время, религиозная принадлежность продолжала восприниматься в качестве проявления геополитической лояльности, особенно в районах, граничивших с «врагами» СССР.

В рассказах счетчиков упоминались и внутрисемейные конфликты, которые в отдельных случаях, если один из членов семьи отказывался записаться верующим, могли даже привести к убийству[76]. В Червенском районе Белоруссии православный священник организовал крещение детей в момент проведения переписи[77]. Как и до революции, среди сектантов распространялись слухи о конце света и приходе Антихриста[78].

Хотя следующая перепись, состоявшаяся в 1939 году, не содержала вопроса о религии, часть верующих и тогда отказывалась участвовать в ней или пыталась отстоять свою религиозную идентичность, воспользовавшись вопросами о национальности и гражданстве. Так, один евангелист записал в графе «гражданство» «Христианское государство», а на вопрос о национальности ответил «верующий»[79]. Житель Смоленской области потребовал, чтобы в графе «национальность» было записано «баптист»[80]. В деревне Каменка одна из женщин на этот же вопрос ответила «верующая»[81]. Жители трех районов Крымской АССР попросили, чтобы им позволили ответить «верующие» на вопросы о национальности и гражданстве[82].

Национальное вместо этнического

В 1937 году вопрос о национальности – по сравнению с религией – казался относительно маловажным. После долгих споров выбор остановился именно на термине «национальность». При этом, однако, уточнялось, что ее не следует путать с религией, бывшим сословием или местом рождения. Национальность детей из смешанных семей устанавливалась не автоматически по матери, как в 1926 году, а по договоренности между двумя родителями[83].

В брошюрах, опубликованных к переписи, подчеркивалось, что респондентам должна быть предоставлена полная свобода выбора той или иной национальности. Возможность для советских граждан свободно определить свою идентичность противопоставлялась переписям в фашистских и капиталистических странах (прежде всего США), где расовую принадлежность человека устанавливал счетчик. В СССР запись происходила свободно, со слов индивида[84]. Во время переписи 1937 года респонденты сами определяли язык, который они считали родным; для детей, не умеющих говорить, родным считался язык их семьи[85].

Различие между этническим и национальным было теперь четко определено, о чем свидетельствовал переход от термина «народность» к термину «национальность». В 1934 году директор Института антропологии и этнографии И. Кошкин заявил, что списки языков и национальностей должны составляться в согласии с учением Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, то есть на основании не этнической, а национальной принадлежности[86]. Этот новый взгляд на советские национальности подразумевал иерархизацию – четкое разграничение национальностей (с их различными уровнями развития), этнографических групп, а также языков и диалектов.

25 января 1936 года в кабинете секретаря Совета национальностей А.И. Хацкевича были собраны все советские специалисты по национальному вопросу[87]. В связи с подготовкой переписи ученых попросили определить коли-

чество советских наций, национальностей, народностей, племен и языков, а также сделать то же самое отдельно для иностранцев, временно живущих на территории СССР или перешедших в советское гражданство[88]. Лица, относившиеся к данной категории, считались политически неблагонадежными и со второй половины 1930-х годов становились жертвами репрессий.

В 1937 году было введено еще одно новшество: вопрос о национальности задавался теперь всем респондентам, в том числе иностранным гражданам, что свидетельствовало об интересе режима к идентичности групп, живших по разные стороны границы[89]. Статистические категории отныне отражали административные. Вопрос о гражданстве (№ 7) касался всех, при этом граждане СССР должны были отвечать «советское»[90].

Сокращение списка советских национальностей

Сокращение по сравнению с 1926 годом количества национальностей, внесенных в перечень, объяснялось, по словам организаторов, глубокими изменениями, произошедшими в национальной конфигурации советского общества с середины 1920-х годов[91]. Эта трансформация объяснялась процессом растворения маленьких этнических единиц в более крупных и современных национальных ансамблях, имеющих в составе Советского Союза собственную территорию, письменность и политических представителей. Другими словами, СССР был отныне по-настоящему цельным государством.

Представляя результаты переписи 1926 года, этнографы поставили акцент на аккультурации путем сопоставления данных о языке и национальной принадлежности. В тот момент, однако, перечень народностей был расширен. В 1937 году статистики рассчитывали продемонстрировать процесс «слияния» всех народов в рамках коммунистического общества[92]. В Советском Союзе 1930-х годов под национальной консолидацией и слиянием народов подразумевалась ассимиляция, поощряемая режимом.

В 1937 году специалисты по национальностям сохраняли осторожность при разговоре о текущих процессах национальной интеграции. Тем не менее они разделяли убеждение, согласно которому исторические изменения ведут к постепенному объединению человеческих культур в более крупные ансамбли. Признавая важность выработки перечня, в каждом конкретном случае они задавались вопросом о том, является ли та или иная этническая группа самостоятельной национальностью или же ее следует включить в состав другой[93]. Они отмечали, что текущие изменения ведут либо к консолидации национальностей, либо к их возможному разделению. При этом они признавали свою неспособность заранее ответить на вопрос о возможном слиянии национальностей[94].

Для определения национальностей, подлежавших включению в перечень, использовался ряд принципов. Так, еще более отчетливо, чем в 1926 году, прозвучал отказ принимать во внимание религиозные различия. В результате езиды, кряшены, хемшилы были исключены из списка и отнесены, соответственно, к числу курдов, татар и армян. То же самое произошло с крайне малочисленными народностями или этнонимами, основанными на географических названиях. Цыгане, говорившие на таджикском, узбекском или армянском языках, были отнесены, соответственно к таджикам, узбекам и армянам[95]. Поступавшие в ЦУНХУ с мест просьбы о включении тех или иных народов в перечень почти не принимались во внимание. Так, представители Армении ходатайствовали о регистрации езидов как отдельной национальности, а Удмуртская АССР безуспешно добивалась того, чтобы бесермяне (как лица «татарского происхождения») рассматривались отдельно от удмуртов[96]. И напротив, вопреки сопротивлению грузин, аджарцы, имевшие собственную автономную республику, были включены в перечень национальностей[97].

В статье, опубликованной в 1936 году в печатном органе Совета национальностей, были перечислены признаки, позволявшие с уверенностью исключить ту или иную

группу из перечня советских национальностей[98]. Во второй половине 1930-х годов в Советском Союзе существовало официальное определение национальности. Речь шла об этнических группах, имевших собственную национальную территорию (республику, область, район или село) и/или собственную письменность (или четко определенный диалект) с собственным алфавитом и издательской деятельностью на данном языке. Перепись, таким образом, фиксировала принятые ранее советским правительством решения об административно-территориальном делении страны и институционализации тех или иных языков. Ингуши и чеченцы, в 1934 году объединенные в составе одной республики, были записаны чечено-ингушами. Названия некоторых административных единиц, группировавших ряд племен, окончательно превратились в имена национальностей. Так, если в перечне 1926 года названия «хакасы» и «ойраты» рассматривались как «неточные», то в 1937 году они фигурировали в качестве полноценных имен национальностей.

Этнографы объединяли разные национальности в одну группу, следуя существующему административно-территориальному делению. Курама и кипчаки были причислены к узбекам, а крымские ногайцы — к крымским татарам, так как они жили на одной с ними территории. Коми-пермяки и коми-зыряне были окончательно объединены в коми (у них были общие республика, язык и письмо), но затем, в последний момент, разделены в опубликованном ЦУНХУ списке[99]. Наконец, уйгуры, с 1921 года добивавшиеся статуса национальности и объединения с уйгурами соседней китайской провинции Синьцзян, в 1937 году были включены в заветный список.

В перечень, составленный ЦУНХУ для переписи 1937 года, вошли лишь 106 национальностей (напомним, что в 1926 году их было 196). В рубрике «прочие» значились, однако, 43 национальности[100], а среди «неточно обозначенных» — еще 14. Словарь национальностей включал более 820 терминов.

Получив последний вариант перечня в августе 1936 года, Совет национальностей с удовлетворением отметил, что он был составлен не методом «дробления», как раньше, а на основе «точного определения национальностей» (речь шла об определении, которое дал им Сталин в 1913 году)[101].

«Вредительская» перепись

В качестве одного из инструментов пропаганды перепись должна была продемонстрировать успехи социалистического строя, выявив большой прирост населения. В статье, опубликованной в «Правде» 29 апреля 1936 года, говорилось, что в Советском Союзе население растет гораздо быстрее, чем в западных странах, ставших жертвами кризиса 1929 года и «исторического провала» капиталистической системы[102]. В 1934 году Сталин оценил численность советского населения в 168 млн. При ежегодном темпе роста 2,2—2,3% к началу 1937 года это число должно было составить 180 млн. Однако перепись 1937 года учла лишь 162 млн человек. Эта цифра стала сигналом для начала чистки кадров в статистических учреждениях[103].

После 1926 года численность населения увеличивалась на 1% в год. Данные по ряду областей свидетельствовали о потерях, что объяснялось такими последствиями коллективизации, как голод и недоедание, в первую очередь на Украине и в Казахстане. В феврале 1936 года председатель СНК Казахской АССР У.Д. Исаев писал начальнику ЦУНХУ И.А. Кравалю о возможном сокращении численности казахского населения по сравнению с 1926 годом. Отнюдь не признавая в этом следствия коллективизации и принудительного перевода кочевников на оседлый образ жизни, он предупреждал главу ЦУНХУ о том, что существует риск, что казахи будут называть себя киргизами, то есть именем, которым их обозначали русские до 1925 года. Он просил уделить особое внимание правильной регистрации казахов, переселившихся в промышлен-

ные районы страны[104]. Та настойчивость, с которой в 1937 году различные правительственные инстанции требовали полного, исчерпывающего учета всех «националов», объясняется именно страхом перед возможным снижением численности населения.

Согласно данным переписи 1937 года, число казахов сократилось более чем на миллион[105]. Попытки правительства и казахского руководства объяснить этот факт недоучетом, вызванным проблемой с названием, либо происками японских шпионов, фальсифицировавших результаты переписи[106], не могли скрыть масштабов демографической катастрофы. Что касается украинцев, то их число сократилось более чем на 4,7 млн[107]. Даже если это снижение объясняется не только голодом 1932–1933 годов, но и нежеланием тех из них, кто жил на территории РСФСР, регистрироваться в качестве украинцев[108], объяснения, приводимые статистиками, не могли скрыть масштабов голода. Эти результаты свидетельствовали о настоящих демографических катастрофах, с особой силой обрушившихся на некоторые регионы и народы. Численность двенадцати из них (украинцев, казахов, мордвы, немцев, туркмен, мари, якутов, карелов, молдаван, бурят, калмыков, абхазцев) сократилась[109].

Обнародование этих цифр, ставивших под сомнение экономическую и национальную политику режима, быстро превратилось в важный политический вопрос. В ожидании решения Кремля цифры были засекречены. В конце марта были отстранены от должности и арестованы руководитель Бюро переписи населения ЦУНХУ О.А. Квиткин, его заместитель Л.С. Бранд и М.В. Курман, авторы записки Сталину и В.М. Молотову, в которой подробно объяснялись причины наблюдаемых в некоторых районах потерь населения. Затем репрессии обрушились на весь аппарат советской статистики, в том числе на местные органы. Наконец 25 сентября 1937 года было подписано и день спустя опубликовано в «Правде» постановление СНК, в котором организация переписи была признана «неудовлетворительной», а ее материалы — «дефектны-

ми». Тогда же на 1939 год была запланирована новая перепись. Органы статистики подверглись чистке, два главных организатора переписи 1937 года, А.И. Краваль и О.А. Квиткин, были расстреляны, и в атмосфере страха и паники началась подготовка новой переписи.

Перепись 1939 года и «решение» проблемы национальностей

Перепись 1939 года готовилась в чрезвычайно напряженной обстановке. В органах статистики не хватало персонала. На местном уровне проблематичным выглядело повторное привлечение инспекторов и счетчиков, занятых в 1937 году. Партийные и правительственные органы в подготовке переписи играли еще большую роль, чем в 1937 году. Подготовка населения к переписи осуществлялась, как настоящая политическая кампания. Речь шла о том, чтобы повторить усилия партии по мобилизации масс в связи с выборами в Верховный Совет в декабре 1937 года[110].

Основное внимание вновь сосредоточилось на проблеме подсчета населения. Как говорилось в одном из лозунгов того времени, никто не должен был уклониться от переписи. Впервые в постановлении о проведении переписи (опубликовано СНК 26 июля 1938 года) предусматривалась возможность привлечения к ответственности лиц, уклоняющихся от участия в переписи или дающих «заведомо ложные» сведения. В ряде отчетов с мест говорилось о случаях, когда отказ участвовать в переписи карался «двумя годами лишения свободы»[111].

При том что все связанные с переписью операции были предметом самого строгого контроля, организаторы подошли к учету национальностей на редкость «легкомысленно». Ответ на этот вопрос, занимавший седьмое место, был вновь оставлен на полное усмотрение респондентов. В то время как запись национальности в паспорте делалась на основе происхождения, организаторы переписи заявля-

ли, что целью переписи – в отличие от Германии – было отразить культурные идентификации населения СССР.

Демографические катастрофы 1930-х годов продолжали накладывать отпечаток на численность населения некоторых республик, и потому местные управления народнохозяйственного учета по-прежнему боялись обнародования этих цифр. В 1939 году сокращение числа украинцев и казахов по отношению к данным переписи 1926 года. было объяснено крайне просто – изменением терминов, использованных в переписном листе. В 1926 году регистрировалась народность, понимаемая как племенное происхождение, а в 1939 году респондент должен был назвать национальность, к которой он сам себя причислял. Поэтому можно было предположить, что лица, в 1926 году отнесенные к украинцам или казахам, в момент переписи 1939 года назвали себя, например, русскими, что привело к сокращению числа украинцев и казахов[112].

Начальник ЦУНХУ подчеркивал, что вопрос национальности не является проблемой: «У нас в Союзе это очень просто определить. У нас всем национальностям предоставлены государственные формы, одни национальности имеют области, другие республики... У нас есть легкий критерий. Все народности, получившие государственную форму, являются национальными»[113].

Тем не менее выработка перечня национальностей для новой переписи стала поводом для конфликтов и споров среди ученых. Сталкиваясь с нажимом со стороны государства в лице ЦУНХУ, настаивавшего на сокращении числа национальностей и сведении их к простому слепку с территориального устройства страны, ряд лингвистов и этнографов демонстрировали верность своим методам анализа и репрезентации этнических феноменов.

Перепись 1939 года привела к выработке новой классификации национальностей, в которой отразилось появление новой системы категорий и иерархий национального в СССР, напрямую восходившей к его институционализации.

«Долг каждого гражданина — пройти перепись...»

Перепись 1939 года была подготовлена в чрезвычайно сжатые сроки, ценой интенсивной агитационной кампании. В сотнях кинозалов демонстрировался фильм «Великий счет», из типографий вышло 3 млн брошюр и 2,5 млн плакатов. В одной Вологодской области показывалось три фильма о переписи, для проведения разъяснительных бесед были мобилизованы 15 913 человек, были распространены 8 тыс. экземпляров памятки, организованы 468 выставок...[114] В Ивановской области, к примеру, некоторые жители требовали, чтобы их переписали первыми, как во время выборов в Верховные Советы СССР и РСФСР[115]. В докладах счетчиков нередко упоминаются случаи, когда люди сами шли к счетчикам еще до начала операции[116]. Кампания проходила с таким размахом, что в Туркменистане и Киргизии отмечены случаи, когда детям давали имя Перепись[117].

Одной из целей официальной пропаганды было связать перепись с идеей государственной помощи. Отчеты свидетельствуют о том, что население действительно воспринимало перепись как инструмент распределения благ. Так, в Туркменистане распространялся слух, что лица старше 65 лет будут освобождены от налогов и получат пенсию, что привело к регистрации неестественно большого количества лиц этого возраста[118]. В большинстве случаев, однако, распределительная функция воспринималась скорее как угроза. Ходили слухи, что за переписью последуют пересмотр и отмена помощи многодетным семьям[119], что целью операции были введение карточной системы на хлеб[120] или подготовка к надвигающейся войне[121]. Некоторые люди считали, что перепись нужна, чтобы проникнуть в дома и отобрать у их обитателей все вещи[122], конфисковать одежду у женщин[123] или отрезать у них косы[124].

Один из плакатов призывал «не пропустить ни одного человека», а инструкции счетчикам и отчеты последних ставили акцент на эффективности охвата всего населе-

ния и всей территории страны в ходе переписи. Открытие неизвестных ранее поселений сопровождалось большой шумихой[125]. Лица, не имевшие справки о прохождении переписи, подлежали ей вновь.

Как и в 1937 году, советская печать готовила население к переписи. 27 июля 1938 года, на следующий день после подписания постановления о проведении этой операции, «Правда» провозгласила, что перепись подтвердит сталинскую оценку великих изменений, происходящих в стране, и продемонстрирует более высокие темпы роста населения, чем в Финляндии, а также быстрый рост доли городского населения[126]. В центре внимания, однако, стояла общая численность населения. В конце концов перепись выявила 170 млн человек; эта цифра была «исправлена» путем добавления к ней еще 5 млн[127].

Отношение населения к переписи нелегко охарактеризовать, несмотря на наличие большого количества отчетов и докладов счетчиков, часть из которых напрямую посвящена этому вопросу. В отчетах, разумеется, говорилось о хорошей подготовленности населения, его энтузиазме, отличном знании вопросов и приводились всевозможные истории, например о трудностях, с которыми столкнулась царская власть в 1897 году[128]. Упоминания слухов, связанных с переписью, свидетельствуют, однако, о страхе перед административными мерами воздействия и по-прежнему царящей путанице между переписью и административным контролем.

Жители Удмуртской АССР встречали счетчиков с документами в руках (паспортом, свидетельствами о браке и рождении)[129]. Было зарегистрировано много случаев бегства лиц, не имевших паспортов[130]. Перепись воспринималась как операция, схожая с паспортизацией. Самый, может быть, большой страх вызывал слух, что целью переписи было «закрепить» население. В Мурманской области и на Сахалине часть людей отказывалась регистрироваться в качестве постоянных жителей, боясь потерять возможность покинуть эти районы[131]. Жители Вологды считали, что целью переписи было определить, кто из

колхозников живет в городе меньше трех лет, чтобы отправить их назад в деревню[132]. В Таджикистане временные жители боялись, что за переписью последует их высылка[133]. В восприятии населения эта операция была связана с массовыми репрессиями. В Приморском крае инструктор, контролировавший ход переписи, объяснял, что многие жители, особенно жены арестованных, боятся быть высланными[134]. Жители украинской деревни Константиновкиа опасались, что всех евреев и поляков вышлют из СССР[135]. Той же участи боялись китайцы в Амурской области. Некий Мешков, бригадир, вел агитацию среди китайских рабочих, советуя им не давать правильных ответов счетчикам[136]. В Приморском крае, где за переписью 1937 года последовала депортация китайцев и корейцев, население считало, что на этот раз правительство вышлет всех подозреваемых и семьи арестованных[137]. В Крымской АССР ходил слух, что после переписи из Крыма вышлют всех украинцев и лиц других национальностей[138]. Жители Еврейской автономной области (Хабаровский край) боялись конфискации паспортов и массовой высылки за границу[139].

Национальность — непроблематичная идентичность

Как и в 1937 году, в переписи 1939 года интересующий нас вопрос был сформулирован с использованием слова «национальность». По словам В.Н. Старовского, руководителя Бюро переписи, на этом настояло руководство страны, в частности В.М. Молотов, подчеркнувший, что решение о смене термина «народность» термином «национальность» было принято исходя из необходимости точно определить национальность[140]. Кроме того, добавлял Старовский, существование большого количества национальностей было на руку «буржуазным националистам»[141]. В целом подход к проблеме этничности во многом напоминал 1937 год, но теперь была выработана иерархия национальностей.

Как и двумя годами ранее, в инструкциях к переписи неоднократно подчеркивалось, что при записи ответа на этот вопрос следует исходить из самоопределения респондентов. Старовский противопоставлял такое уважение к самоопределению регистрации, осуществляемой на основе расы и происхождения: «Будучи по крови негром, человек воспитывался в таком обществе, на таком языке и культуре [так в тексте], что он будет называть себя русским, хотя цвет кожи у него черный, и в этом ничего неправильного не будет»[142].

Как объяснял Старовский, перепись 1926 года подверглась критике за то, что в ней отчасти учитывалось происхождение, так как национальность детей из смешанных семей определялась по матери[143]. Только самоопределение могло отразить психологический аспект, общность культуры[144]. Национальная принадлежность означала идентификацию с определенной культурой и нацией[145].

Как упоминалось выше, в 1939 году было подписано постановление, предусматривавшее санкции в отношении лиц, отказывавшихся участвовать в переписи или отвечавших заведомо неправильно, но, как напоминал Старовский, в случае определения национальности правильность ответа проверить было нельзя. Статистики обратились к правительственной комиссии, возглавляемой Молотовым, с вопросом о том, что делать, если респонденты, например поляки, будут скрывать свою истинную национальность. Было решено не исправлять ложные сведения и не проверять информацию по документам. Старовский, однако, признавал существование риска, что часть поляков, немцев или японцев скроют свою национальную принадлежность[146].

В 1939 году счетчикам были даны особенно подробные инструкции. Так, например, услышав собирательное название «остяк», счетчики должны были спросить у респондента, как на его языке будет «олень», «нож», «дом»[147]. Таджики, как и другие народы Средней Азии, часто определяли себя по названию местности. В этом случае рекомендовалось задать им дополнительный вопрос о нацио-

нальности[148]. Особые усилия были направлены на то, чтобы отличить «ирани» от иранцев[149]. В отношении первой группы, насчитывавшей около 10 тыс. человек, следовало задавать вопрос: не являются ли они потомками беженцев из Мерва?[150] Что касается жителей Камчатки, камчадалов, то было решено отличать русское население от автохтонного (ительменов). С этой целью был составлен список из восьми деревень, где встречались «настоящие камчадалы, или ительмены»; жители остальных населенных пунктов, пусть и называвшие себя камчадалами, считались русскими[151]. Подобная точность свидетельствовала о большом опыте, накопленном еще в период проб и ошибок, пришедшийся на 1920-е годы. Даже если респонденты продолжали определять свою национальность, пользуясь местными этнонимами, счетчики считали себя вправе вносить поправки, задавая дополнительные вопросы или напрямую исправляя сведения в переписном бланке[152]. Во время подготовительных заседаний было решено, что респондент должен сам определять свою национальность, но в инструкциях уточнялось, что счетчик может «помочь» ему в этом. Заметим также, что гражданство иностранцев устанавливалось либо устно, либо по паспорту[153].

«Консолидация наций»

В переписи вновь был поставлен акцент на процессах консолидации национальностей. Это выразилось, например, в объединении татов в одну группу. Представители этого ираноязычного народа традиционно делились, в соответствии с исповедуемой религией, на татов-мусульман, татов-христиан и татов-иудеев (часто называемых «горскими евреями»)[154]. Уже в 1937 году Совет национальностей призвал обратить особое внимание на регистрацию татов[155]. В 1939 году таты были включены в перечень национальностей[156]. В Баку в ходе переписи было немало случаев, когда респонденты называли себя «горскими

евреями», а счетчики записывали «таты». Со своей стороны руководство Дагестанской АССР призывало обратить внимание на уровень развития татского народа, имевшего собственную письменность, литературу и школы с преподаванием на родном языке[157]. Были объединены и некоторые другие национальности, особенно в Сибири. Так, эвенки и эвены были сгруппированы под именем тунгусов[158]. Наиболее ярко тенденция к «консолидации» национальностей проявилась в случае таджиков. Несмотря на сопротивление Узбекистана, выступавшего против включения в число таджиков ряда других народов, в частности памирских[159], таджикская национальность была «укреплена» заметным образом, следуя принципам не общего происхождения или языка, а географической близости. Так, присоединение ягнобцев (ягноби) к таджикам было обусловлено стремлением вывести из изоляции жителей долины реки Ягноб, к которой была проложена большая дорога. Интеграция этой территории обсуждалась исключительно в институциональных терминах. На заседании в Институте языка и письменности Академии наук этнограф Петросян выступил против регистрации ягнобцев как отдельной национальности, несмотря на то что он сам признавал автономию их языка и народности. По его мнению, надо было учитывать не только научный аспект проблемы, но и политику, которую следовало вести в отношении этой затерянной в горах группы. Признание ягнобского языка самостоятельным грозило усилить обособленность этой общины[160]. Этнографы оправдывали включение таких народов, как ягнобцы или язгулямцы (язгуломи, язгуломцы), в состав таджикского этноса их двуязычием и обучением их на таджикском[161].

Следуя той же логике, сарты-калмыки были отнесены к киргизам. Потомки калмыков, переселившихся на территорию Киргизии, они, по мнению авторов перечня, почти полностью растворились в окружающем киргизском населении. Преподавание в их школах велось на киргизском, а на калмыкском говорили только старики. Молодежь сохраняла лишь осознание своей принадлежности к сартам-калмыкам и соответствующее самоназвание[162].

Этот перечень наглядно свидетельствует о разрыве с концепцией национальности, характерной для 1926 года. Проблема происхождения (и самоопределения в случае маленьких народностей, призванных ассимилироваться) осталась теперь позади. В конце 1930-х годов процессы аккультурации, как считалось, должны были повиноваться принципам административной организации территорий.

Такое понимание, разумеется, разделялось не всеми специалистами по национальностям, но оно неизменно присутствовало в политическом дискурсе, воспевавшем успехи слияния народов СССР[163].

Этнографы проявляли особый интерес к изучению малоизвестных народов, например советских арабов. Но еще больше их увлекала идея организовать учет малочисленных народностей, живших по обе стороны границы. К этой категории относились, например, уйгуры. Они были включены в переписи 1937 и 1939 годов (но не 1926 года). Что касается ряда народов Таджикской ССР (шугнанцев, ваханцев и др.), то — несмотря на «интенсивный процесс ассимиляции» — вначале предполагалось регистрировать их отдельно, так как они жили и за пределами СССР, в Афганистане[164].

Признание правительственными органами административного статуса за той или иной национальностью играло еще большую роль, чем в 1926 и 1937 годах. Так, руководству Чечено-Ингушской АССР было предложено самостоятельно решить, регистрировать ли отдельно ингушей и чеченцев. Решение относительно энцев и нганасанов казалось очевидным, так как они имели собственный национальный округ и представителей в Совете национальностей[165]. На выделении бесермян из числа удмуртов или коми-пермяков в Коми АССР настаивали местные руководители, ссылаясь на наличие у них собственных национальных округов[166].

Советское государство имело теперь устойчивые формы, и существование национальных меньшинств было закреплено серией административных мер, обеспечивавших им территориальные и языковые права. Советские

народы (а точнее, территории), выстроенные иерархически, в соответствии со своим административно-территориальным статусом, пользовались правом на политическое представительство в государственных органах, определяемое пропорционально их численности, что было закреплено в Конституции[167]. В основном законе содержался также список территориальных единиц СССР, причем некоторые из них могли носить имя той или иной национальности. Подчас именно в этом списке видели настоящий перечень советских национальностей[168].

Тем не менее в 1939 году произошел конфликт между этнографами, привыкшими считать, что им принадлежит право принимать решения о научном существовании той или иной национальности, и статистиками, ставившими во главу угла административное деление. Этот конфликт с особой яркостью проявился в случае Дагестана. Как объяснял этнограф Б.М. Гранде, несмотря на принятое в 1926 году решение правительства о делении различных групп, он составил перечень национальностей без учета этих политических решений[169]. Его коллега Петросян, напротив, отмечал, что официальные документы в Дагестане издаются на восьми языках и что кумыкский язык получил официальное признание, как о том свидетельствует постановление Верховного Совета[170]. При повторном обсуждении этого вопроса этнограф Черняков напомнил, что кумыки живут в разных административных районах Дагестана, на что один из коллег возразил ему, что это не имеет значения для вопроса о внесении их в перечень национальностей[171].

ЦУНХУ, травмированное чистками 1937 года, стремилось отразить в переписи 1939 года административные реалии страны. Руководство и сотрудники управления неоднократно призывали порвать с перечнем 1937 года и определенной традицией этнографических исследований. Смысл просьбы, направленной ими в Академию наук, был предельно ясен. Речь шла о том, чтобы, следуя распоряжению В.М. Молотова, не только составить перечень национальностей, но и разработать их классификацию, выделив несколько уровней[172].

В 1926 году Политбюро предлагало, чтобы в вопросе о национальности использовалось три понятия — «племя», «народность», «нация», — но это пожелание не было учтено. В 1939 году на заседаниях, посвященных подготовке переписи, Старовский объяснял статистикам, что регистрация национальностей должна опираться на сталинское определение нации. Он, в частности, несколько раз сослался на слова из сталинского доклада о проекте Конституции 1936 года, согласно которым в СССР жили «около 60 наций, национальных групп и народностей». Это означало, что отныне советские национальности следовало распределить по этим трем категориям, ограничив при этом их общее количество. Еще до проведения переписи, таким образом, руководители ЦУНХУ «знали», что она выявит около 60 национальностей[173].

Иерархия советских национальностей

Поиск в сталинских текстах определений для понятий национальности, национальной группы и этнографической группы шел уже не первый год, и Б.М. Гранде как сотрудник Института национальностей в нем участвовал. В статье, подписанной инициалами А.Б. и опубликованной в 1934 году в печатном органе Совета национальностей, была сделана попытка определить понятия народа, нации, национальности, народности, национального меньшинства и расы. Отталкиваясь от сталинского определения нации, автор статьи выстраивал иерархию и объяснял, что если любую нацию можно было назвать национальностью, то обратное было неверным[174]. Новая классификация опиралась на систему определений, ключом для которой служило определение нации. Этот подход отражал взгляды советского руководства. Национальность рассматривалась как группа, не отвечающая всем выделенным Сталиным признакам нации. Такая теоретическая работа стала возможной благодаря выходу в 1934 году сборника статей и докладов Сталина о нацио-

нальном вопросе. В феврале 1922 года Сталин, в частности, упомянул неустойчивые «национальные группы», национальные меньшинства, проживающие внутри компактного национального большинства. В качестве примера он назвал латышей, эстонцев, поляков и евреев[175]. В 1925 году, выступая в Университете трудящихся Востока, он также охарактеризовал свое видение иерархии национальных категорий в Советском Союзе[176]. На протяжении 1930-х годов эти сравнительно расплывчатые определения перерабатывались этнографами, пытавшимися подстроиться под них.

Институт этнографии Академии наук работал над собственной, социалистической классификацией народов, которая могла бы соперничать с традиционной системой, основанной на генеалогическом принципе. Этот принцип подвергался острой критике со стороны советских ученых, которые связывали его с расистскими теориями и нацистской пропагандой. Что касается советской классификации, то она исходила из сталинского понимания нации.

Готовясь к переписи 1939 года, Институт этнографии представил научный, на его взгляд, список национальностей, основанный на делении на нации, национальные группы и народности[177]. Предложенная институтом классификация включала в действительности четыре категории. Статус нации имели народы, составлявшие большинство в союзных и автономных республиках. К народностям были отнесены народы, населявшие автономные области и национальные округа, а также некоторые народы, жившие компактно и имевшие собственную письменность. Так называемые национальные группы образовывали те народы, которые сегодня называют диаспорой, то есть жившие в основном за пределами СССР, но образовывавшие на советской территории национальное меньшинство. По их поводу говорилось, что их подсчет не претерпел каких-либо изменений. Наконец, к четвертой категории, именуемой «этнографической группой», были отнесены оставшиеся национальности, большинство сре-

ди которых составляли «остатки различных племен»; число народов этой категории должно было подвергнуться сокращению.

Противники критиковали этот список за недостаточно научный характер: национальности были выстроены в нем исходя не из определения нации, а из факта существования автономных республик, областей или просто многочисленности той или иной этнической группы[178]. Выступая в защиту списка, один из этнографов института, Кисляков, заявил, что прежде, чем создать национальные районы и автономные республики, партия и правительство, несомненно, хорошо подумали. Административная иерархия имела под собой научное обоснование, так как она была разработана коммунистическим режимом, стремившимся руководить страной с опорой на науку. С едва скрытой угрозой Кисляков заметил, что об этих вопросах не следует говорить с иронией[179]. Взятый за основу Старовским принцип точного соответствия между административным и научным определением национальности был одобрен и взят на вооружение рядом этнографов.

На практике, однако, вставал вопрос о том, как распределить национальности по указанным выше категориям. Институт языка и мышления (ИЯМ) АН СССР с самого начала выразил нежелание брать на себя эту работу. Во время особенно бурного заседания в отделении гуманитарных наук Академии наук директор ИЯМ И.И. Мещанинов объяснил, что возглавляемый им институт категорически против этой классификации и готов представить только простой алфавитный список национальностей[180]. Несогласие ИЯМ вызывали как навязанное статистиками ЦУНХУ требование сократить список до 60 народов, так и предложенные Институтом этнографии принципы классификации.

После долгих дебатов Президиум АН СССР одобрил два перечня: алфавитный, включавший свыше 155 национальностей, и список, состоявший из трех групп (нации и национальности, национальные меньшинства и этно-

графические группы). Эти перечни были направлены в Совет национальностей, причем второй был представлен с большими предосторожностями. В сопроводительном письме Президиуму Совета говорилось, что деление советских национальностей на три группы было сложной проблемой и требовало официального согласования[181].

Эта новая классификация, использовавшаяся затем вплоть до распада СССР при любом упоминании национальностей, порывала с «классической» лингвоэтнографической наукой. Ее смысл заключался в том, чтобы воплотить видение государства, построенного на идее признанных национальностей, осужденных национальностей и опасных национальностей.

Новая категория: потенциально враждебные национальные меньшинства

В ходе подготовки переписи 1939 года возникла новая категория национальностей, список которых, согласно распоряжению ЦУНХУ, не подлежал сокращению[182]. В поисках варианта, который соответствовал бы использованному Сталиным в 1921 году выражению «национальная группа или национальное меньшинство», было предложено несколько формулировок определения этой группы. В составленном Институтом этнографии списке национальностей речь шла о «национальных группах», под которыми подразумевались народы, «проживающие в основной массе за пределами Советского Союза» и внутри СССР составляющие «национальное меньшинство», рассеянное внутри компактных массивов других национальностей[183]. Термин «национальное меньшинство», который в 1920-е годы использовался в отношении любой группы, на данной территории уступавшей по численности другим народам, отныне применялся только по поводу диаспор.

В проекте перечня они представали в качестве национальностей, имеющих государственное образование вне

Советского Союза[184]. В окончательном варианте перечня, утвержденном Президиумом Академии наук, эта категория именовалась следующим образом: народы, живущие на территории СССР в небольшом количестве и в основной массе проживающие на территории иностранного государства. В этот список были включены лишь те народы, которые, даже будучи связанными лишь отчасти и в небольшой мере с Советским Союзом, видели в нем свою родину[185]. Наконец, в перечне, переданном в Президиум Верховного Совета, национальные группы фигурировали под именем «национальные меньшинства» — это означало, что в СССР они нигде не образовывали основу национальной административно-территориальной единицы (республики, автономной области или национального округа)[186]. В эту категорию были включены не лица различных национальностей, принявшие советское гражданство (например, политические беженцы), а лишь этнические группы, жившие на территории страны с дореволюционных времен и порой имевшие собственные национальные советы.

Использование новой категории было сопряжено с трудностями, так как в момент создания Советского Союза ее не существовало и часть отнесенных теперь к ней народов имели национальные образования, например немцы (АССР немцев Поволжья).

Выделение этой категории силами статистиков и этнографов воспринималось как их участие в репрессивных операциях тех лет. Так, руководитель статистического бюро Ленинграда и Ленинградской области был удивлен появлением категории «национальные меньшинства». По его мнению, такая классификация не имела смысла из-за того, что подобные народы могли иметь национальные районы и сельсоветы. А главное — согласно советской Конституции и закону о гражданстве в СССР не могло делаться различий между национальностями исходя из наличия у них государственных образований за рубежом[187].

Так оказались заклейменными в качестве национальных меньшинств народы, с давних времен жившие на терри-

тории российского государства. Отныне в результатах переписи народы, имевшие национальное государственное образование вне пределов СССР, стали составлять особую группу. Особой была и политика режима в их отношении.

Шестьдесят советских национальностей

Перечень выглядел вначале простым слепком с иерархии территорий и народов СССР, причем только первые две из выделенных в нем групп служили основой для административно-территориальной структуры государства. На практике, однако, оказалось, что поместить все национальности в эту классификацию невозможно. Тогда была создана четвертая категория и признано, что в силу своего многообразия национальный состав СССР сложно вместить в первоначально избранные рамки[188]. В четвертую группу, подлежавшую частичному сокращению, должны были войти своего рода пережитки прошлого. Представляя перечень, ЦУНХУ охарактеризовало эту группу как состоящую из неконсолидировавшихся народов, которые, хотя и жили компактным образом на определенной территории, не формировали ни в СССР, ни за его пределами национальное государственное образование. Как считалось, в эту группу входили малочисленные народы[189]. В случае этих маленьких этнографических единиц все должно было решить будущее: их ожидала либо «консолидация», либо «ассимиляция». В отсутствие государственного образования внутри или вне СССР они были обречены на исчезновение.

Тем не менее включение в четвертую группу большого количества национальностей, которые могли быть объединены под более общими названиями (северные народности, народности Дагестана), не позволило полностью сократить список национальностей. Даже в таком виде он не до конца соответствовал сталинскому заявлению, ведь в него входило 90 национальностей.

Этот факт не ускользнул от этнографа Чернякова. Он вновь привлек внимание к словам Сталина, прозвучавшим в докладе о проекте Конституции. Используя в качестве примера испанских беженцев, испанцев и басков, он объяснил, что, даже если в настоящий момент они находились на территории СССР, эти народы не входили в число советских национальностей. Точно так же поляки, несмотря на свою многочисленность (700 000, согласно переписи 1937 года), не имели больше национальной автономии (автономной республики или области) и не входили в национальный состав СССР[190].

Следуя этой логике, перечень должен был определять полностью советские национальности, то есть, если использовать сталинский термин, те, которые «входят» в Советский Союз и имеют соответствующий территориально-административный статус. Высшие органы центральной государственной власти решали, какой народ может войти в СССР, и, пользуясь правом ликвидировать административный статус тех или иных народов, могли ликвидировать сами народы, как это произошло в отношении «наказанных народов» в годы Второй мировой войны.

В эпоху репрессий против целых народов и в условиях, когда советское гражданство не защищало от преследований, часть населения, со своей стороны, попробовала на основе этничности по-новому определить свою принадлежность к государству[191]. Так, в 1939 году часть советских греков, подвергавшихся репрессиям, постаралась использовать перепись, чтобы записаться выходцами из Греции — в надежде получить таким образом разрешение на выезд из СССР[192].

В Советской энциклопедии 1939 года «национальность» имела два определения: как принадлежность к нации (как уточнялось, речь шла об определении из области публичного права) и как то, что связывало индивида с государством в международном праве[193]. Это различие действовало лишь отчасти. В 1938 году в рамках международного права иранцам и китайцам удалось спастись от депорта-

ции, объявив себя подданными Ирана или Китая и согласившись переселиться туда[194]. Паспортизация пограничных зон в конце 1930-х годов позволила сократить количество людей, чья связь с государством оставалась еще неустойчивой.

В те годы характерный для международного права подход, различавший этническую и государственную принадлежность, был полностью поставлен под сомнение, прежде всего под влиянием требований о пересмотре границ, поступавших от фашистских государств и их союзников. Гитлеровская Германия намеревалась пересмотреть весь мировой порядок, объединив «немцев» в составе рейха и перекроив карту Европы согласно иерархии рас. Со своей стороны, советское руководство приступило к массовым репрессиям против представителей отдельных национальностей, чья лояльность в случае возможной войны внушала сомнения. При этом как советские государственные деятели, так и ученые прикладывали значительные усилия, чтобы подчеркнуть свое отличие от нацистов и их расовой политики[195]. Во время Большого террора не выносилось приговоров на основании того, что тот или иной человек был поляком или немцем. В обвинении речь шла о принадлежности к террористической организации, связанной с иностранным государством, и это отличало сталинские репрессии от гитлеровского геноцида[196]. Советские деятели продолжали подчеркивать, что в СССР национальность определяется как чувство принадлежности и что наказанию подлежит только политическая связь с другим режимом. «Превентивные» операции в отношении населения пограничных районов, со всем их насилием[197] и радикальностью, были частью общего страха перед враждебными национальностями — страха, которого не избежали и демократические режимы с началом войны. Напомним, например, что в США после 1941 года были интернированы американские граждане японского происхождения.

Возврат к мерам этнической дискриминации в поисках ответа на внутреннюю и внешнюю напряженность

представляет собой одно из самых тяжелых наследий 1930-х годов. Эта политика не может не заставить вспомнить действия царского режима, стремившегося управлять страной, опираясь на этническую иерархизацию. Вторая мировая война принесет с собой усиление этой тенденции, что выразится, в частности, в коллективном «наказании» целых народов за сотрудничество с врагом и в поощрении русского патриотизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Институционализация конфессиональных и национальных сообществ и репрессии против меньшинств стоят в центре русского и советского исторического опыта. С этой точки зрения он является типичным выражением исторического периода, на протяжении которого начиная с XVIII века шел процесс «национализации» государств и параллельной «этнизации» населения. Это глубокое переустройство, о котором свидетельствовало распространение новой, этнической системы категорий, тесно связано с секуляризацией российского, а затем советского общества и стремлением модернизировать страну сверху. В этой книге мы постарались восстановить сложный ход связанных с идентичностью процессов, которые сделали возможной эту эволюцию.

Представленный здесь анализ современного определения национальности, основанного на идентичности, опирался на изучение неопубликованных источников, до сих пор редко привлекавших внимание исследователей. Архивы позволили нам восстановить палитру мнений действующих лиц этой истории, как самых заметных, так и тех, кто обычно остается вне поля зрения историков: политических лидеров и местных администраторов, ученых и простых подданных императора или советских граждан.

Отталкиваясь от истории людей, населявших Российскую империю и Советский Союз, эта книга позволяет лучше понять то, что мы наблюдаем сегодня в России и других регионах мира: (само)определение индивидов на основе одной, недвусмысленной этнической принадлежности.

Целью этого исследования было также внести вклад в критическую историю современности, антидемократический характер которой, как считается, проявляется во всевластии экспертов и триумфе технического знания, а также в административном управлении населением[1]. Некоторые ученые используют этот подход, родившийся в ходе размышлений о тщательно спланированном уничто-

жении евреев в нацистских лагерях, для изучения новых объектов, обращаясь, в частности, к методам и инструментам, сделавшим массовые преступления возможными. Именно эта цель руководила нашей работой по изучению процессов идентификации индивидов. Она связана и с тем течением в историографии, которое стремится оценить вклад научных теорий и самих ученых в функционирование авторитарных режимов (а значит, тем самым и определить их долю ответственности). Мы показали, в частности, как категории научного анализа постепенно были поставлены на службу государственной пропаганде и репрессиям.

Наконец, эта книга обращается к вопросу сравнения нацистского и советского режимов. Движимые стремлением объединить всех «немцев» внутри рейха и перекроить Европу на основе иерархии рас, нацисты постарались реорганизовать международный порядок, следуя принципу этнической и расовой принадлежности[2]. Со своей стороны, СССР осуществил ряд операций по переселению различных групп населения и этнических чисток. Означает ли это, что, депортируя народы (прежде всего, в годы Второй мировой войны), Советский Союз следовал логике геноцида?

Одной из задач этого исследования было показать различия между нацистским и советским определением национальности. Выбранная нами долгосрочная историческая перспектива также заставляет усомниться в целесообразности сравнения двух режимов. Дело в том, что ряд черт, рассматриваемых в качестве типичных для сталинского режима и кровавой истории XX века, оказываются на поверку наследием царской России. Дореволюционных реформаторов и большевистских лидеров объединяли вера в разум и прогресс и стремление положить в основу развития страны науку и рациональные методы управления населением. Хотя в советское время репрессивное управление, опирающееся на зыбкую социальную и национальную стратификацию, приобрело невиданный размах, само по себе оно не было уникальной особенностью это-

го периода. Идет ли речь о становлении — в начале 1920-х годов — социальной иерархии, напоминавшей сословную систему, или же о депортации целых народов в 1930-е годы, — мы наблюдаем преемственность между этими методами и имперским опытом[3]. Кроме того, мы хотели установить, какую в действительности роль играли научные элиты в развитии технологий контроля и надзора за населением. На страницах этой книги приводилось немало примеров того, как ученые отказывались участвовать в государственной пропаганде, защищая свой подход к осмыслению социальных явлений[4]. И, наконец, последний элемент, заставляющий поставить под сомнение тоталитаристское прочтение советской истории: как мы показали, национальные меньшинства и их представители играли чрезвычайно важную и активную роль в истории управления национальностями. Их требования, бунты и своеобразные переговоры с Центром отчасти объясняют многообразие мер, принимавшихся властями.

Наряду с дебатами о целесообразности сравнения нацистского и советского режимов и их «тоталитарного» измерения другим направлением нашего исследования было включение имперского и советского опыта в колониальную и постколониальную историю. Постоянная отсылка к европейским практикам управления туземным населением, подключение местных элит и борьба с традиционными культурами оправдывают подобное сближение. Антиимпериалистическая и антиколониальная риторика, развиваемая Советским Союзом, играла важную роль в 1920-е годы, когда в рамках борьбы с унаследованным от прошлого неравенством и расизмом был принят ряд мер по позитивной дискриминации («positive actions»). Тем не менее зачастую за ними скрывались реалии, которые были близки к политике, проводимой европейскими колониальными империями. Так, стремление к модернизации, не только экономической, но социально-культурной, а также лозунг советизации отсылают нас к колониальным практикам 1920-х годов, направленным на приобщение туземцев к «цивилизации».

Мы поставили здесь точку в момент начала Второй мировой войны. Но история деления советского населения на категории в соответствии с национальной принадлежностью отнюдь не останавливается на конце 1930-х годов. Иерархия советских народов, разумеется, останется без изменений вплоть до краха СССР, и национальность будет определяться происхождением. В годы войны, однако, методы, опробованные в 1930-е годы в ходе репрессий против представителей «враждебных» национальностей, применялись в невиданных доселе масштабах. Несмотря на постоянный акцент на отличиях от германской расистской идеологии и напоминания, что в СССР национальность рассматривается прежде всего как чувство нашей культурно-языковой принадлежности, на практике советский режим приступил к массовым репрессиям против представителей народов, в преданности которых он не был уверен в условиях потенциальной войны. Этническое происхождение стало настоящим клеймом, носители которого, независимо от пола и возраста, были обречены на депортацию с началом гитлеровского вторжения в Польшу в сентябре 1939 года[5]. После нападения Германии на Советский Союз в 1941 году репрессии рассматривались как превентивная мера против тех, кто, как подозревалось, мог предать Красную армию и перейти на сторону немцев или их союзников. Кроме того, с 1941 года за «плохое» поведение в условиях войны наказанию подвергались целые народы. Так, было внезапно депортировано 1,4 миллиона советских немцев, а их национальная автономия ликвидирована. Та же участь постигла карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкар, крымских татар, подвергшихся коллективному наказанию за «сотрудничество» с врагом. Они были депортированы в чрезвычайно жестоких условиях, а их национальные образования уничтожены. Депортация применялась в отношении всех представителей этих народов, без каких-либо различий: так, в случае немцев указывалось, что ей подлежат даже члены партии, комсомола и красноармейцы[6]. Мишенью репрессий были не только люди, но и коллективная

личность. «Наказанные народы» теряли статус советской национальности. Идея создания государства, основанного на институционализации национальностей, получала логическое завершение с возможностью вычеркнуть из списка одну из национальностей. Ликвидация автономной территории и ее органов управления означала исчезновение определенной культуры, истории, языка.

В момент оттепели эти депортации сыграли важную роль в определении природы и «перегибов» сталинского режима[7]. Тем не менее лишь с развалом СССР и принятием закона о «реабилитации репрессированных народов» (1991) преследования людей по национальному признаку стали предметом исторических исследований, а их квалификация как преступлений была закреплена юридически[8].

Мы не будем обсуждать здесь вопросы исторической памяти, связанной с этими репрессиями, в частности в странах Восточной Европы и в бывших советских республиках. Отметим только, что в Российской Федерации эта память наложила отпечаток на определение личных идентичностей. Статья 26 Конституции РФ гарантирует каждому индивиду право свободно определять свою национальную идентичность; при этом идея ее определения на основе происхождения была отклонена, вслед за международными организациями, считающими такой подход дискриминационным[9].

В то же время в посткоммунистический период национальность остается важной категорией, по-прежнему связанной с идеей защиты прав национальных меньшинств и наличия у них территориальных образований. Россия является федерацией, а ее народ именуется «многонациональным». Включение в перечень национальностей сохраняет все свое символическое и конкретное значение для меньшинств, стремящихся защитить свое существование путем институционализации[10].

Тем не менее современная Россия отличается от Российской империи и Советского Союза. В 1991 году Б.Н. Ельцин пришел к власти, выступая от имени российского народа и русской нации в особенности. С исчезновением

СССР формирование государства-нации, разумеется, многоэтнического, но с доминированием русских, стало восприниматься как ключ к предстоящей модернизации. Широко распространилась идея, согласно которой интересы русских в прошлом ущемлялись, а права защищались хуже, чем национальных меньшинств. Как это часто бывает в постколониальном контексте, с потерей имперского статуса страна замкнулась на себе. Так, законы о гражданстве, в 1990-е годы бывшие относительно благоприятными для выходцев из СССР, в последующий период были сильно ужесточены (тем более, что двойное гражданство запрещено)[11]. Русский национализм постоянно усиливается, и современный контекст во многом напоминает эпоху конца Российской империи. Лозунг о неделимости и единстве государства, провозглашенный в Основных законах 1906 года, стал как никогда актуален в России времен президента В. Путина и его партии, выбравшей для себя имя «Единая Россия». Единство страны как императив было закреплено в Конституции и послужило оправданием для кровавых войн в Чечне. В наши дни традиция государственной ксенофобии вновь дает о себе знать, встречая порой благосклонный прием среди населения. Ее жертвами становятся в первую очередь чеченцы, но не только, как об этом свидетельствуют, например, принятые недавно меры контроля в отношении грузинского населения России. Современная Россия отчасти остается империей, основой которой является русская народность, господствующая над другими, и националистическая идеология. Место нерусских народов в этим здании остается уязвимым. Нельзя не отметить и то, насколько неудачным оказывается часто используемое историками противопоставление государства-нации и империи как двух конкурентных исторических форм. Оно не соответствует не только русской истории, в которой империализм и национализм всегда были тесно связаны, но и всей истории XX века, на протяжении которой крупнейшие государства-нации представляли собой одновременно и колониальные империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] Цитата приводится в переводе Натальи Ман: *Рот Й.* Марш Радецкого / Пер. с нем. М., 2000.

[2] См., прежде всего, работы Н.Ф. Бугая, Л. Гатаговой, П. Поляна, Терри Мартина, Джереми Смита и Франсин Хирш.

[3] *Pipes R.* The Formation of the Soviet Union. Cambridge; London: Harvard University Press, 1997; *Carrure d'Encausse H.* Le Grand Défi: Bolcheviks et nations, 1917–1930. Paris: Flammarion, 1987; *Roy O.* La Nouvelle Asie centrale ou la fabrication des nations. Paris: Éditions du Seuil, 1997.

[4] *Slezkine Yu.* The Soviet Union as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. 1994. № 2. P. 415–452 (рус. пер.: *Слезкин Ю.* СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001. С. 329–374).

[5] *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005; A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Soviet Union / T. Martin and R.G. Suny (Eds.). New York: Oxford University Press, 2001.

[6] Связь между двумя периодами утверждалась лишь в немногих работах: *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя: Возникновение. Развитие. Распад / Пер. с нем. М.: Прогресс–Традиция, 1997; *Holquist P.* To Count, to Extract, to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Soviet Union / Ed. T. Martin, R.G. Suny. New York: Oxford University Press, 2001. P. 111–144.

[7] За последние пятнадцать лет появился ряд замечательных монографий, посвященных истории отдельных регионов в царский период. См. работы Л.Е. Горизонтова, А. Миллера, Т. Викса (Theodore Weeks), Р. Джераси (Roger Geraci), В. Сандерланда (Willard Sunderland), П. Верта (Paul Werth), В. Мартин (Virginia Martin), М. Ходарковского (Mikhael Khodarkovsky), Ю. Слезкина (Yuri Slezkine), А. Халиба (Abeed Khalib), О. Джерсилд (Austeen Jersild), П. Броуэра (Paul Brower), Б. Натанса (Benjamin Nathans).

[8] *Smith J.* The Bolsheviks and the National Question. London; New-York: Macmillan Press–St Martin's Press, 1999.

[9] *Baberowski J.* Der Feind ist überall. Stalinismus im Kaukasus. Munich: DVA, 2003; *Buttino M.* La rivoluzione capovolta. L'Asia centrale tra il crollo dell'

impero zarista e la formazione dell'URSS. Napoli: L'Ancora del Mediterraneo, 2003; *Edgar A.L.* Tribal nation. The Making of Soviet Turkmenistan. Princeton: Princeton University Press, 2004; *Haugen A.* The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia. New York: Palgrave Macmillan, 2003.

[10] *Martin T.* The Affirmative Action Empire. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001.

[11] О национальных чистках см. в работах Терри Мартина, а также в исследованиях и сборниках, опубликованных Н.Ф. Бугаем, П. Поляном и под руководством общества «Мемориал».

[12] Documenting Individual Identity: The Development of State Practices since the French Revolution / J. Caplan, J. Torpey (Eds.). Princeton: Princeton University Press, 2000; *Arel D., Kertzer D.I.* Census and Identity. The Politics of Race, Ethnicity and Language in National Censuses. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

[13] Специальные номера: Compter l'Autre // Histoire et Mesure. 1998. № 1/2; Statistique démographique et sociale (Russie-URSS): politiques, administrateurs et société // Cahiers du Monde russe. 1997. № 4; Du papier à la biométrie. Identifier les individus dirigés / X. Crettiez, P. Piazza (Eds.). [Paris]: Les Presses de Sciences Po. Juin 2006.

[14] Специальные номера журнала «Cahiers du Monde russe»: Les pratiques administratives en Union soviétique, 1920–1960 (2003. № 2–3); La police politique en Union soviétique, 1918–1953 (2001. № 2–4).

[15] *Weindling P.* L'Hygiène de la Race. Paris: La Découverte, 1998; The Wellborn Science: Eugenics in Germany, France, Brazil and Russia / M.B. Adams (Ed.). New York: Oxford University Press, 1990; *Aly G., Roth K.H.* The Nazi Census: Identification and control in the Third Reich. Philadelphia: Temple University Press, 2004.

[16] *Blum A., Mespoulet M.* L'Anarchie bureaucratique. Statistique et pouvoir sous Staline. Paris: La Découverte, 2000; *Bertrand F.* L'Anthropologie soviétique des années 20–30. Bordeaux: Presses universitaires de Bordeaux, 2002.

[17] *Levin A.* June 3, 1907: action and reaction // Ferguson A.D., Levin A. Essays in Russian History: a collection dedicated to George Vernadsky. Hamden: Archon Books, 1964. P. 231–273; Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. – 1917 г.). Вып. 1–2. М., 1996; *Циунчук Р. А.* Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения. Казань: Фэн, 2004.

[18] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества / Пер. с англ. М.: Канон-пресс-Ц, 2001; *Hobsbawm E.* Nations et nationalisme depuis 1780: programme, mythe, réalité. Paris: Gallimard, 1992; *Thiesse A.-M.* La Création des identités nationales, Europe XVIIIe–XXe siècle. Paris: Éditions du Seuil, 1999.

[19] *Примеч. ред.*

Глава 1. Империя: интеграция, дискриминация, колонизация

[1] *Wortman R.S.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton: Princeton University Press, 2000. Vol. 2.
[2] *Riazanovsky N.* Nicholas I and Official Nationality in Russia, 1825–1855. Berkeley, 1959. P. 124–140.
[3] *Sunderland W.* Taming the Wild Field. Colonization and Empire on the Russian Steppe. Ithaca; London: Cornell University Press, 2004.
[4] *Lincoln W.B.* The Great Reforms. Autocracy, Bureaucracy, and Politics of Change in Imperial Russia. Dekalb: Northern Illinois University Press, 1990.
[5] Земское положение 1864 года предусматривало создание земств в губерниях Европейской России.
[6] См.: *Baumann R.F.* Universal Service Reform and Russia's Imperial Dilemma // War & Society. 1986. September. № 2. P. 31.
[7] *Dowler W.* The Politics of Schooling Russia's Eastern Nationalities, 1860–1917. Montreal; London; Ithaca: McGill-Queens University Press, 2001.
[8] *Wandycz P.S.* The Lands of Partitioned Poland. 1795–1918. Seattle and London: University of Washington Press, 1974.
[9] *Kappeler A.* La Russie, empire multiethnique. Paris: Institut d'études slaves, 1994.
[10] *Wandycz P.S.* Op. cit.; *Beauvois D.* La Bataille de la terre en Ukraine, 1863–1914, Les Polonais et les conflits socio-ethniques. Presses Universitaires de Lille, 1993; *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX вв.). М.: Индрик, 1999.
[11] *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб.: ЛИСС, 1998. С. 75; *Горизонтов Л. Е.* Указ. соч. С. 60.
[12] *Beauvois D.* Op. cit. P. 35.
[13] *Dubnow S.M.* History of the Jews in Russia and Poland from the earliest times until the present times. Philadelphia, 1918. Vol. 2; *Dubnov S.* Histoire moderne du peuple juif. Paris: Cerf – Les amis de Simon Dubnov, 1994; *Avrutin E.M.* A Legible People: Identification Politics and Jewish Accomodation in Tsarist Russia. PhD: University of Michigan, 2005. (См. также материалы недавно опубликованной работы: *Миндлин А.Б.* Государственные, политические и общественные деятели Российской империи в судьбах евреев. 1762–1917 годы: Справочник персоналий. СПб.: Алетейя, 2007. – *Примеч. ред.*).
[14] *Nathans B.* Beyond the Pale. The Jewish Encounter with the Late Imperial Russia. Berkeley: University of California Press, 2002 (см. рус. пер.: *Натанс Б.* За чертой: Евреи встречаются с позднеимперской Россией /

Пер. с англ. под ред. А.Е. Локшина. М.: РОССПЭН, 2007).

[15] Евреи имели право жить в Бессарабской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Екатеринославской, Киевской (за исключением Киева), Ковенской, Минской, Могилевской, Подольской, Полтавской, Таврической (кроме Севастополя и Ялты), Херсонской (кроме Николаева) и Черниговской губерниях, а также на территории царства Польского и Прибалтики. На всей оставшейся территории Российской империи евреям, за исключением некоторых социально-профессиональных групп, было запрещено селиться.

[16] *Волхонский М.А.* Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы первой русской революции // Отечественная история. 2005. № 5. С. 53; Ограничительные узаконения и особые законоположения, изданные по соображениям национального или вероисповедного свойства либо обусловливаемые различием полов. СПб.: Типография МВД, 1906. Ч. 2).

[17] Письмо варшавского генерал-губернатора в МВД от 20 марта 1896 г. РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 33. Л. 2.

[18] Накануне Всеобщей переписи. Алфавитный список народов, обитающих в Российской Империи. СПб.: Издание Канцелярии Комитета министров, 1895.

[19] *Brower D.* Turkestan and the Fate of the Russian Empire. London; New York: Routledge Curzon, 2003. P. 127–128.

[20] *Sunderland W.* Op. cit.; *Coquin F.-X.* La Sibérie: peuplement et immigration paysanne au XIXe siècle. Paris: Institut d'études slaves, 1969.

[21] *Martin V.* Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century. Richmond: Curzon Press, 2001. P. 73.

[22] *Ascher A.* P.A. Stolypin: The Search for Stability in late Imperial Russia. Stanford: Stanford University Press, 2000. P. 156.

[23] *Jersild A.* Orientalism an Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917. Montreal: McGill-Queens University Press, 2002. P. 139.

[24] *Дякин В.С.* Указ. соч. С. 76.

[25] Там же. С. 890.

[26] *Holquist P.* To Count, to Extract, to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Soviet Union / Ed. T. Martin, R.G. Suny. New York: Oxford University Press, 2001. P. 111–144.

[27] В 1897 году было решено организовать переселение русских колонистов в Черноморскую губернию (где оставалось мало свободных земель), с целью оказания благотворного влияния на местных жителей. К участию в переселении были допущены только «сельские обыватели и мещане» русского происхождения из европейских губерний

России и Кавказа. А в 1899 году вышло постановление, позволявшее переселяться на земли Ставропольской губернии, Закавказья и Северного Кавказа только русским православным крестьянам (*Дякин В.С.* Указ. соч. С. 573).

[28] *Горизонтов Л.Е.* Указ. соч. С. 114.

[29] *Волхонский М.А.* Указ. соч. С. 55–59.

[30] Sujets d'empire / E. Saada, L. Blévis (dir.) // Génèses. 2003. Décembre. № 53.

[31] *Brower D.* Op. cit.

[32] Ограничительные узаконения и особые законоположения...

[33] *Горизонтов Л.Е.* Указ. соч. С. 61.

[34] Евреи-караимы были членами особой секты, не признававшей Талмуд священным текстом. Они жили главным образом на Черноморском побережье и пользовались особыми правами.

[35] *Горизонтов Л.Е.* Указ. соч. С. 224–237.

[36] В 1889 году число адвокатов-мусульман насчитывало всего лишь 3–4 человека, а в 1914 году их было уже не меньше 30 (*Дякин В.С.* Указ. соч. С. 85).

[37] *Nathans B.* Op. cit. P. 355.

[38] *Горизонтов Л.Е.* Указ. соч. С. 62.

[39] *Дякин В.С.* Указ. соч. С. 64.

[40] Там же. С. 65.

[41] Там же. С. 63, 71.

[42] Там же. С. 68.

[43] Там же. С. 67.

[44] Там же. С. 176.

[45] *Nathans B.* Op. cit. C. 267.

[46] См. гл. 5, сноска 32.

[47] *Szeftel M.* The Russian Constitution of April 23, 1906. Bruxelles: Éditions de la Librairie encyclopédique, 1976. P. 84.

Глава 2. Карты и цифры

[1] *Foucalt M.* Sécurité, territoire, population. Paris: Gallimard$Seuil, 2004; *Desrosières A.* La Politique des grands nombres. Histoire de la raison statistique. Paris: La Découverte, 1993.

[2] *Slezkine Y.* Naturalists Versus Nations: Eighteenth-Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity // Representations. 1994. № 47. P. 170–195.

[3] *Кеппен П.И.* О народных переписях в России // Записки ИРГО по отделению статистики. СПб., 1889. Т. 6. С. 1–94.

[4] В ревизии 1779 года в Астраханской губернии упоминались цыгане,

армяне, татары, греки, черкесы, осетины, малороссы, немецкие колонисты (см. там же).

[5] Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 12. С. 439.

[6] *Werth P.* In the State's Embrace? Civil Acts in an Imperial Order // Kritika. 2006. № 3. P. 433—458.

[7] *Кабузан В.М.* Народы России в XVIII в., численность и этнический состав. М.: Наука, 1990; *Он же.* Народы России в первой половине XIX в. М.: Наука, 1992.

[8] *Bauer H., Kappeler A., Roth B.* Die Nationalitäten des Russischen Reiches in der Volkszählung von 1897. Stuttgart: Frauz Steiner Verlag, 1991.

[9] *Кеппен П.* Об этнографической карте европейской России. 2-е изд. СПб.: ИРГО, 1853; *Он же.* О народных переписях в России.

[10] *Holquist P.* To Count, to Extract, to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // A State of Nations...; *Rich D.* The Tsar's Colonels. Cambridge; Harvard, 1998; *Idem.* Imperialism, Reform and Strategy: Russian Military Statistics 1840—1880 / / The Slavonic and East European Review. 1996. Vol. 74. № 4. P. 621—639.

[11] *Shibanov F.A.* Cartographica – Studies in the History of Russian Cartography. Toronto: University of Toronto Press, 1975. P. 141.

[12] *Lincoln W.B.* Petr Petrovich Semenov-Tian-Shanskii: The Life of a Russian Geographer. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1980. P. 3.

[13] Традиционное освобождение представителей некоторых народов от военной службы сохранилось и после 1874 года. В годы Первой мировой войны особенно трудно было обеспечить набор в армию в некоторых периферийных регионах, в частности в Средней Азии. Большевики оставили в силе ряд существовавших ранее исключений, и некоторые народы были освобождены от воинской службы до 1920-х годов., а то и до 1938 года (*Sanborn J.* Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Masses Politics, 1905—1925. Dekalb: Northern Illinois University Press, 2003).

[14] *Риттих А.Ф.* Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения европейской России. СПб., 1875. С. 6, 337.

[15] Записки ИРГО по отделению статистики. СПб., 1889. Т. 7. Вып. 1; Статистический ежегодник России. 1904. СПб., 1905. С. 90.

[16] Решение составить полный список населенных мест Российской империи принято в 1858 году, а соответствующий указ подписан 9 апреля 1859 года. Составление списков было возложено на становых приставов, а их проверка – на земских исправников, а затем губернский статистический комитет. Последний исправлял списки, опираясь на помощь духовенства, ученых и офицеров Генштаба, находившихся на территории губернии. Затем список передавался в

ЦСК. Ср.: Списки населенных мест Российской Империи. ЦСК МВД. СПб., 1861. Вып. 2: Астраханская губерния. С. 10–11.

[17] Там же. СПб., 1876. Вып. 10: Вятская губерния.

[18] Там же. СПб., 1861. Вып. 2: Астраханская губерния. С. 41.

[19] РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 118. Л. 59.

[20] О научных утопиях статистиков XIX века см.: *Desrosiures A.* Op. cit.

[21] Compte rendu de la 8e session du Congrès international de statistique, SPb., 1re partie, 1re section. St-Petersbourg, 1872. P. 24.

[22] *Brian E.* Statistique administrative et internationalisme statistique pendant la seconde moitié du XIXe siècle // Histoire & Mesure. 1989. Vol. IV. № 3/4. P. 215–216.

[23] Так, П.П. Семенов-Тян-Шанский, сменивший его Н.А. Тройницкий и А.М. Золотарев занимали важные должности на Международных статистических конгрессах, а затем в Международном статистическом институте.

[24] А.И. Макшеев и А.М. Золотарев начинали свою деятельность как профессора военной статистики, А.Б. Бушен был членом статистического отделения ИРГО, а Ю.Э. Янсон, И. Кауфман и В.В. Степанов работали в университете.

[25] Compte rendu de la 8e session du Congrès international de statistique... P. 21–24.

[26] Ibid. C. 24.

[27] Compte rendu de la troisième session du Congrès international de statistique / Baron de C. Czoernig. Vienne, 1858. P. 30.

[28] Он печатался в таких националистических журналах, как «Deutsche Erde» и «Edda», и в течение нескольких лет возглавлял Всеобщий немецкий школьный союз по поддержке немецких меньшинств за рубежом (Allgemeines Deutsches Schulverein zur Erhaltung des Deutschtums im Ausland, VDA). См.: *Labbé M.* Dénombrer les nationalités en Prusse au XIXe siècle: entre pratique d'administration locale et connaissance statistique de la population // Annales de démographie historique. 2003. № 1. P. 46–47.

[29] Die statistischen Bedeutung der Volkssprache als Kennzeichen der Nationalität // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. 1866. Band IV. S. 259–402.

[30] Der Deutschen Volkszahl und Sprachgebiet in den europäischen Staaten. Berlin, 1869.

[31] *Keleti C.* Qu'est-ce que la nationalité? // Commission permanente du Congrès international de statistique, Mémoires. Budapest, 1876. P. 242–245.

[32] Ibid. P. 241–252.

[33] Compte rendu de la 3e session du Congrès international de statistique / Baron de C. Czoernig. Op. cit. P. 529–530.

[34] *Desrosiures A.* Op. cit. Chap. 1.

[35] Ibid.

[36] Compte rendu de la 8e session du Congrès international de statistique... P. 21.

[37] Compte rendu du Congrès international de statistique, 2e partie. St-Pétersbourg, 1874. P. 428.

[38] Compte rendu de la 8e session du Congrus international de statistique... P. 177.

[39] Ю.Э. Янсон (1835–1893), российский статистик и экономист, член-корреспондент Петербургской академии наук (1892), с 1884 года возглавлял отделение статистики и эпидемиологии Русского общества охранения народного здравия. С 1882 года издавал первый в России городской статистический ежегодник (Статистический ежегодник Санкт-Петербурга); в 1881 и 1890 годах руководил переписями населения Санкт-Петербурга, ставшими образцом городских переписей. Работы Янсона оказали решающее влияние на российские статистические исследования конца XIX века (*Petersen W.*, *Petersen R.* Dictionary of Demography. London: Greenwood Press, Westport, 1985. Vol. 1. P. 473).

[40] «Может быть полезно указывать национальность женщин, родивших двойни, тройни и пр., так как с расой, по-видимому, связана способность иметь не только много детей, но и нескольких одновременно» (Compte rendu de la 3e session du Congrès international de statistique... P. 529).

[41] *Labbé M.* Op. cit. P. 49.

[42] Commission permanente du Congrès international de statistique... P. 251–252.

[43] *Labbé M.* Op. cit. P. 39–60.

[44] Ibid. P. 49.

[45] Авторы публикации результатов переписи 1897 года подчеркивали, что «среди массы различных национальностей русские занимают выдающееся место не только по своему господствующему положению, но и по численности» (Статистический ежегодник России. 1904. СПб., 1905. С. 90).

[46] О волнениях на национальной почве на окраинах Австро-Венгрии см.: *Brix E.* Die Umgangsprachen in Altöesterreich zwischen Agitation and Assimilation. Die Sprachenstatistik in den isleithanischen Volkszaehlungen, 1880–1920. Boehlau; Wien; Köln; Graz, 1982. S. 60–66.

[47] *Labbé M.* Op. cit. P 56.

Глава 3. Хорошо организованная империя? Перепись 1897 года

[1] Здесь периодически проводились собственные переписи.

[2] ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопроизводство. 1896 г. Д. 148. Ч. 1. Л. 318.

[3] *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач. XX в.). СПб.: ЛИСС, 1998. С. 848.

[4] РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 46. Л. 127.

[5] *Tolstoj L.N.* What to do? Thoughts evoked by the census of Moscow. New York: Thomas Crowell & Co, 1887. P. 3.

[6] К этой метафоре будут нередко прибегать и в советское время, в частности во время переписи 1926 года.

[7] *Вильсон И.И.* О переписи населения Санкт-Петербурга 28–30 января 1897 г. // Известия ИРГО. СПб., 1897. Т. 33. Вып. 3. С. 273.

[8] Критики переписи 1897 года, в том числе В. И. Ленин, видели в неудачах мероприятия и недостоверности собранной информации доказательства неспособности царской администрации осуществить модернизацию России.

[9] *Stanziani A.* Les sources démographiques entre contrôle policier et utopies technocratiques, le cas russe, 1870–1926 // Cahiers du Monde Russe. 1997. Vol. 38. № 4. P. 469–470.

[10] Основной литературой по истории разработки переписи 1897 года являются: Очерк развития вопроса о всеобщей народной переписи в России // Временник Центрального Статистического комитета МВД. 1890. № 16. С. 1–106; *Котельников А.* История производства и разработки всеобщей переписи населения 28 января 1897 г. СПб., 1909; *Пустоход П.И., Воблый В.К.* Переписи населения. М.: АН СССР, 1936.

[11] *Кауфман А.А.* Статистическая наука в России. М., 1922. С. 49.

[12] ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопроизводство. 1896 г. Д. 148. Ч. 1. Л. 401 об.

[13] РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 4. Л. 37.

[14] Там же.

[15] В 1882 году новый министр внутренних дел Д.А. Толстой вернулся к идее проведения переписи; год спустя ЦСК представил свой проект.

[16] РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 4. Л. 150.

[17] Там же. Д. 8.

[18] Там же. Д. 9. Л. 309–314.

[19] *Patkanov S.* Dépouillement des données sur la nationalité et classification des peuples de l'Empire russe d'après leur langue / Publié par le Comité central de la statistique du ministère de l'Intérieur, CSK–MVD. Saint-Pétersbourg, 1899.

[20] *Загидуллин И.К.* Перепись 1897 г. и татары Казанской губернии. Казань, 2000. С. 52.

[21] В состав комиссии входили П.П. Семенов-Тян-Шанский (помощник председателя), С.И. Толстой, Н.А. Тройницкий, В.О. Струве, представители министерств императорского двора и уделов, иностранных дел, финансов, земледелия и государственных имуществ, путей сообщения, народного просвещения, юстиции, морского и военного, Синода, Ведомства учреждений императрицы Марии, а также Государственного совета (РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 44).
[22] РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 84.
[23] Переписной материал в обработке ЦСК // Санкт-Петербургские ведомости. 1898. № 89. В конце текста подпись: *Х. З.*
[24] Bulletin de l'Institut International de Statistiques. St-Pétersbourg, 1899. T. 9. P. 42–43.
[25] *Patkanov S.* Dépouillement des données sur la nationalité et classification.
[26] РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 64. Л. 146.
[27] «В среде инородческого населения губерний: Архангельской, Астраханской и Оренбургской, областей: Закаспийской, Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской, Кавказского и Туркестанского края, а равно губерний и областей Сибири, правила настоящего положения применяются с отступлениями» (Высочайшее положение о первой всеобщей переписи населения Российской империи, утвержденное 5-го июня 1895 года. СПб., 1896. С. 6).
[28] О категории «инородцев» см. гл. 4.
[29] РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 28. Циркуляр № 94.
[30] Там же.
[31] Переписной лист Г // РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 62. Л. 13.
[32] РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 8. Л. 5.
[33] Там же. Д. 68. Л. 9 об.
[34] Там же. Л. 10 об.
[35] Там же.
[36] *Котельников А.* Указ. соч.
[37] Во время переписи 1939 года в докладах об отношении населения к переписи будет уделяться особое внимание рассказам пожилых лиц, описывавших и критиковавших то, как проходило аналогичное мероприятие в 1897 году.
[38] Указания членам уездной полиции относительно их поведения во время переписи. ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопроизводство. 1896 г. Ч. 1. Д. 148. Л. 86.
[39] *Загидуллин И.К.* Указ. соч. С. 49.
[40] Эту должность, введенную незадолго до того, занимали главным образом представители мелкого дворянства; интеллигенция, подобно А.П. Чехову, обвиняла земских начальников в полной некомпетентности.

[41] В Казанской губернии представитель центральных властей настаивал на необходимости привлечь к организации переписи татар, мулл и простых мусульман. Одного его присутствия на заседаниях переписной комиссии оказалось достаточным, чтобы в ее состав были включены мусульмане. После его отъезда, однако, случаи их участия в работе переписной комиссии стали более редкими. С началом бунтов большинство мулл отказались стать счетчиками (*Загидуллин И.К.* Указ. соч. С. 50, 71).

[42] Всеобщая перепись населения: проект наставления сельским счетчикам. 1896. С. 8.

[43] РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 64. Л. 146 об. – 147.

[44] Там же. Д. 22. Л. 254.

[45] Там же. Д. 28. Циркуляр № 94.

[46] *Загидуллин И.К.* Указ. соч.

[47] ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопроизводство. 1896 г. Д. 148. Ч. 1. Л. 119 об.

[48] Одновременно распространился слух, что мусульманское духовенство хочет получать, подобно православным священникам, содержание и землю от государства (*Загидуллин И.К.* Указ. соч. С. 157).

[49] ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопроизводство. 1896 г. Д. 148. Ч. 1. Л. 305 об.

[50] *Загидуллин И.К.* Указ. соч. С. 111, 114.

[51] В 1878–1879 годах в Казанской губернии произошли выступления против установки пожарных столбов с колоколами (*Загидуллин И.К.* Указ. соч. С. 141).

[52] *Werth P.W.* From Resistance to Subversion: Imperial Power, Indigenous Opposition and their Entanglement // Kritika. 2000. № 1 (1). P. 21–43 (*Верт П.* От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и их взаимозависимость // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005).

[53] В районы, охваченные волнениями, были посланы войска: в Самарскую губернию – местная команда и рота Борисовского батальона; в Казанскую губернию – несколько рот (ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопроизводство. 1896 г. Д. 148. Ч. 1. Л. 238).

[54] Там же. Л. 335.

[55] Там же. Л. 372 об.

[56] Там же. Л. 316.

[57] Там же. Л. 151 об.

[58] Там же. Л. 314.

[59] Там же. Л. 263.

[60] Там же. Л. 169.

[61] Там же. Л. 185. Историк И.К. Загидуллин пришел к выводу, что в Казанской губернии выступления против переписи стали крупнейшим народным движением второй половины XIX века; оно затрону-

ло 422 населенных пункта, в том числе 80% мусульманских селений Казанского уезда (*Загидуллин И.К.* Указ. соч. С. 184–185).

[62] ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопроизводство. 1896 г. Д. 148. Ч. 1. Л. 82.

[63] Там же. Л. 328 об.

[64] Там же. Л. 166. Л. 365.

[65] Там же. Л. 169.

[66] Письмо Директора Департамента полиции прокурору Сарапульского округа от 30 декабря 1896 г. // Там же. Л. 197 об. Как рассказывает счетчик-учитель, в селе Нусу жители кричали ему: «Мы все знаем, тебя надо убить», а затем избили, «оборвали пуговицы у платья, сняли знак счетчика и кричали: "пусть приезжает земский начальник, становой и хоть десять урядников, им будет то же, что и тебе, все равно убьем, постоим за свою свободу до смерти"».

[67] Там же. Л. 317.

[68] Эта история подробно описана в одном из документов: «Когда татары бросились на священника, он взял висевший на стене портрет... императора и, указывая на него, сказал, что он священник, прибыл сюда не по своей воле, а по воле государя императора. Тогда один крестьянин... вырвал у него портрет и со словами "Твою мать, ты кресты носишь" – ударил им об стол так, что корона, скипетр и держава, бывшие наверху рамки портрета, разлетелись и сама рамка частью испортилась» (Там же. Л. 107–108).

[69] Там же. Л. 132 об.

[70] Там же. Л. 317 об.

[71] Там же. Л. 259–268 об.

[72] Там же. Л. 307 об.

[73] Там же. Л. 309 об.

[74] Там же. Л. 305 об.

[75] Там же. Л. 98.

[76] Об Ильминском см.: *Saussay J.* Il'minsky et la politique de russification des Tatars, 1865–1891 // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1967. Vol. VIII-3. P. 404–426; *Kreindler E.* A Neglected Source of Lenin's Nationality Policy // Slavic Review. 1977. Vol. 36. № 1. P. 86–100; *Geraci R.P.* Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001; *Werth P.W.* At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001.

[77] *Steinwedel C.R.* Invisible Threads of Empire: State, Religion, and Ethnicity in Tsarist Bashkiria, 1773–1917. PhD Dissertation, Columbia University, 1999. P. 183.

[78] Письмо главы переписной комиссии министру юстиции, 23 декабря 1896 г. // ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопроизводство. 1896 г. Д. 148. Ч. 1. Л. 141 об.

[79] *Dowler W.* The Politics of Language in Non-Russian Elementary Schools in the Eastern Empire, 1865–1914 // The Russian Review. 1995. Vol. 54. P. 516–538.
[80] *Загидуллин И.К.* Указ. соч. С. 101.
[81] ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопроизводство. 1896 г. Д. 148. Ч. 1. Л. 305.
[82] Там же; *Загидуллин И.К.* Указ. соч. (документ воспроизведен в центральной тетради).
[83] ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопроизводство. 1896 г. Д. 148. Ч. 1. Л. 171.
[84] *Загидуллин И.К.* Указ. соч. С. 130, 141. О браках между представителями различных вероисповеданий как о методе религиозного обращения см.: *Geraci R.P.* Op. cit. P. 21, 47.
[85] О событиях 1875 г. см.: *Weeks T.R.* The «End» of the Uniate Church in Russia: the Vozsoedinenie of 1875 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1996. Band 44. Helf 1. P. 28–40.
[86] Бывшие подданные Королевства Польского, близкие к польскому католическому духовенству, униаты считали себя поляками.
[87] ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопроизводство. 1896 г. Д. 148. Ч. 1. Л. 171.
[88] РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 64. Л. 60.
[89] Об этом стало известно в результате расследования, проведенного начальником варшавского жандармского управления в Седлецкой и Люблинской губерниях (последняя в будущем станет Холмским уездом) (ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопроизводство. 1896 г. Д. 148. Ч. 1. Л. 242).
[90] Они ссылались при этом на брошюру, выпущенную по случаю первой всеобщей переписи: в ней говорилось, что лиц русского происхождения, не считавших себя православными, следовало отнести к тем сектам или конфессиям, к которым они пожелают (Там же. Л. 213).
[91] Там же. Л. 328.
[92] Там же. Л. 387.
[93] По словам начальника варшавского жандармского управления, среди населения ходили слухи, что в день переписи император позволит бывшим грекокатоликам объединиться с римскими католиками (Там же. Л. 212).
[94] Там же. Л. 234.
[95] *Weeks T.R.* Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1996. P. 86, note 57.
[96] Большое количество подобных жалоб, поступивших из Привислинского края (бывшего царства Польского), собрано в: РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 70. В газете «Санкт-Петербургские ведомости» была опубликована статья на тему проведения переписи среди униатов (1896. № 302).
[97] РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 60. Л. 2.

[98] Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам. СПб., 1901; Распределение населения Империи по главным вероисповеданиям. СПб., 1901.
[99] Распределение старообрядцев и сектантов...
[100] ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопроизводство. 1896 г. Д. 148. Ч. 1. Л. 169 об.
[101] *Загидуллин И.К.* Указ. соч. С. 160–166.
[102] ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопроизводство. 1896 г. Д. 148. Ч. 1. Л. 359–362 об.
[103] *Kappeler A.* Op. cit. P. 222.
[104] *Brix E.* Op. cit.
[105] *Загидуллин И.К.* Указ. соч. С. 179.
[106] Пособия при разработке первой всеобщей переписи населения, правила проверки, исправления и заметки, 1898 // РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 90. Л. 27.
[107] С.К. Патканов был сыном Керопа Петровича Патканова (1834–1889), востоковеда армянского происхождения, работавшего в С.-Петербургском университете. Я благодарю Клер Мурадян за эти сведения.
[108] *Патканов С.* Разработка данных о языке в Центральном статистическом комитете // Исторический вестник. 1898. Июнь. Т. 72. С. 999.
[109] Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1905. Т. 2. С. I, II.
[110] *Patkanov S.* Dépouillement des données sur la nationalité et classification. P. 9.
[111] Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. С. I.
[112] РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 121. Л. 17.
[113] *Nathans B.* Beyond the Pale. The Jewish Encounter with the Late Imperial Russia. Berkeley: University of California Press, 2002. P. 91–100.
[114] Так, даже если еврей называл своим родным языком русский, его ответ исправляли на «еврейский жаргон».
[115] По мнению статистиков, инородец, даже говорящий на русском языке, не мог быть русским, поэтому его ответ изменяли, указывая вместо русского язык его племени.
[116] *Patkanov S.* Dépouillement des données sur la nationalité et classification. P. 7.
[117] Ibid.
[118] *Паллас П.С.* Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-петербургской императорской Академии наук: В 3 т. СПб., 1786; *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: В 4 т. СПб., 1776–1780 (опубл. также на фр. и нем. яз.).

[119] *Slezkine Y.* Naturalists Versus Nations: Eighteenth-Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity // Representations. 1994. № 47. P. 170–195; *Robins R.H.* The history of language classification // Current trends in linguistics / Thomas A. Sebeok (éd.). Paris; The Hague: Mouton , 1973. Vol. 11. P. 23; *Idem.* Brève histoire de la linguistique. Paris: Éditions du Seuil, 1976.

[120] *Slezkine Y.* Arctic mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. New York: Cornell University Press, 1994. P. 55.

[121] *Robins R.H.* Brève histoire de la linguistique.

[122] РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 84. Л. 108.

[123] *Foucault M.* «Il faut défendre la société». Paris: Gallimard; Seuil, 1997. P. 50–55.

[124] *Patkanov S.* Dépouillement des données sur la nationalité et classification. P. 4.

[125] Ibid. P. 9.

[126] Пособия по разработке первой всеобщей переписи населения. № 16: Группировка народностей Российской империи по языку. СПб., 1898.

[127] *Patkanov S.* Dépouillement des données sur la nationalité et classification. P. 22.

[128] Алфавитный список народов, обитающих в Российской империи. СПб.: Канцелярия Комитета министров, 1895. С. 54.

[129] Там же. С. 40.

[130] Там же. С. 26.

[131] Там же. С. 1.

[132] РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 84. Л. 108.

[133] Что касается данных о религии, уровне образования, возрастном и семейном составе, то в данном случае в соответствующих сводных таблицах, включавших национальности, последние были сгруппированы в более широкие ансамбли (Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т. 1–2).

[134] РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 58. Другие вопросы касались как биологических особенностей (например, для женщин – возраст первых менструаций), так и характеристик, связанных с образом жизни (городское или сельское население, курение, употребление алкоголя и пр.) (РГИА. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 2828. Л. 87). Окончательная разработка этих данных была возложена на врачей.

[135] РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 84. Л. 23.

[136] Bulletin de l'Institut International de Statistiques. St-Pétersbourg, 1899. T. 9. P. 47.

Глава 4. От одного политического режима к другому. Правовые категории граждан и национальности в последние годы империи (1905–1914)

[1] *Ascher A.* The Revolution of 1905. Russia in Disarray. Stanford: Stanford University Press, 1988. Vol 1. P. 152–161.

[2] *Циунчук Р.А.* Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения. Казань: Фэн, 2004. С. 108–121.

[3] *Steinwedel C.R.* Making Social Groups, One Person at a Time: The identification of Individuals by Estate, Religious Confession, and Ethnicity in Late Imperial Russia // Documenting Individual Identity. The development of State Politics in the Modern World / Jane Caplan, John Torpey (Eds.). Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2001. P. 67–82.

[4] *Freeze G.L.* The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // The American Historical Review. 1986. № 91. P. 11–36 (рус. пер.: *Фриз Г.Л.* Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара, 2000); *Wirtschafter E.K.* Structures of Society. Imperial's Russia «People of Various Ranks». Dekalb: Northern Illinois University Press, 1994 (рус. пер.: *Виртшафтер Э.К.* Социальные структуры: разночинцы в Российской империи / Пер. с англ. Т.П. Вечериной. М.: Логос, 2002); *Eadem.* Social Identity in Imperial Russia. Dekalb: Northern Illinois University Press, 1997.

[5] *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России, 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М.: Наука, 1979. С. 44–51.

[6] См. гл. 1.

[7] *Kappeler A.* La Russie, empire multiethnique. Paris: Institut d'Études slaves, 1994. P. 221–225 (см. также недавнюю работу: *Андреева Н.С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века. СПб.: Міръ, 2008. – *Примеч. ред.*).

[8] Законы о состояниях // Свод Законов Российской Империи. 1876. Т. 9. С. 154.

[9] *Fleischhauer I.* The Nationalities Policy of the Tsars Reconsidered. The Case of the Russian Germans // The Journal of Modern History. 1981. Vol. 53. Issue 1. P. 1087.

[10] *Brower D.* Islam and Ethnicity: Russian Colonial Policy in Turkestan // Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917 / Daniel R. Brower, Edward J. Lazzerini (Eds.). Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 113–135. Дэниел Брауэр отмечает, что такой упрощенный подход был использован во время переписи 1870 года; затем организаторы переписи 1897 года вновь прибегли к этим категори-

ям, подвергнув их минимальным изменениям (p. 130). (См. о сложностях этнических делений в том регионе: *Абашин С.* Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетейя, 2007; Центральная Азия в составе Российской империи / Под ред. С. Н. Абашина, Д. Ю. Арапова и Н. Ю. Бекмахановой. М.: Новое литературное обозрение, 2008. – *Примеч. ред.*)

[11] Чукчи, джунгарцы, алеуты, креолы, камчадалы, самоеды, лопари, корейцы, туркмены, ногайцы, караногайцы, калмыки, киргизы, осетины, ингалайцы, курды, абхазы, башкиры, вотяки, мордва, чуваши, черемисы (Пособия по разработке первой всеобщей переписи населения. № 14: Указатель для группировки населения по сословиям, званию и состоянию. С. 13).

[12] Там же.

[13] *Kotsonis Y.* «Face-to-Face»: the State, the Individual, and the Citizen in Russian Taxation, 1863–1917 // Slavic Review. 2004. № 2. P. 221–246; *Idem.* «No Place to Go»: Taxation and State transformation in Late Imperial and Early Soviet Russia // The Journal of Modern History. 2004. Vol. 76. № 3. P. 531–577; *Steinwedel C.R.* Op. cit.

[14] В книге, посвященной петербургской городской переписи, статистики А.А. Кауфман и И. Макаров объясняли, что большинство жителей столицы не знали, к какому сословию они относятся, и отвечали на этот вопрос, исходя из своего рода занятий (*Кауфман А., Макаров И.* По поводу переписи города Санкт-Петербурга 15 дек. 1910 г. СПб., 1911. С. 27).

[15] *Wcislo W.* Soslovie or Class? Bureaucratic Reformers and Provincial Gentry in Conflict, 1906–1908 // The Russian Review. 1988. Vol. 47. № 1. P. 1–24.

[16] Статистики ввели различие между терминами «состояние» и «сословие». До этого первый служил эквивалентом «сословия», но употреблялся чаще в законодательных текстах и имел чисто юридический смысл. Ср.: Сословия // Энциклопедический словарь. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1911. Т. 60. С. 911.

[17] Заседание 17 апреля 1914 г. (РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 130. Л. 11).

[18] *Freeze G.L.* Op. cit. P. 34.

[19] *Slezkine Y.* Arctic mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. New York: Cornell University Press, 1994. P. 98.

[20] Публикуя результаты переписей, Патканов объясняет, что «различия сословий и очень часто прямые указания на национальность данного лица в графе о сословиях и состояниях дали полную возможность более точно определить истинную численность сибирских инородцев и приуральских тюрков, чем это было бы возможно на основании одних данных о национальном языке» (Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Общий свод по

Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1905. Т. 2. С. I).

[21] *Hancock N.* State Measures and Ethnic Classification in Siberia. Anthropoly in and of the Census // Paper présenté au colloque «Census and Identity in the First Post Soviet Censuses». Brown University, avril 2001.

[22] *Sunderland W.* Russian into Iakuts? «Going Native» and Problems of Russian National Identity in the Siberian North. 1870's–1914 // Slavic Review. 1996. № 4. P. 806–825 (рус. пер.: *Сандерланд В.* Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005).

[23] *Patkanov S.* Dépouillement des données sur la nationalité et classification. P. 7.

[24] Заседание 16 янв. 1916 г. (РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 141. Л. 206–206 об.).

[25] Выдержки из материалов заседания Статистического совета при Министерстве финансов 2 февраля 1900 г. РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 84.

[26] *Raeff M.* Siberia and the Reforms of 1822. Seattle: University of Washington Press, 1956.

[27] Об инородцах см.: *Slocum J.W.* Who, and when, Were the Inorodtsy? // The Russian Review. 1998. № 57. P. 173–190 (рус. пер.: *Слокум Дж.У.* Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 502–531); *Martin V.* Law and Custom in the Steppe. Richmond, Surrey: Curzon, 2001. P. 34; *Werth P.W.* At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001. P. 127–139.

[28] Инородцы // Энциклопедический словарь. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1894. Т. 13. С. 225.

[29] Законы о состояниях // Свод Законов Российской Империи. 1876. Т. 9. С. 1. В текстах законов фигурировало различное количество подгрупп, состоявших главным образом из кочевников, а также евреев (Там же. С. 183; Законы о состояниях // Свод Законов Российской Империи. 1898. Т. 9. С. 154). Согласно переписи 1897 года, доля населения, с правовой точки зрения относившегося к инородцам, достигала 6,5%. Окончательные итоги были опубликованы в 1905 году (Наличное население России // Правительственный вестник. 1905. № 66).

[30] Основываясь на юридическом понимании вопроса, автор статьи доказывал, что в конечном счете данный термин был связан с маргинальным положением этих народов: (Инородцы // Там же. С. 224).

[31] Формы национального движения в современных государствах / Кастелянский А.И. (ред.). Австро-Венгрия, Россия, Германия. СПб., 1910. С. 529.

[32] Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Общий свод... С. 6; *Патканов С.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири: язык и роды инородцев // Записки ИРГО по отделению статистики. СПб., 1912. Т. 11. Вып. 1. С. 34, 139.

[33] В конце царского периода наметился отказ от термина «жмудь», употреблявшегося по отношению к языку и населению, которое вскоре начнут отождествлять с литовцами.

[34] Письмо виленского губернатора министру внутренних дел В.К. Плеве от 17 февраля 1903 г. // РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 87. Л. 59.

[35] Основные государственные законы. СПб., 1892. Т. 1. Ч. 1. С. 10.

[36] Мы следуем здесь за П.В. Вертом: *Werth P.W.* The Limits of Religious Ascription: Baptized Tatars and the Revision of «Apostasy», 1840's –1905 // The Russian Review. 2000. № 59. P. 497–523.

[37] Назначение оренбургского муфтия для мусульман (1788), признание самоуправления еврейских общин (1827), создание Генеральной консистории Евангелической церкви (1832).

[38] *Crews R.* Empire and the Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth-Century Russia // The American Historical Review. 2003. Vol. 108. № 1. P. 50–83.

[39] *Patkanov S.* Dépouillement des données sur la nationalité et classification. P. 5.

[40] *Wagner W.G.* Marriage, Property and Law in Late Imperial Russia. Oxford: Clarendon Press, 1994. P. 57.

[41] *Crews R.* Op. cit.

[42] Законы о состояниях // Свод Законов Российской Империи. 1898. Т. 9. С. 189–303.

[43] Законопроект о свободе совести, 1907–1908. Материалы. СПб., [1908].

[44] *Patkanov S.* Dépouillement des données sur la nationalité et classification. P. 5.

[45] Законопроект о свободе совести... С. 42.

[46] Of Religion and Empire. Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia / R.P. Geraci, M. Khodorkovsky (Eds.) Ithaca; London: Cornell University Press, 2001. Ср. выше.

[47] *Werth P.W.* At the Margins of Orthodoxy... P. 29–30.

[48] В отсутствие сведений о вероисповедании ребенка следовало указывать веру его отца, при этом «имея в виду, что дети, у которых один из родителей православный, считаются православными» (РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 90. Л. 172).

[49] Запрещенные секты, в первую очередь старообрядцы, жили на полностью «нелегальном» положении. Их рождения, браки, смерти не имели юридической силы. В 1874 году для них была создана запись гражданского состояния, осуществляемая полицией, но она оставалось слабо развитой вплоть до 1905 года, когда в условиях введения веротерпимости на повестке дня вновь встал вопрос о приходских книгах сектантов (*Селезнев Ф.А.* Д.В. Сироткин и всероссийские съезды старообрядцев в начале XX века // Отечественная история. 2005. № 5. С. 84; *Waldron P.* Religious Reform after 1905: Old Believers and the Orthodox Church // Oxford Slavonic Papers. New series. 1987. Vol. 20. P. 110–139).

[50] *Werth P.W.* Op. cit. P. 142.

[51] *Дорская А.А.* Российское законодательство о свободе совести в 1905–1917 гг. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. СПб., 1999. С. 354–363. См. также диссертацию Мишеля Тисье (*Tissier M.* L'éducation aux libertés. Culture juridique et changements socio-politiques en Russie des années 1890 à 1917. Université Paris 1-Panthéon-Sorbonne, 2009).

[52] *Lуwe H.D.* Russian Nationalism and Tsarist Nationalities Policies in Semi-Constitutional Russia, 1905–14 // New Perspectives in Modern Russian History / Robert B. McKean (Eds.). London, 1992. P. 253–256.

[53] По сведениям Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий, 11 000 православных перешли в лютеранство, а 171 000 – в католичество (*Волхонский М.А.* Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы первой русской революции // Отечественная история. 2005. № 5. С. 52).

[54] *Werth P.W.* The Limits of Religious Ascription... P. 510.

[55] Письмо академика И. Янжула директору ЦСК от 19 марта 1909 г. РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 117. Л. 2.

[56] РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 130. Л. 9–13.

[57] Речь. 9 мая 1914.

[58] РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 130. Л. 119.

[59] Законопроект о свободе совести... С. 42.

[60] Письмо виленского генерал-губернатора министру внутренних дел В.К. Плеве от 17 февраля 1903 г. // РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 87. Л. 59.

[61] Уточнялось, в частности, что «принадлежность к тому или иному исповеданию, в том числе иудейскому, не должна сама по себе служить основанием для каких-либо ограничений в области личных и имущественных прав и что все подобные ограничения должны отпасть; но этим отнюдь не предрешается вопрос об обязательной отмене тех ограничений, которые по политическим соображениям установлены для отдельных национальных групп, хотя бы для определения поня-

тия для такой группы и был принят в числе других вероисповедный признак» (Законопроект о свободе совести... С. 3–4).

[62] *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). СПб.: ЛИСС, 1998. С. 91–92.

[63] Так, если запрет для поляков покупать и арендовать земли в западных губерниях, а также преподавать на родном языке был отменен, то доступ к различным должностям оставался для них по-прежнему закрыт (*Дякин В. С.* Указ. соч. С. 63). Евреи больше не подлежали высылке из областей, не входивших в черту оседлости, но сохранились ограничения на поступление в средние и высшие учебные заведения (*numerus clausus*). С 1912 года евреи больше не могли избираться на должности мировых судей. Запрет на преподавание на литовском языке был отменен (*Szeftel M.* The Russian Constitution of April 23, 1906. Bruxelles: Éditions de la Librairie encyclopédique, 1976. P. 248–249).

[64] *Циунчук Р.А.* Указ. соч.

[65] *Chmielewski E.* The Polish Question in the Russian State Duma. Knoxville: The University of Tennessee Press, 1970; *Martin T.* The Mennonites and the Russian State Duma. 1905–1914 (The Donald W. Treasgold Papers. 1996. № 4); *Озганбай О.* Государственная Дума России и Казахстан (1905–1917). Алматы: Арыс, 2000; *Усманова Д.* Мусульманские представители в российском парламенте, 1906–1916. Казань: Академия наук РТ, 2005.

[66] *Walsh W.B.* Political Parties in the Russian Dumas // The Journal of Modern History. 1950. Vol. 22. № 2. P. 144–150; *Hosking G.A.* The Russian Constitutional Experiment. Government and Duma, 1907–1914. London: Cambridge University Press, 1973.

[67] Полное Собрание Законов Российской Империи. 3-е собр. СПб., 1910. Т. 27. № 29240–41; *Lyuwe H.D.* Op. cit. P. 250–277.

[68] Степной край, Туркестан, Тургайская, Уральская, Якутская области, кочевники Астраханской и Ставропольской губерний и казачество Сибири лишились права иметь своего депутата, а количество депутатов от польских территорий было сокращено с 46 до 14, двое из которых должны были быть русскими (Полное Собрание Законов Российской Империи. 3-е собр. СПб., 1910. Т. 27. № 29242; *Ascher A.* The Revolution of 1905. Authority Restored. Stanford: Stanford University Press, 1991. Vol. 2. P. 352).

[69] Полное Собрание Законов Российской Империи. 3-е собр. СПб., 1910. Т. 27. № 29242.

[70] В исследовании, посвященном Уфимской губернии, Чарльз Стейнведел описывает, как царские чиновники составляли списки лиц, имеющих право быть избранными, следуя традиционным критериям: сословной принадлежности, месту жительства, имущественному статусу и национальности (*Steinwedel C. R.* Op. cit. P. 67–82).

[71] *Ascher A.* P.A. Stolypin: The Search for Stability in late Imperial Russia. Stanford: Stanford University Press, 2000. P. 332–342.

[72] Хронология подготовки второй всеобщей переписи восстановлена на основе материалов дела об утверждении положения о переписи (из думского архива), в котором содержится, в частности, заявление министра внутренних дел (РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 1167. Л. 1–15). Ср. также: Проект положения о переписи, переданный на рассмотрение Комитета министров // Ф. 1276. Оп. 10. Д. 8.

[73] *Mespoulet M.* Statistique et révolution en Russie. Un compromis impossible (1880–1930). Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2001.

[74] [Недатированная газетная статья 1913 г.]. РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 125. Просьба о проведении дополнительных обследований прозвучала и со страниц газеты «Биржевые ведомости» (1914. 29 янв.). Об участии социальных акторов см.: Петербургский курьер. 1915. 20 февр. Там же. Л. 39.

[75] РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 125. Л. 26; Речь. 1913. 5 нояб..

[76] РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 130. Л. 9–13. К обсуждению подготовительных работ были привлечены следующие статистики: А.А. Кауфман, В.В. Степанов, Г.Г. Швиттау (профессор политической экономии и статистики). В совещаниях, посвященных регистрации национальностей, участвовали: С.К. Патканов, А.А. Кауфман, В.В. Степанов (в то время директор статистического отдела при Санкт-Петербургской городской управе). Степанов и Кауфман участвовали в совещаниях в качестве советников, тогда как Патканов и географ В.В. Ковалевский являлись членами переписной комиссии (РГИА. Ф.1290. Оп. 10. Д. 139. Л. 1).

[77] Ненужная тайна // Вечернее Время. 1913. 23 окт. РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 125. Л. 23.

[78] РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 118. Л. 52.

[79] Там же. Д. 157. Л. 33–40 об.

[80] Там же. Д. 125. Л. 64. Так, 1 ноября 1914 года газета «Речь» сообщила, что московское руководство был проинформировано ЦСК об отмене в связи с войной запланированной на 1915 год переписи.

[81] Анализируя результаты переписи, Л. Лишков объяснял сравнительно небольшое количество грамотных малороссов тем, что они получили образование на русском языке и потому указывали этот язык в качестве родного. Кроме того, он рассматривал случай двуязычия. Ученый приходил к выводу, что многие лица, родившиеся в Малороссии, происходившие от «исконных» малороссов и порой никогда не покидавшие своей земли, были записаны великорусами (*Лишков Л.* Юго-западный край по данным переписи 1897 года // Киевская старина. 1905. Т. 90. С. 317–366).

[82] Он полагал, что вопрос языка требует, с одной стороны, сознательного национального самоопределения, а с другой – полнейшего ува-

жения к этому самоопределению (*Ярошевич А.* Малороссы по переписи 1897 года. Киев, 1905 (оттиск из журнала «Киевская старина)).
[83] *Новина А.* Белорусы // Формы национального движения в современных государствах... С. 30.
[84] *Славинский М.* Национальная структура России и великороссы // Там же. С. 280.
[85] См. цит. в: *Рыбаков С.* Статистика мусульман в России // Мир Ислама. СПб., 1913. Т. 2. Вып. 11. С. 759. С. Рыбаков пришел к выводу, что татарские публицисты завышали количество мусульман, чтобы показать значение и социально-экономическую силу мусульманского населения.
[86] О создании Холмской губернии и сопровождавшей его баталии цифр см.: *Weeks T.R.* Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1996. P. 183–189.
[87] Письмо товарища обер-прокурора Синода председателю ЦСК от 13 февр. 1909 г. // РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 117. Л. 65.
[88] Там же.
[89] Протокол заседания ЦСК, посвященного подготовке будущей переписи населения, 17 апр. 1914 г. РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 130. Л. 11–13.
[90] РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 118. Л. 3, 4 об.
[91] Там же. Д. 121. Л. 716.
[92] Там же. Д. 125. Л. 38.
[93] Там же.
[94] «В Департамент Духовных дел представляются ведомости о распределении прихожан римско-католического исповедания по “национальностям”, которые обозначены так “белорусы, малороссы, поляки, литовцы и латыши”. А где же русские?.. Было бы весьма желательно, чтобы эти “национальности” не попали хотя бы в предстоящую всенародную перепись...» (РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 128. Л. 38).
[95] Там же.
[96] Там же.
[97] *Dowler W.* The Politics of Language in Non-Russian Elementary Schools in the Eastern Empire, 1865–1914 // The Russian Review. 1995. Vol. 54. P. 516–538; *Idem.* The Politics of Schooling Russia's Eastern Nationalities, 1860–1917. Montreal; London; Ithaca: McGill-Queens University Press, 2001; *Chmielewski E.* Op. cit. P. 68–74.
[98] РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 121. Л. 496.
[99] Там же. Л. 728.
[100] *Shevelov G.Y.* The Ukrainian Language in the First Half of the Twentieth Century. 1900–1941. Cambridge: Harvard University Press, 1989. P. 52.
[101] *Dowler W.* The Politics of Schooling Russia's Eastern Nationalities, 1860–1917.
[102] РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 159. Л. 40.
[103] Там же.

[104] РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 121. Л. 19.
[105] *Патканов С.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири: язык и роды инородцев // Записки ИРГО по отделению статистики. СПб., 1912. Т. 11. Вып. 1. С. 3.
[106] Совещание ЦСК 24 июля 1914 г. (РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 141. Л. 76).
[107] Там же.
[108] *Кауфман А., Макаров И.* По поводу переписи города Санкт-Петербурга 15 дек. 1910 г. СПб., 1911. С. 29.
[109] РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 130. Л. 19.
[110] *Кауфман А.А.* Вопросы 2-й всеобщей переписи // Статистический вестник. М., 1914. Кн. 1/2. С. 3.
[111] Совещание ЦСК 21 апр. 1914 г. (РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 130. Л. 17).
[112] РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 141. Л. 76.
[113] РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 118. Л. 3 об.
[114] Там же.
[115] О баталии цифр на международном уровне и критике поляками официальной российской, австрийской и германской статистики см.: *Frejlich J., Dr.* La Structure nationale de la Pologne. Étude statistique. Neuchatel: Imprimerie Atlinger Frires, 1918.
[116] *Weber M.* «Objectivity» in Social Science // Weber M. Sociological Writings. New York: Continuum, 1994. P. 248 (см. рус. пер.: *Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания / Пер. с нем. М. И. Левиной // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990).

Глава 5. «Науки о народностях» (1905–1917)

[1] *Пыпин А.Н.* История русской этнографии: В 4 т. СПб., 1890–1892; *Он же.* О задачах русской этнографии (Чит. в заседании Отд. этнографии 17 апреля 1885 г.). [СПб., 1885]; *Семенов Тян-Шанский П.П.* История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. СПб.: ИРГО, 1896. Т. 1; *Титова З.Д.* Этнография в деятельности Русского географического общества, 1845–1917 гг. / Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1954; *Токарев С.А.* История русской этнографии. М.: Наука, 1966; *Вовина О.П.* Организация этнографического изучения народов России во второй половине XVIII – начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990.
[2] *Knight N.* Science, Empire and Nationality: Ethnography in the Russian Geographical Society, 1845–1855 // Imperial Russia: New Histories for the Empire / Jane Burbank, David L. Ransel (Eds.). Bloogminton; Indianapolis: Indiana University Press, 1998. P. 108–141.
[3] См. работы Натаниэля Найта, в первую очередь статью: *Knight N.* Ethnicity, Nationality and the Masses: Narodnost' and Modernity in

Imperial Russia // Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices / David L. Hoffman, Yanni Kotsonis (Eds.). New York: St Martin Press, 2000. P. 41–64.

[4] См. об этом: *Berelowitch W.* Aux origines de l'ethnographie russe: la société de géographie dans les années 1840–1850 // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1990. № 31 (23). Avril-septembre. P. 265–274.

[5] *Bradley J.* Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia // The American Historical Review. 2002. Vol. 107. Issue 4. P. 1094–1123.

[6] The Invention of Tradition / E. Hobsbawm, T. Ranger (Eds.). Cambridge; New-York: Cambridge University Press, 1992; *Thiesse A.M.* La Création des identités nationales. Europe XVIII–XIXe siècle. Paris: Éditions du Seuil, 1999.

[7] О политической деятельности будущих этнографов см.: *Haberer E.* Jews and Revolution in Nineteenth-Century Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

[8] Отличную биографию Штернберга и анализ его взаимоотношений с американской этнографией можно найти во введении Брюса Гранта к публикации российского ученого: *Sternberg L.* The Social Organization of the Gilyak // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. 1999. № 82. P. XXIII–LVI. См. также: *Гаген-Торн Н.И.* Лев Яковлевич Штернберг. М.: Наука, 1985. О Богораз-Тане см. его воспоминания (*Тан-Богораз В.* Собрание сочинений. М: Земля и фабрика, 1929), а также кн.: *Иохельсон В.И.* Первые дни Народной воли. Пг.: 15-я Гостипография, 1922; *Кулецова Н.Ф.* В.Г. Тан-Богораз. Жизнь и творчество. Минск: Изд-во БГУ, 1975.

[9] Его размышления опирались на политическое понимание гражданства – единственного, на его взгляд, что могло гарантировать достоинство подданных империи. Он подчеркивал, что хотя поляки подвергались преследованиям, за ними по крайней мере признавалось право гражданства, в отличие от евреев, никогда его не имевших: (*Штернберг Л.Я.* Трагедия шестимиллионного народа // Накануне пробуждения: Сборник статей по еврейскому вопросу / Под ред. И.В. Гессена, М.Б. Ратнера, Л.Я. Штернберга. СПб., 1907. С. 163–187, особенно С. 179).

[10] См. об этом текст одного из активных участников еврейского движения, юриста, видного деятеля партии кадетов М.М. Винавера, опубликованный в русскоязычной газете ЕНГ «Свобода и равенство» (1907. 28 янв. № 6. С. 12) и цитированный (в переводе на англ. яз.) в книге: *Gassenschmidt C.* Jewish Liberal Politics in Tsarist Russia, 1900–1914. London: MacMillan, 1995. P. 171.

[11] Там же. С. 46–71.

[12] См. его статьи «Инородцы» (с. 529–574) и «Буряты» (с. 601–624) в

кн.: Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германии / Под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910.

[13] Там же. С. 611.

[14] *Лотоцкий О.* Сторінкі минулого. [Вашингтон,] 1966. Т. 2. С. 365–381 (см. воспроизведенные здесь по-русски аргументы различных сторон).

[15] *Лотоцкий О.* Указ. соч. С. 372.

[16] *Smith M.G.* Language and Power in the Creation of the USSR. 1917–53. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1998 (chap. 1).

[17] *Корш Ф.* Голос из партии 17-го октября. М., 1907.

[18] См. его статью в журнале «Украинская жизнь» (цит. по: *Лотоцкий О.* Ук. соч. С. 343).

[19] Со страниц журнала «Русская мысль» П.Б. Струве, принадлежавший к правому крылу кадетской партии, несколько раз обрушивался на движение за признание украинского как особого языка (статьи 1911–1913 годов).

[20] *Корш Ф.Е.* К спору об украинской культуре // Украинская жизнь. 1912. № 2.

[21] *Русов А.* Статистика // Украинский народ в его прошлом и настоящем / Под ред. Ф.К. Волкова, М.М. Ковалевского, А.А. Шахматова. Пг., 1916. Т. 2. С. 381.

[22] О Русове см.: *Лотоцкий О.* Ук. соч. С. 41–45.

[23] *Дебец Г.Ф.* Этническая антропология в работах русских антропологов конца XIX и начала XX века // Труды института этнографии. Серия: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. 1963. Т. 85. Вып. 2. С. 215–219. О Волкове см.: *Франко О.* Федир Вовк – вчений и громадсьский дияч. Киев, 2000; *Лотоцкий О.* Указ. соч. С. 45–51.

[24] *Волков Ф.К.* Антропологические особенности украинского народа // Украинский народ в его прошлом и настоящем... С. 427.

[25] Там же. С. 452.

[26] *Волков Ф.К.* Этнографические особенности украинского народа // Украинский народ в его прошлом и настоящем... С. 455–647.

[27] См. многочисленные сборники программ политических партий, возникших в начале XX века, например: *Фомин В.М.* Программные документы национальных политических партий и организаций России. М.: РАН, 1996. Вып. 1–2.

[28] Программа Украинской демократическо-радикальной партии // Літературно-науковий вістник. 1906. Т. 34. Кн. 4.

[29] См. библиографию в книге: *Зорин В.Ю., Аманжулова Д.А., Кулешов С.В.* Национальный вопрос в государственных думах России. М.: Русский мир, 1999.

[30] *Бодуэн де Куртенэ.* Национальный и территориальный признак в автономии. СПб., 1913. С. 35; *Snyder T.* The Reconstruction of Nations. New Haven; London: Yale University Press, 2003. Ch. 3.

[31] Об автономистах-федералистах см.: *Циунчук Р.А.* Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения. Казань: Фэн, 2004. С. 207, 317–323.

[32] *Бодуэн де Куртенэ.* Указ. соч. С. 35.

[33] *Waltrous S.* The Regionalist Conception of Siberia, 1860 to 1920 // Between Heaven and Hell. The Myth of Siberia in Russian Culture / Yuri Slezkine, Galya Diment (Eds.). New York: St Martin's Press, 1993. P. 113–132.

[34] *Бодуэн де Куртенэ.* Проект основных положений для решения польского вопроса. СПб.: Труд и польза, 1906. С. 14.

[35] *Emmons T.* The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. Cambridge; London: Harvard University Press, 1983. P. 42.

[36] *Бодуэн де Куртенэ.* Национальный и территориальный признак в автономии. СПб., 1913. С. 57.

[37] См. программу кадетской партии, а также: Доклад бюро съезду земских и городских деятелей 12–15 сентября 1905 года и постановления съезда. М.: Народное право, 1905.

[38] Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. М.: РОССПЭН, 1997. Т. 1. С. 161, 699.

[39] *Volkov F.* The Ukraine question // The Russian Review. 1912. Vol. 1. № 4. P. 117.

[40] *Бодуэн де Куртенэ.* Возможно ли мирное строительство разных народностей в России? // Сборник национальной литературы России. Пг.: Изд-во М.В. Попова, 1915. Т. 1. С. 19–31; *Он же.* Национальный и территориальный признак в автономии. С. 25.

[41] Там же. С. 44.

[42] «Мы не допускаем отождествления государства ни с одною церковью, ни с одною национальностью, и требуем, чтобы государство, и в целом, и во всех своих частях, было вневероисповедным, вненациональным, одним словом, внепартийным» (Там же. С. 57–58).

[43] *Бодуэн де Куртенэ.* Проект основных положений для решения польского вопроса. С. 6.

[44] Доклад бюро съезду земских и городских деятелей... С. 20.

[45] Программа конституционно-демократической партии // Полный сборник платформ всех русских политических партий. М.: ГПИБ, 2001. С. 56–66.

[46] *Pipes R.* The Formation of the Soviet Union. Revised edition. Cambridge; London: Harvard University Press, 1997. P. 29–30.

[47] *Бодуэн де Куртенэ.* Национальный и территориальный признак в автономии. С. 52.

[48] Там же. С. 50.
[49] Там же. С. 21.
[50] Там же. С. 15–23.
[51] Там же. С. 22–23.
[52] Там же. С. 33.
[53] Там же.
[54] *Mcclelland J.C.* Autocrats and Academics. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1979.
[55] См. многочисленные публикации, посвященные этому съезду, в частности в журналах «Землеведение», «Этнографическое обозрение» и «Живая старина». Наиболее подробно съезд освещен в статье: *Бартольд В.*: Хроника: XII съезд русских естествоиспытателей и врачей в Москве, занятия подсекции этнографии // Живая старина. 1910. Год XIX. С. 176–187.
[56] *Changina I.I.* Les musées ethnographiques en Russie // Ethnologie française. 1996. № 4. P. 599–610.
[57] *Ратнер-Штернберг С.А.* Л.Я. Штернберг и Ленинградская этнографическая школа, 1904–1927 гг. // Советская этнография. 1935. № 2. С. 135.
[58] С 1900 года МАЭ публиковал «Сборник Музея антропологии и этнографии». В 1908 году Русский музей начал выпускать серию «Материалы об этнографии России».
[59] Музей был открыт только в 1923 году.
[60] Несмотря на отсутствие в университетах кафедр этнографии, Харузин по своей инициативе стал читать курс этнографии в Московском университете. Эти лекции прервались с его кончиной.
[61] *Харузин Н.* Этнография – лекции, читанные в Императорском Московском университете. СПб., 1901. Вып. 1. Часть общая. С. 26.
[62] *Штернберг Л.Я.* Этнография // Энциклопедический словарь. СПб.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1904. Т. 81. С. 180.
[63] В то время Н.М. Могилянский работал как этнограф и археолог в Русском музее Александра III и входил в совет Русского антропологического общества. В период независимости Украины он работал в Государственном совете, а затем был направлен во Францию в составе украинской делегации. Находясь в Праге, он входил в состав партии кадетов в изгнании (*Вернадский В.И.* Дневники 1917–1921. Киев: Наукова думка, 1997. С. 244).
[64] Ежегодник Русского антропологического общества. 1908. СПб., 1909. Т. 3. С. 101–114; Живая старина. 1916. Вып. 1–3. С. 1–22. См. также: Журнал заседания отделения этнографии ИРГО // Этнографическое обозрение. Год 28. 1916. М., 1916. Кн. 109–110. № 1–2. С. 151–156.
[65] *Могилянский Н.М.* Предмет и задачи этнографии // Живая старина. 1916. Вып. 1–3. С. 11.

[66] Там же. С. 1–22.
[67] *Могилянский Н.М.* Этнография и ее задачи // Ежегодник Русского антропологического общества. Т. 3. 1908. СПб., 1909. С. 112.
[68] Журнал заседания отделения этнографии ИРГО, 4 марта 1916 г. // Живая старина. 1916. № 1. С. 6.
[69] См. первый опыт расовой классификации, предложенный А.А. Ивановским: *Ивановский А.А.* Об антропологическом составе населения России. М., 1904; *Он же.* Население земного шара: опыт антропологической классификации // Известия ИОЛЕАЭ. М., 1911. Т. 121. Труды антропологического отдела. Т. 17. Критику этого подхода см. в кн.: *Руденко С.И.* По поводу опыта классификации населения земного шара А.А. Ивановского // Ежегодник Русского антропологического общества. СПб., 1913. Т. 4. С. 165–170. Ср. выступление Анучина на защите диссертации Ивановского в Московском университете 5 апреля 1913 года, в присутствии 150 человек, приведенное в журнале «Землеведение» (1913. Кн. 1. С. 240–250). (См. соответствующие раздылы в кн.: *Могильнер М.* Homo imperii. Очерки истории антропологии в Российской империи и СССР. М.: НЛО, 2007.)
[70] *Волков Ф.К.* Новейшие направления в антропологических науках и ближайшие задачи антропологии в России // Ежегодник Русского антропологического общества. СПб., 1913. Т. 4. С. 4–20.
[71] Землеведение. 1913. Кн. 1. С. 240.
[72] *Dragadze T.* The place of «ethnos» theory in Soviet Anthropology / Ernst Gellner (Eds.). London: Soviet and Western Anthropology, Duckworth, 1980. P. 161–170.
[73] *Патканов С.К.* Проект составления племенной карты России // Живая старина. 1915. Вып. 3. С. 218.
[74] Там же. С. 240.
[75] Там же.
[76] С.-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1-1917. Л. 40–40 об.
[77] Documenting Individual Identity. The development of State Politics in the Modern World / Jane Caplan, John Torpey (Eds.). Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2001.
[78] О национальных воинских формированиях см.: *Hagen M. von.* War and the Transformation of Loyalties and Identities in the Russian Empire, 1914–1918 // Annali. Anno trentaquattresimo. Milano: Feltrinelli, 1998. P. 1–36.
[79] Хороший обзор этого явления представлен в книге: *Lohr É.* Nationalizing the Russian Empire. The Campaign against Enemy Aliens during World War I. Cambridge: Harvard University Press, 2003.
[80] Ibid. P. 151–153; *Лотоцкий О.* Указ. соч. С. 45–51.
[81] Об Ольденбурге см.: Сергей Федорович Ольденбург. М.: Наука, 1986.

[82] О КЕПС см.: *Vucinich A.* Empire of Knowledge. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1984.
[83] Об учреждении комиссии по изучению племенного состава населения России // Известия комиссии по изучению племенного состава населения России. 1917. № 1. С. 7.
[84] *Liulevicius V.G.* War Land on the Eastern Front. Culture, National Identity and German Occupation in World War I. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 114–150.
[85] См. диссертацию Ф. Дундар (*Dundar F.* L'ingénierie éthnique du Comité Union et Progrès: la turcisation de l'Anatolie (1913–1918). Thèse de l'EHESS, 2007).
[86] СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1917. Д. 30. Л. 30–30 об.
[87] *Золотарев Д.* Работа КИПС // СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 360. Л. 6.
[88] Об учреждении комиссии по изучению племенного состава населения России... С. 7.
[89] Там же. С. 10.
[90] О подготовке переписи см. архив Министерства земледелия Временного правительства: ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 315.
[91] Инструкция по производству Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи и Всероссийской городской переписи 1917 г. Пг., 1917. С. 5.
[92] ГАРФ. Ф. 1811. Оп. 1. Д. 221. Л. 1.
[93] Там же. Д. 219. Л. 10.
[94] Ср. переписные листы: ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 351–352.
[95] ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 352. Л. 13–14.
[96] Сергей Федорович Ольденбург...
[97] СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1917. Д. 30. Л. 188.

Глава 6. Расцвет национальных самосознаний (1917–1929)

[1] Во время Парижской мирной конференции представители различных народностей распространяли среди участников переговоров брошюры со статистическими данными и картами. Ср.: Délégation de la République arménienne, La République arménienne et ses voisins. Paris, 1919; Délégation de la République arménienne, La Question arménienne dans la Conférence de la Paix, s.d.; Délégation Azerbaïdjanienne de la Conférence de la Paix, Composition anthropologique et ethnique de la population de l'Azerbaïdjan du Caucase. Paris, 1919. Приведенные в них сведения опирались на данные переписи 1897 года с учетом естественного прироста населения; они не противоречили статистике, приведенной в приложении к проекту закона о введении земств в Закавказье (январь 1917 года). Пользуюсь случаем выразить благодарность Клер Мурадян, познакомившей меня с этими документами.

[2] Весной 1919 года новое Центральное статистическое управление завершило работу с данными, согласно которым Польша претендовала на 14 губерний, и передало их военным, готовившим переговоры об определении границ с Польшей (Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп.1. Д. 111. Л. 11).

[3] О территориальной реинтеграции бывших имперских окраин см.: *Carr E.H.* La Révolution bolchevique. Paris: Les Éditions de Minuit, 1969. T. 1: La formation de l'URSS; *Carrère D'encausse H.* Le grand défi: Bolcheviques et nations. Paris: Flammarion, 1987; *Pipes R.* The Formation of the Soviet Union. Revised edition. Cambridge; London: Harvard University Press, 1997; *Smith J.* The Bolsheviks and the National Question. 1917–1923. London; New York: MacMillan Press, Martin's Press, 1999.

[4] *Slezkine Y.* The Soviet Union as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. 1994. № 53(2). P. 415–452.

[5] *Haupt G., Lowy M., Weill C.* Les Marxistes et la question nationale, 1848–1914. Paris: L'Harmattan, 1997.

[6] *Ленин В.И.* О национальной политике. М.: Политиздат, 1989.

[7] *Сталин И.В.* Национальные моменты в партийном и государственном строительстве: Тезисы доклада, представленного на XII съезде РКП(б) 23 апреля 1923 года // Сталин И. В. Собр. соч.: В 16 т. М., 1952. Т. 5.

[8] Незадолго до начала войны Ленин поручил нескольким большевикам написать статьи о национальном вопросе, чтобы прояснить позицию партии в этой области. Текст Сталина не был единственным, но именно он привлек наибольшее внимание. См.: *Ter Minassian A.* Stepan Chahoumian et l'autonomie nationale culturelle // Russes, Slave et Soviйtiques. Paris: Mélanges Roger Portal, 1992. P. 291–312.

[9] Сталин давал следующее определение нации: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» (*Сталин И.В.* Марксизм и национальный вопрос // Сталин И.В. Собр. соч.: В 16 т. М., 1946. Т. 2).

[10] «Единственное верное решение – областная автономия, автономия таких определившихся единиц, как Польша, Литва, Украина, Кавказ и т.п. Преимущество областной автономии состоит прежде всего в том, что при ней приходится иметь дело не с фикцией без территории, а с определенным населением, живущим на определенной территории. Затем она не межует людей по нациям, она не укрепляет национальных перегородок, – наоборот, она ломает эти перегородки и объединяет население для того, чтобы открыть дорогу для межевания другого рода, межевания по классам» (Там же).

[11] Там же.

[12] В 1922 году Сталин вновь высказался за принцип территориальной автономии, вступив в спор с Лениным по вопросу о форме будущей федерации. Он предлагал, чтобы все республики вошли в Российскую Федерацию, тогда как Ленин выступал за то, чтобы союзные республики рассматривались на равных с РСФСР. О споре между Лениным и Сталиным по поводу образования СССР см. отличный обзор историографии и документов, опубликованных в 1990-е годы, в книге: *Smith J.* Op. cit.

[13] Первые меры, призванные учесть национальный состав микрорегионов, порой даже сел, были разработаны на Украине, а затем распространены на всю территорию СССР (см. об этом книгу: *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001). Решение о разделе Средней Азии на национальные республики было принято местными властями, а не центром (*Haugen A.* The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia. New York: Palgrave Macmillan, 2003).

[14] *Alexoupolos G.* Stalin's Outcasts. Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca; London: Cornell University Press, 2003; *Moine N.* Le pouvoir soviétique face au petit peuple urbain: Clivages sociaux, assignation des identités et acculturation à Moscou dans les années 1930 / Thise de Doctorat. Université de Lyon II, 2000.

[15] *Martin T.* Op. cit.

[16] *Blum A.* Naître, vivre et mourir en URSS, 1917–1991. Paris: Plon, 1994; *Mespoulet M.* Statistique et révolution en Russie. Un compromis impossible (1880–1930). Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2001; *Blum A., Mespoulet M.* L'anarchie bureaucratique. Statistique et pouvoir sous Staline. Paris: La Découverte, 2003 (см. рус. пер: *Блюм А., Меспуле М.* Бюрократическая анархия. Статистики и власть при Сталине. М., 2006).

[17] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 111. Л. 165.

[18] Фабрикам была направлена телеграмма за подписью Ленина с требованием увеличить выпуск бумаги в связи с проведением переписи. См. материалы дела, в котором отразилось участие Ленина в организации переписи: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 184.

[19] По словам Михайловского, политическая ситуация того времени диктовала необходимость располагать данными о национальном составе (Там же. Л. 11).

[20] *Patriarca S.* Numbers and Nationhood: Writing Statistics in Nineteenth-Century Italy. New York: Cambridge University Press, 1996. Введение и глава 7 (A Map of a New Nation).

[21] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 158. Л. 87.

[22] Предварительные итоги переписи населения 28 августа, население 25 губерний // Труды Центрального статистического управления. М., 1920. Т. 1. Вып. 1. Сер. 1: Отдел демографии. С. 6.

[23] Там же. С. 5.

[24] В Хорезмском и Бухарском округах, формально еще не вошедших в Советскую республику, а также в Минской области, Подолье и Дагестане перепись не проводилась. Так же обстояло дело в отдельных областях Туркестана, в частности в Фергане, в ряде районов Северного Кавказа, Сибири, Тамбовской и Архангельской губерний (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 2. Д. 336. Л. 24). См. также: Administration centrale de statistique de l'URSS, Recensement de la population du 17 décembre 1926 // Population de l'URSS. Moscou: Édition de l'Administration Centrale de Statistique de l'URSS, 1927. P. 1.

[25] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 2. Д. 306. Л. 162–175.

[26] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 2. Д. 330. Л. 5.

[27] Там же.

[28] Там же.

[29] Там же. Д. 305. Л. 97 об.; Д. 333. Л. 2.

[30] Там же.

[31] Предварительные итоги переписи населения 28 августа... С. 6.

[32] Там же. Вып. 2. С. 5; Бюллетень ЦСУ. 1920. № 41.

[33] *Пустоход П.И., Воблый В.К.* Переписи населения. М., 1936. С. 63; Стенограмма второй всероссийской конференции [статистиков], янв. 1920 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 152. Л. 95.

[34] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 2. Д. 333. Л. 3.

[35] Здесь и далее французский термин «autodéfinition» (буквально «самоопределение»), употребляемый в оригинале в значении самоидентификации индивидов, будет переводиться как «индивидуальное самоопределение», а «autodйtermination», традиционно используемый, когда речь идет о праве целого народа, — как «самоопределение». (*Примеч. перев.*)

[36] *Halfin I.* From Darkness to Light. Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000. P. 28–29.

[37] *Weiner A.* Making sense of war. The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton: Princeton University Press, 2001 (Введение).

[38] *Ваганян В.* О национальной культуре. М., 1927.

[39] Руководство компартии Татарстана разделяло мнение Ваганяна. См. отчет о национализации советских республик 1927 года, опубликованный в книге: ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос / Сост.: Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2005. Кн. 1. С. 503–521. О сопротивлении внутри ВКП(б) политике коренизации см. работы Терри Мартина (T. Martin).

[40] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 2. Д. 306. Л. 185.

[41] Там же.

[42] Об учреждении комиссии по изучению племенного состава населения России // Известия комиссии по изучению племенного состава населения России. 1917. № 1. С. 10.

[43] О содержании формуляров актов записи гражданского состояния см.: Народонаселение: Энциклопедический словарь / Сост. Г.Г. Меликян и др. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. С. 591; *Blum A., Mespoulet M.* Op. cit. P. 276–278.

[44] Составлявшиеся по квартирам и домохозяйствам текущие списки населения должны были содержать сведения о количестве жильцов или членов семьи, их возрасте, национальности или гражданстве/подданстве, уровне образования, занятиях, отношении к военной обязанности, о трудоспособности, семейном положении (Бюллетень ЦСУ. 1921. № 40; Протокол заседания секций демографической статистики, образования, военной и санитарной ЦСУ, ноябрь 1922 года. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 297. Л. 13–15).

[45] *Кун В.* К вопросу о статистическом учете племенной группы в Туркестане // Вестник статистики. 1926. Кн. 21. № 4–6. С. 162, 164–165.

[46] Там же. С. 166.

[47] *Сталин И.В.* Речь на собрании студентов КУТВ 18 мая 1925 года «О политических задачах Университета народов Востока» // Сталин И.В. Собр. соч. М., 1947. Т. 7. Во время переписи 1926 года статистики использовали те же аргументы для защиты длинного перечня национальностей (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 4. Л. 6).

[48] *Brown K.* A Biography of No Place. From Ethnic Borderland to Soviet Heartland. London: Harvard University Press, 2004. P. 38.

[49] *Магидович И.* Материалы по районированию Средней Азии. Ташкент: Комиссия по районированию Средней Азии, 1926. Кн. 1. С. 8–9.

[50] Там же. С. 12.

[51] СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 11. Л. 134–137.

[52] Там же. Д. 23. Л. 22. Требование отличать национальность от местожительства, вероисповедания и гражданства звучало также по поводу актов гражданского состояния.

[53] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 20.

[54] Там же.

[55] Термин «горцы» традиционно применялся в отношении целого ряда кавказских народов. Следует отметить в связи с этим сохранение более старых терминов, например «инородцы». Слово «горцы» будет фигурировать, в частности, в общих таблицах.

[56] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 41. Л. 154.

[57] Там же. Д. 20.

[58] Там же. Д. 23. Л. 92.

[59] *Cadiot J.* Les relations entre le centre et les régions en URSS à travers les débats sur les nationalités das le recensement de 1926 // Cahiers du Monde Russe. 1997. № 38 (4). P. 615–616.
[60] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 23.
[61] Конституция (основной закон) СССР. М., 1960. С. 145.
[62] *Hirsch F.* Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell University Press, 2005. Chap. 2, 5.
[63] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 161. Л. 120 об.
[64] В 1917 году в комиссию входили 18 человек, в том числе все виднейшие этнографы, участвовавшие в дискуссиях 1910-х годов: Ф.К. Волков, Н.М. Михайловский, Д.Я. Штернберг, С.Ф. Патканов, В.В. Бартольд, Д.А. Золотарев, С.И. Руденко и др. (Об учреждении комиссии по изучению племенного состава населения России... С. 12). В начале 1920-х годов число членов комиссии выросло вдвое, до 36 человек, прежде всего за счет участия таких известных московских этнографов, как А.Н. Максимов, Д.Н. Анучин, В.В. Богданов (Там же. С. 320–321).
[65] Об учреждении комиссии по изучению племенного состава населения России... С. 10.
[66] *Карский Е.Ф.* Этнографическая карта белорусского племени // Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России. 1917. № 2; *Smith J.* Op. cit. P. 71.
[67] Об учреждении комиссии по изучению племенного состава населения России... С. 11.
[68] Там же. С. 13, 15.
[69] Там же. С. 14.
[70] Там же. С. 9.
[71] Отчет комиссии по изучению племенного состава населения России за 1919 год. Пг., 1920. С. 308–311.
[72] Там же. С. 304–307.
[73] *Ульянинский А.* Несколько слов о статистике по национальному вопросу // Жизнь национальностей. 4 мая 1919. № 16 (24). С. 1.
[74] *Hirsch F.* Op. cit. P. 62–98; *Александров Г.* Экономическое районирование России. М., 1921. С. 47.
[75] ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1473 (1). Л. 52.
[76] Казань – центр Волжско-Камской области. Казань, 1923.
[77] ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. С. 300.
[78] Там же. С. 392–393.
[79] Терри Мартин упоминает регионы, руководство которых предприняло меры по «деколонизации» территорий, отказывая недавним переселенцам из числа славян в доступе к перераспределяемой среди туземного населения земле. Речь идет о Казахстане, Киргизии, Бурят-Монголии, Северном Кавказе (*Martin T.* Op. cit. P. 57).
[80] ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос... С. 284–285.

[81] Там же. С. 311–315.
[82] *Hirsch F.* Op. cit. P. 145–186.
[83] Ibid. P. 158.
[84] РГАСПИ. Ф. 62 [Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б)]. Оп. 2. Д. 106. Л. 90.
[85] См., в частности, статью: *Hirsch F.* Towards an Empire of Nations: Borders Making and the Formation of Soviet National Identities // The Russian Review. 2000. Vol. 59. P. 201–225.
[86] См., например, письмо Сталина, в котором он выступил против объединения северных и южных осетин в одну группу (1925): ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. С. 297–298.
[87] *Haugen A.* Op. cit.
[88] К.Д. Егоров упоминает труды ряда географов, выступавших за административно-территориальное переустройство страны на основе географического и экономического принципа: *Егоров К.Д.* Районирование СССР: Сборник материалов по районированию с 1917 по 1925 г. М.: Госплан СССР, 1926. Он ссылается, в частности, на работу В.П. Семенова-Тян-Шанского: Торговля и промышленность Европейской России по районам. СПб., 1911. В советское время сын П.П. Семенова-Тян-Шанского (в свое время активно защищавшего принцип зонального распределения природных ресурсов) участвовал в дискуссиях о районировании в Географическом обществе и Академии наук. Егоров упоминает также работы А.А. Кауфмана (*Егоров К.Д.* Указ. соч. С. 28–35).
[89] *Bourguet M.N.* Déchiffrer la France: la statistique départementale à l'époque napoléonienne. Paris: Éditions des archives contemporaines, 1988.
[90] *Егоров К.Д.* Указ. соч. С. 15–18.
[91] Там же. С. 18.
[92] Переход от четырехуровневой системы (совет, волость, уезд, губерния) к трехуровневой (совет, район, округ). Решение о сокращении числа административно-территориальных единиц было принято на IX съезде Советов в декабре 1921 года и начало проводиться в жизнь в 1923 году (*Егоров К.Д.* Указ. соч. С. 50).
[93] Письмо Тер-Габриэляна // ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. С. 432–436.
[94] *Martin T.* Op. cit. P. 31–74.
[95] ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. С. 355–359, 503–521, 648–653.
[96] ГАРФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1700. Л. 80.
[97] «Мингрельское крестьянство не понимало грузинского языка, между тем, так как все партийные, советские и прочие учреждения вели свою работу на грузинском языке, что неизбежно приводило к отры-

ву этих учреждений от широких трудящихся масс». Когда члены комиссии приехали в Зугдидский уезд, им рассказали, что «население не понимает выпускаемые циркуляры и получаемые газеты на грузинском языке. Нет даже программы партии и политграмоты на мингрельском языке, не говоря уже об учебниках для школ первой ступени и по ликвидации неграмотности среди взрослого населения» (ГАРФ. Ф. 374. Оп. а 27с. Д. 1700. Л. 78–79).

[98] О создании Мархлевска см.: *Brown K.* Op. cit. P. 18–47.

[99] *Snyder T.* Sketches from a Secret War. A Polish Artist's Mission to Liberate Soviet Ukraine. New Haven – Oxford: Yale University Press, 2005. P. 37.

[100] ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. С. 461.

[101] О проектах создания Еврейской республики в Крыму см.: Там же. С. 376–378, 394–409.

[102] *Roy O.* La Nouvelle Asie centrale, ou La Fabrication des nations. Paris: Éditions du Seuil, 1997.

[103] *Hirsch F.* Towards an Empire of Nations... P. 201–225; *Haugen A.* Op. cit. P. 192–193.

[104] *Brubaker R.* Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. Chap. 1.

[105] *Smith M.G.* Language and Power in the Creation of the USSR. 1917–53. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1998.

[106] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1984. Т. 3: 1922–1925 гг. С. 86.

[107] ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. С. 29–30.

[108] Грузинский и армянский языки стали государственными еще до прихода к власти большевиков.

[109] ГАРФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1705. Л. 52.

[110] *Edgar A.L.* The Creation of Soviet Turkmenistan. 1924–1938 / PhD Dissertation. University of California,Berkeley, 1999. P. 344.

[111] ГАРФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1705. Л. 105.

[112] Там же. Л. 50. В прилагаемом отчете по поводу языка говорилось: «...разница заключается в разных наречиях, доводящих эту разницу почти до такой степени, которая существует примерно между белорусскими и русскими или украинскими и русскими. Очень много слов у луговых мари, совершенно непонятных для горных... Мужики горные и луговые, никогда не видевшие друг друга и не встречавшиеся, почти не понимают или очень плохо понимают друг друга, в большинстве случаев предпочитают, чем на родном языке, вести разговор на русском языке». Как отмечалось в этом документе, до 1927 года выбор обычно останавливался на языке луговых мари. Так, в 1922–1925 годы сюда в массовом порядке поступала из области

литература на этом языке, непонятном для горных мари (ГАРФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1705. Л. 49–50).

[113] *Smith M.G.* Op. cit.

[114] ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. С. 351.

[115] Там же. С. 223–224.

[116] Там же. С. 355–359.

[117] *Payne M.J.* Stalin's Railroad. Turksib and the Building of Socialism. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2001. P. 126–155.

[118] *Martin T.* Op. cit. P. 137. Автор приводит в качестве примера Туркестан в 1923 году и Бурят-Монгольскую АССР в 1927 году.

[119] ГАРФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1691. Л. 40.

[120] ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос... С. 503–520.

[121] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 62. Л. 42–45.

[122] ГАРФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1700. Л. 80 об.

[123] Там же. Л. 6.

[124] Об учреждении комиссии по изучению племенного состава населения России... С. 5.

[125] *L'Estoile B., de.* Science de l'homme et «domination rationnelle», savoir ethnologique et politique indigène en Afrique coloniale française // Revue de synthèse. 2000. № 3–4. P. 291–323.

[126] Об учреждении комиссии по изучению племенного состава населения России... С. 3; *Золотарев Д.* Работа Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран (1917–1927 гг.) СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 360. Л. 1.

[127] *Vucinich A.* Empire of Knowledge. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1984. P. 104.

[128] РГАЭ. Ф. 4337. Оп. 18. Д. 37, 76–79, 253а, 256, 339, 341.

[129] Планировалось, что в журнале будут публиковаться статьи по следующим «гуманитарным» дисциплинам: эмбриология, морфология, физиология, генетика и евгеника, гигиена и здравоохранение, этническая антропология, палеоэтнология, материальная и духовная культура, лингвистика, география, демография и статистика. В редакционный комитет, возглавляемый С.Ф. Ольденбургом, входили Д.А. Золотарев, П.П. Иванов, Н.Я. Марр, В.Л. Омелянский, И.П. Павлов, С.И. Руденко, В.П. Семенов-Тян-Шанский, Ю.А. Филипченко. Планировалось, что в журнале будут сотрудничать этнографы, антропологи, статистики, языковеды, а также специалисты по естественным наукам, например И.П. Павлов, опубликовавший здесь результаты изучения рефлексов, или приверженец евгеники Ю.А. Филипченко (Человек. 1928. № 1).

[130] *Руденко С.И.* Антропологические исследования в экспедициях особого комитета АН по исследованию союзных и автономных республик // Человек. 1928. № 1. С. 77–79; *Ферсман А.Е.* Экспедиционная

деятельность АН СССР и ее задачи // Материалы Комиссии Экспедиционных исследований. Л., 1929. Вып. 19. Ферсман различал геологические, минералогические, геофизические и палеонтологические экспедиции (всего 108 за период с 1919 по 1928 год), этнологические и археологические (45), филологические (21) и, наконец, антропологические, санитарно-медицинские, статистические и экономические (18).

[131] *Семенов-Тян-Шанский В.П.* Человек как производительная сила // Человек. 1928. № 1. С. 57–60.

[132] ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. С. 107–109.

[133] *Slezkine Y.* Arctic mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. New York: Cornell University Press, 1994. P. 138.

[134] ГАРФ. Ф. Р–1318. Оп. 1. Д. 1473 (1). Л. 52.

[135] Точнее, речь шла о Комитете содействия народностям северных окраин. В его ведении находилось население общей численностью около 150 000 человек, не имевшее еще ни автономной системы управления, ни территорий с точно установленными границами. К числу малых народов Севера относились саамы, ханты, манси, ненцы, энцы, нганасаны, селькупы, кеты, эвенки, эвены, негидальцы, нанайцы, ульчи, ороки, орочи, удэгейцы, нивхи, коряки, ительмены, юкагиры, эскимосы, алеуты, долганы, тофалары и некоторые другие народности.

[136] ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. С. 200–201.

[137] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР // Северная Азия. 1927. Кн. 2. С. 85–91; *Антропова В.В.* Участие этнографов в практическом осуществлении ленинской национальной политики на Крайнем Севере (1920–1930 гг.) // Советская этнография. 1972. № 6. С. 19–27.

[138] *Дурманов Н.Д.* Преступления, составляющие пережитки родового быта. М., 1938.

[139] *Northrop D.* Nationalizing Backwardness: Gender, Empire, and Uzbek Identity // A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Soviet Union / Ed. T. Martin, R.G. Suny. New York: Oxford University Press, 2001. P. 191–220.

[140] *Northrop D.* Veiled Empire. Gender and Power in Stalinist Central Asia. Ithaca; London: Cornell University Press, 2004. P. 82–90.

[141] *Shepard T.* The Invention of Decolonization: The Algerian War and the Remaking of France. Ithaca: Cornell University Press, 2006. P. 183–204.

[142] *Northrop D.* Veiled Empire... P. 254–255.

[143] Уголовный кодекс Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 г. М., 1927.

Глава 7. В поисках советских народностей

[1] Бюллетень ЦСУ. 15 янв. 1925. № 96. С. 1.

[2] В течение года все операции по пересмотру внутренних границ были приостановлены.

[3] Эту перепись можно сравнить с большим статистическим обследованием, предпринятым через десять лет после Французской революции по инициативе министра внутренних дел Шапталя (*Bourguet M.N.* Déchiffrer la France).

[4] *Воблый В.К., Пустоход П.И.* Переписи населения (их история и организация). М.: Госпланиздат, 1940. С. 128.

[5] *Жиромская В.Б.* Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов: история подготовки и проведения // История СССР. 1990. № 3. С. 86–87.

[6] Централизация была связана с выработкой первого пятилетнего плана. Вначале речь шла о РСФСР, где в 1926 году были сокращены прерогативы автономных республик, а затем обо всей территории СССР (1927) (ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос / Сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2005. Т. 1. С. 332–334, 346–351, 365–366, 476–481, 483–486).

[7] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества / Пер. с англ. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С. 181–188.

[8] В этих районах работа счетчиков началась в августе, до снега и холодов, которые грозили прервать сообщение.

[9] *Воблый В.К., Пустоход П.И.* Указ. соч. С. 120.

[10] Закавказское Центральное статистическое управление. К переписям 1926–1927 гг.: Сборник статей. Тифлис: Издание Зак. ЦСУ, 1926.

[11] В.В. Осинский (Оболенский) (1887–1938), управляющий ЦСУ (1926–1928), руководитель Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) Госплана СССР (1932–1935).

[12] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 168. Л. 23–29.

[13] *Осинский В.В.* О переписных «уклонах» и переписной «отсебятине» // Правда. 1926. № 291 (3520). 16 дек.

[14] Протокол собраний переписной комиссии № 25, 6 декабря 1926 г. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 9. Осинский говорил об этом также в упомянутой выше статье «О переписных “уклонах” и переписной “отсебятине”».

[15] 3-я сессия ЦИК, стенографический отчет. М.: Изд. ЦИК СССР, 1927. С. 231.

[16] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 12. Л. 162.

[17] Осинский напомнил об этом факте во время того же заседания Пленума ЦИК (3-я сессия ЦИК, стенографический отчет. С. 240).

[18] Бюллетень ЦСУ. 15 марта 1926. № 117. С. 97.

[19] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 10. Л. 51.
[20] Бюллетень ЦСУ. 15 июля 1925. № 105. С. 114.
[21] Там же. С. 114–115.
[22] Бюллетень ЦСУ. 15 марта 1926. № 117. С. 98.
[23] Для контроля за переводами был создан ученый совет, в который вошел представитель ЦСУ (Протокол заседания ЦСУ, 30 ноября 1925 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 380. Л. 38–39).
[24] Протокол заседания сотрудников ЦСУ 9 июля 1925 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 383. Л. 317.
[25] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 31, 49.
[26] Дискуссии на IV съезде статистиков // Бюллетень ЦСУ. 15 мая 1926. № 117. С 110.
[27] *Сталин И.В.* Речь на собрании студентов КУТВ 18 мая 1925 г. // Сталин И.В. Собр. соч. М., 1947. Т. 7.
[28] *Соколовский В.Г.* Казакский аул: к вопросу о методах его изучения. На основе решений V-й Всеказакской партконференции и 2-го Пленума Казкрайкома ВКП(б). Ташкент: ЦСУ Казакской АССР, 1926. С. 36–37; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 47. Л. 41.
[29] Бюллетень ЦСУ. 15 янв. 1925. № 96. С. 13.
[30] Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1928. Т. 5: Крымская АССР, Северо-Кавказский край, Дагестанская АССР: народность, родной язык, возраст, грамотность. С. 385.
[31] Протокол заседания Среднеазиатского экономического совета. 7 окт. 1926 г. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 43.
[32] По случаю переписи были составлены подробные таблицы, например туркменских племен со всеми их ответвлениями и кланами (*Cadiot J.* Les relations entre le centre et les régions en URSS a travers les débats sur les nationalités das le recensement de 1926 // Cahiers du Monde russe. 1997. № 38 (4). P. 615–616).
[33] Казачество Северо-Кавказского края: Итоги переписи населения 1926 г. Ростов-на-Дону, 1928. Я благодарю Алена Блюма за то, что он привлек мое внимание к этому документу.
[34] *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001; *Mace J.E.* Communism and the Dilemmas of National Liberation: National Communism in Soviet Ukraine, 1918–1933. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983; ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. С. 382–386, 397–404, 486–493.
[35] *Ходос М. П.* К вопросу о программе переписей населения в 1926 г. Киев: Киевское окружное статистическое бюро, 1926. С. 11.
[36] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 4. Л. 23.
[37] Речь шла о том, чтобы напрямую указывать в переписных бланках: «башкирский язык» (*Осинский В.* О переписных уклонах // Правда. 1926. № 291 (3520). 16 дек.

[38] *Осинский В.* Указ. соч.; *Шевле.* К всесоюзной переписи // Правда. 1926. 6 дек. 1926.

[39] РГАЭ. Ф 1562. Оп. 336. Д. 10. В апреле 1927 года после проверки данных о народностях Квиткин пришел к выводу, что в некоторых волостях, где во время переписи возникли конфликты, можно было заметить пристрастность при регистрации национальности. Для проверки собранная информация была сопоставлена с данными переписи 1920 года и земскими переписями. Так были обнаружены значительные расхождения: число башкир сократилось с 650 до 46, а татар выросло с 285 до 845; тептяри, записанные башкирами, оказались «татарами».

[40] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 8. Л. 110. Как уточнял статистик Пашковский: «Сейчас мы говорим об Украине, как о некоем целом, но на Украине есть болгары, поляки, евреи, румыны, и у них соответствующие районы. Все эти люди связаны крупным рядом интересов — выделиться ли в национальный район или быть зачисленным в украинский район».

[41] В архиве Президиума ВЦИК сохранилось дело, которое позволяет проследить этапы этого столкновения, благодаря письмам за период с сентября 1927 по февраль 1928 года (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 252).

[42] ГАРФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1707. Л. 64–65; *Martin T.* Op. cit. P. 71–72; *Hirsch F.* Towards an Empire of Nations: Borders Making and the Formation of Soviet National Identities // The Russian Review. 2000. Vol. 59. P. 201–226. Создание Таджикской ССР было призвано решить эту проблему.

[43] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 433. Л. 79–81. Сильные искажения данных о национальном составе были выявлены в следующих областях: в Татарии, на Кубани, на Дону, в Курской губернии, Гомельском, Речицком, Красненском, Новозубковском уездах, в части Курайского уезда, в Стародубском уезде (где в 1917 году большинство населения принадлежало к «неизвестной народности»), в Смоленске.

[44] В качестве мер предлагалось: отказаться от внесения в инструкции тенденциозных пометок, категорически запретить объединять в одну группу русских, белорусов и украинцев; в местах, населенных национальными меньшинствами, распорядиться брать в инструкторы представителей этих национальностей.

[45] *Martin T.* Op. cit. P. 42.

[46] Ibid. P. 71–72.

[47] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 4. Л. 30.

[48] СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 23. Л. 64, 109 об.

[49] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 4. Л. 10. В переписи 1926 года мегрелов было, однако, 340 000 человек.

[50] В документах 1920-х годов, в частности, указывалось, что в 1442–

1803 годы мегрелы имели собственное государство.

[51] ГАРФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1699. Л. 16, 24–28; Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1700. Л. 76.

[52] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 4. Л. 32. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 19. Д. 804. Л. 25.

[53] ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 19. Д. 834. Л. 26.

[54] Там же.

[55] Там же.

[56] СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 23. Л. 124–125. После столкновения с ЦСУ по поводу регистрации в качестве самостоятельных народностей лазов, сванов, мегрелов и аджарцев, СНК Грузинской ССР направил протест напрямую пленуму ВЦИК. Президиум Совета национальностей ЦИК, к которому обратилось ЦСУ, сообщил 3 марта 1927 года, что он считает необходимым подсчитывать отдельно лазов, сванов, мегрелов и аджарцев (ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 19. Д. 804. Л. 40). 20 января 1927 года перепись обсуждалась на пленарном заседании СНК ЗСФСР. Была сформирована комиссия с участием ученых, на которую было возложено рассмотрение перечня народностей СССР, предложенного ЦСУ. Комиссия выступила, в частности, против рассмотрения картвельских народостей отдельно от грузинского народа (Извлечения из протоколов заседаний собрания членов КИАН // Бюллетень Кавказского историко-археологического института в Тифлисе. Тифлис: АН СССР. 1928. № 1–3. С. 32–33). См. также письмо, направленное в Кавказский историко-археологический институт, сохранившееся в архиве КИПС (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 23. Л. 125–127).

[57] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 8. Л. 108–109.

[58] Там же. Л. 109.

[59] Там же. Л. 114.

[60] *Martin T.* Op. cit. P. 279–282.

[61] *Осинский В.* Указ. соч.

[62] СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

[63] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 599.

[64] Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Народность и родной язык населения СССР. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1928. Вып. 4.

[65] В инструкции тверского статистического бюро подчеркивалось, что не следует путать народность и вероисповедание; при этом приводились традиционные для дореволюционной эпохи примеры того, как вместо великорусов писали «православные», поляков — «католики», татар — «мусульмане» (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 24. Л. 6).

[66] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 8. Л. 11, 105–116.

[67] Там же. Л. 115.

[68] Там же. Л. 114 об.
[69] Там же. Д. 8. Л. 115.
[70] Там же. Д. 44. Л. 1.
[71] Там же. Д. 26.
[72] О всесоюзной переписи населения 1926 г. Дополнения и разъяснения. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 18. Л. 141 об.
[73] *Сталин И.В.* Марксизм и национальный вопрос // Сталин И.В. Собр. соч.: В 16 т. М., 1946. Т. 2. С. 290–367.
[74] *Ермолаев В.М.* Демографическая перепись: Руководство для работников переписи и слушателей статистических курсов. Казань, 1924.
[75] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 8. Л. 113 об.
[76] Там же. Л. 115.
[77] Там же. Л. 114 об.
[78] Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки... Вып. 4.
[79] Там же.
[80] Система разработки материалов переписи населения 1926 года. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 30. Л. 2–13.
[81] Там же. Д. 4. Л. 14.
[82] Там же. Л. 166.
[83] Там же. Л. 28.
[84] СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 23. Л. 65.
[85] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 4.
[86] СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 23. Л. 30.
[87] Там же. Л. 212.
[88] Тавлинцы, хакасы, ойраты, кряшены, тептяри, уйгуры.
[89] Резолюции ЦСУ по поводу перечня народностей РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 9. Л. 59.
[90] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 4. Л. 35; Д. 47. Л. 39.
[91] Там же. Л. 9.
[92] Программы и пособия к разработке всесоюзной переписи населения 1926 года. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1927. Вып. 7: Перечень и словарь народностей. С. 4.
[93] В отчете Центральной контрольной комиссии ВКП(б), посвященном осуществлению национальной политики в Средней Азии, А.Г. Караев выражал возмущение по поводу сохраняющегося деления на европейцев и азиатов. Он приходил к выводу, что «красной нитью всех дискуссий остается колониализм» (ГАРФ. Ф. 374. Оп. 27с. Д. 1708. Л. 206).
[94] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 10.
[95] Инструкция статистического бюро Киргизии РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 47. Л. 39.

[96] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 44. Л. 1.
[97] Там же. Д. 4. Л. 5.
[98] *Werth P. W.* From «Pagan» Muslims to «Baptized» Communists: Religious Conversion and Ethnic Particularity in Russia's Eastern Provinces // Comparative Studies in Society and History. 2000. Vol. 42 (3). P. 497–523.
[99] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 24.
[100] Там же. Д. 4. Л. 8. См. также об этом выводы Центральной контрольной комиссии ВКП(б), предлагавшей объединить 100 тыс. кряшен с татарами (ГАРФ. Ф. 374. Оп. 27 с. Д. 1702). В последующих переписях кряшены исчезают из перечня национальностей – чтобы вновь появиться в нем в 2002 году.
[101] СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 23. Л. 110.
[102] Там же. Л. 109.
[103] Там же. Л. 131.
[104] Там же. Л. 227.
[105] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 4. Л. 35.
[106] *Holquist P.* Making War, Forging Revolution. Harvard, Cambridge, 2002.
[107] В 1927 году Москва вновь пыталась сломить сопротивление республиканского руководства и настоять на создании автономной области казачества в Казахстане (ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. С. 496–499).
[108] Казачество Северо-Кавказского края: Итоги переписи населения 1926 г.
[109] ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 19. Д. 104. Л. 57, 59, 95.
[110] В публикациях ЦСУ СССР ни слова не говорилось о регистрации казаков. См.: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1928. Т. 5: Крымская АССР, Северо-Кавказский край, Дагестанская АССР: народность, родной язык, возраст, грамотность.
[111] В 1853 году П.И. Кеппен не стал включать кряшен в свою карту, ссылаясь на то, что «это не народ, а состояние». Он рассматривал их как промежуточную группу между крестьянами и солдатами-башкирами, состоявшую первоначально из черемисов, вотяков и чувашей (*Кеппен П.* Об этнографической карте европейской России. 2-е изд. СПб.: ИРГО, 1853. С. 21). В 1908 году этнографы объясняли, что этот термин является не этническим, а сословно-экономическим, а кряшены состоят из вотяков, черемисов, а главное, татар, переселившихся в Башкирию (О тептярях // Этнографическое обозрение. М., 1908. № 1–2. Кн. 76–77. С. 221).
[112] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 4. Л. 4-5.
[113] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 23. Л. 92 об.
[114] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 4. Л. 123–124.
[115] Там же. Д. 26.
[116] Там же. Д. 47. Л. 39.

[117] Там же. Д. 23. Л. 229.
[118] Цит. по: *Бронникова О.М.* Сарты в этнической истории Средней Азии // Этносы, этнические процессы. М.: Наука, 1993. С. 152.
[119] *Магидович И.* Материалы по районированию Средней Азии. Ч. 1. Ташкент., 1926. С. 172–174.
[120] *Baldauf I.* Some Thoughts on the Making of the Uzbek Nation // Cahiers du Monde russe et soviïtique. 1991. № 32 (1). P. 82.
[121] *Кун В.* К вопросу о статистическом учете племенной группы в Туркестане. С. 164.
[122] *Кун В.* Изучение этнического состава Туркестана // Новый Восток. 1924. № 6. С. 353.
[123] *Зарубин И.И.* Население Самаркандской области // Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Л., 1926. № 10. С. 20–21.
[124] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 4. Л. 5.
[125] СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 23. Л. 110 об.
[126] Там же. Л. 64.
[127] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 4. Л. 35.
[128] Там же. Л. 36.
[129] Там же. Л. 35.
[130] СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 23. Л. 110.
[131] Там же. Л. 132 об., 228.
[132] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 4. Л. 6.
[133] СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 23. Л. 112. Так, существовали Ойратская и Хакасская автономные области.
[134] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 10.
[135] Там же. Д. 4. Л. 8.
[136] Там же. Д. 10. Л. 86.
[137] Там же. Д. 11. Л. 73.
[138] Там же. Л. 64 об.
[139] Там же. Л. 65–66.
[140] Там же. Д. 4. Л. 3, 4.
[141] *Зарубин И.И.* Список народностей СССР // Труды КИПС. 1927. № 13.
[142] Население СССР (перепись 1926 г.) / Под ред. С.И. Сулькевича. М.: ГИЗ, 1928.
[143] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 10.

Глава 8. 1929–1939 годы: Ускорение истории?

[1] *Viola L.* Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. Oxford; New York: Oxford University Press, 1996. P. 27; Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы: В 5 т. [1927–1930]. М.: РОССПЭН, 1999–2003.

[2] *Lewin M.* La Formation du système soviétique: essais sur l'histoire sociale de la Russie dans l'entre-deux guerres. Paris: Gallimard, 1987. P. 174–203; *Ивницкий Н.* Коллективизация и раскулачивание – начало 30-х годов. М.: Магистр, 1996; *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005; *Viola L.* The Other Archipelago. Stalin's Forced Deportation of the Kulaks and the Origins of the GULAG. New York: Oxford University Press, 2007.

[3] Депортации подлежали все бывшие представители польской шляхты, независимо от их доходов (Сталинские депортации, 1928–1953 / Сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М.: Междунар. фонд «Демократия»; Материк, 2005. С. 40–42).

[4] Само советское руководство продолжало выделять эти территории среди прочих. Так, 27 февраля 1930 года в «Правде» была опубликована статья, в которой утверждалось, что экономически и культурно отсталые районы еще не были готовы к проведению коллективизации. Тем не менее весной того же года раскулачивание возобновилось.

[5] *Oyahon I.* La Sédentarisation des Kazakhs dans l'URSS de Staline. Paris: Maisonneuve et Larose, 2006; *Piancola N.* Famine in the Steppe. Collectivization of agriculture and the Kazak Herdsman, 1928–34 // Cahiers du Monde Russe. 2004. V. 45 (1–2). P. 137–192; *Graziosi A.* Les famines soviétiques de 1931–33 et le holodomor ukrainien. Une nouvelle interprétation est-elle possible et quelles en seraient les conséquences? // Cahiers du Monde Russe. 2005. № 46 (3).

[6] *Slezkine Y.* The Fall of Soviet Ethnography, 1928–32 // Current Anthropology. 1991. Part 32/4. P. 476–484; *Соловей Т.Д.* История отечественной этнологии первой трети XX века: от «буржуазной» этнологии к «советской этнографии». М.: РАН, 1998; *Bertrand F.* L'Anthropologie soviétique des années 20–30. Bordeaux: Presses universitaires de Bordeaux, 2002; *Hirsch F.* Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell University Press, 2005.

[7] *Edgar A.L.* Tribal nation. The Making of Soviet Turkmenistan. Princeton: Princeton University Press, 2004. P. 155–156.

[8] *Graham L.R.* The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927–1932. Princeton: Princeton University Press, 1967; *Vucinich A.* Empire of Knowledge. Berkeley; Los Angeles; London: University of

California Press, 1984; Академическое дело, 1929–1931. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова; Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б), 1922–1952 / Под ред. В.Д. Есакова. М.: РОССПЭН, 2000.

[9] АРАН. Ф. 377. Оп. 2. Д. 139. Л. 26 об.

[10] Там же. Л. 25 об.

[11] Хроника // Этнография. 1929. Кн. 7. № 1. С. 120–121.

[12] АРАН. Ф. 377. Оп. 2. Д. 139. Л. 52 об.

[13] *Slezkine Y.* Arctic mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. New York: Cornell University Press, 1994. P. 217–242.

[14] *Горбунова Г.П.* Об одной научной экспедиции // Антропологический журнал. 1932. № 1. С. 113; *Бернштам А.Н.* Идеализм в этнографии (Руденко и руденковщина) // Сообщения ГАИМК. 1932. № 1–2. С. 27.

[15] *Tillett L.* The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russians Nationalities. Chapell Hill: University of North Carolina Press, 1969; *Brandenberger D.* National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Cambridge: Harvard University Press, 2002.

[16] АРАН. Ф. 377. Оп. 2. Д. 139. Л. 46.

[17] Там же. Л. 16 об.

[18] Там же. Л. 56, 64.

[19] Так, в Московском и Ленинградском университетах были воссозданы кафедры этнографии.

[20] Советская этнография: Сборник статей. Л., 1939. С. 6.

[21] Там же. С. 5.

[22] *Moine N.* Passeportisation, statistique des migrations et contrôle de l'identité sociale // Cahiers du Monde Russe. 1997. № 38 (4). P. 587–600; *Idem.* Le Pouvoir soviétique face au petit peuple urbain: Clivages sociaux, assignation des identités et acculturation à Moscou dans les années 1930 / Thèse de Doctorat. Université de Lyon II, 2000; *Idem.* Passeports et territoire à l'époque stalinienne, 1932–1953 // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 2003. № 50-1. P. 145–170; *Hagenloh P.M.* «Socially Harmful Elements» and the Terror // Stalinism: New Directions / Sheila Fitzpatrick (Ed.). London; New York: Routedge, 2000. P. 286–308; *Kessler G.* The Passport System and State Control over Population Flows in the Soviet Union, 1932–1940 // Cahiers du Monde Russe. 2001. № 42/3-4. P. 477–504; *Shearer D.* Elements Near and Aliens: Passeportization, Policing and Identity in the Stalinist State, 1932–1952 // The Journal of Modern History. 2004. Vol. 76. № 4. P. 835–881.

[23] *Zaslavsky V.* The Neo-Stalinist State: Class, Ethnicity, and Consensus in Soviet Society. New York: Armonk, 1994.

[24] *Попов В.П.* Паспортная система в СССР (1932–1976 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 8. С. 3.

[25] *Moine N.* Op. cit. Система паспортов была распространена на всех жителей СССР без исключения только в 1974 году.

[26] Выдержка из постановления № 57/1917 о введении паспортов, цит. по: *Попов В.П.* Указ. соч. С. 3. См. текст постановления в сборнике документов: ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос / Сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2005. С. 699–701.

[27] Лубянка, Сталин и главное управление госбезопасности НКВД, 1937–1938. М.: Материк, 2004. С. 401–402.

[28] *Ватлин А.Ю.* Террор районного масштаба. «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области, 1937–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2004; *Werth N.* L'Ole aux cannibales. Paris: Perrin, 2006.

[29] Интерес органов НКВД к контролю и идентификации представителей этих национальностей проявился во время переписи 1937 года. В апреле 1937 года ЦУНХУ получило секретный запрос от НКВД Белоруссии с просьбой предоставить полученные в результате переписи сведения о польском населении «и прочих национальностях» Минска и других городов БССР согласно следующей схеме: фамилия, имя, отчество, точный адрес, место работы, возраст и год рождения (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 151. Л. 198).

[30] Из истории «национального вопроса» в СССР // Мемориал-Аспект. 1994. № 10–11. С. 12.

[31] *Moine N.* Passeports et territoire à l'époque stalinienne... P. 166.

[32] *Hirsch F.* Towards an Empire of Nations: Borders Making and the Formation of Soviet National Identities // The Russian Review. 2000. Vol. 59. P. 297–302.

[33] АРАН. Ф. 77. Оп. 1–1938. Д. 41.

[34] Сталинские депортации... С. 37.

[35] *Blum A., Mespoulet M.* L'anarchie bureaucratique. Statistique et pouvoir sous Staline. Paris: La Découverte, 2003. P. 282–284.

[36] Лубянка, Сталин и главное управление госбезопасности НКВД... С. 270–271.

[37] Там же. С. 270–271.

[38] Наказанный народ: Репрессии против российских немцев. М.: Звенья, 1999. С. 35.

[39] О решениях депортировать или выселить иранцев и китайцев см.: Сталинские депортации... С. 98–104.

[40] В 1897 году их было 23 000, в 1917 году – 53 000, а в 1926 году – 168 009. В период реквизиций зерна и коллективизации 50 000 корейцев покинули Советский Союз (до 1930 г.) (*Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001. P. 317).

[41] См. документы об этой депортации в сборнике: Сталинские депортации... С. 80–97.

[42] Первыми публикациями по этой теме являются: Белая книга о депортации корейского населения России в 30–40-х годах / Сост. Ли У Хе, Ким Ен Ун. М.: Интерпракс, 1992. Кн. 1; Депортации народов СССР (1930–1950-е годы) / Сост. Л.О. Милова. М., 1992. Ч. 1; Так это было: национальные репрессии в СССР, 1919–1952 годы / Сост. С.У. Алиева: В 3 т. М., 1993; *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «согласно Вашему указанию». М.: АИРО-ХХ, 1995; *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ, народы в эшелонах (20–60-е годы). М.: ИНСАН, 1998. См. также публикации общества «Мемориал», прежде всего: Наказанный народ: Репрессии против российских немцев...; Репрессии против поляков и польских граждан. М.: Звенья, 1997. Синтез на основе этих и других документов представлен в сб.: Сталинские депортации, 1928–1953 / Сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М.: Междунар. фонд «Демократия»; Материк, 2005; *Полян П.* Не по своей воле: История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001; *Martin T.* Op. cit. P. 311–341. См. также интересные публикации последних лет: Лубянка, Сталин и главное управление госбезопасности НКВД...; Сталинские депортации...

[43] Уже в момент переписи января 1937 года они были охарактеризованы как особая группа среди советских народов, с созданием статистической категории иностранцев, временно проживающих или официально перешедших в гражданство СССР. Секретарь Совета национальностей А.И. Хацкевич попросил выделить «выходцев» из зарубежных стран, постоянно проживающих в СССР (*Гранде Б.* Список народностей СССР // Революция и национальности. 1936. № 4. С. 74).

[44] *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М.: Звенья, 1997. С. 22–39.

[45] Лубянка, Сталин и главное управление госбезопасности НКВД... С. 273–281.

[46] Там же.

[47] *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* Указ. соч. С. 23.

[48] Харбинцы – выходцы из Российской империи, участвовавшие в строительстве и обслуживании КВЖД. Переселившись в СССР, работали на различных предприятиях и железнодорожном транспорте. Эта группа, насчитывавшая около 25 000 человек, была обвинена в шпионаже в пользу Японии и внесена в список враждебных национальностей, подлежавших депортации (Лубянка, Сталин и главное управление госбезопасности НКВД... С. 366–368).

[49] Там же. С. 468–469.

[50] *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* Указ. соч. С. 33–42.
[51] *Martin T.* The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // The Journal of Modern History. 1998. № 70. P. 855.
[52] Ibid.; *Martin T.* The Russification of the RSFSR // Cahiers du Monde Russe. 1998. № 39 (1–2). P. 99–117.
[53] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 976. Л. 2 (20 апр. 1936 года).
[54] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 326. Д. 116. Л. 16.
[55] В переписи 1939 года, занявшей несколько дней, участвовало 400 000–450 000 счетчиков (*Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996. С. 5).
[56] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 722. Л. 8 об.
[57] Там же. Л. 9.
[58] ЦУНХУ в своей роли специалиста по демографическим эволюциям пришло к выводу о снижении рождаемости и росте смертности, ни слова при этом не сказав о голоде 1933 года. В 1934 году вспыхнул конфликт между статистическим аппаратом и руководством НКВД, которое приводило другие цифры. Перепись января 1937 года проходила в чрезвычайно напряженной атмосфере: даже продолжая отстаивать свою техническую компетентность и надежность своих цифр, статистики, среди которых было мало коммунистов, знали, что находятся под прицелом Кремля (*Blum A.* À l'origine des purges de 1937: l'exemple de l'administration de la statistique démographique // Cahiers du Monde Russe. 1998. № 39 (1–2). P. 169–196).
[59] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 976. Л. 1 (20 апр. 1936 года).
[60] *Волков А.Г.* Из истории переписи населения 1937 года // Вестник статистики. 1990. № 8. С. 51.
[61] *Жиромская В.Б.* Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов // История СССР. 1990. № 3. С. 97.
[62] *Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Указ. соч. С. 96–103.
[63] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 339. Д. 143. Л. 138.
[64] Там же. Л. 51.
[65] В Свердловской области бригадир одной из строек был удивлен и возмущен этим вопросом, не понимая, какое он имеет отношение к «нашему строительству» (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 138).
[66] *Werth N.* Le pouvoir soviétique et l'Église orthodoxe dans les années 1930 // Revue d'Études Comparatives Est-Ouest. 1993. № 3–4. P. 41–106; *Luukkanen A.* The Religious Policy of The Stalinist State. A Case Study: The Central Standing Commission on Religious Questions, 1929–1938. Helsinki: SHS, 1997. P. 138–139.
[67] Жители двух сел Черняховской области Украинской ССР надеялись, что в результате переписи будет пересмотрено недавнее решение о закрытии двух церквей (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 10).

[68] Там же. Л. 61, 116, 141.
[69] Краваль, подводя итоги по вопросу об отношении населения к религии, подчеркивал, что верующие надеялись на вмешательство Лиги Наций, которая через М.М. Литвинова надавит на советское правительство и заставит открыть церкви. Международное давление сыграло большую роль в решении вопроса о меннонитах, которым в начале 1930-х годов было разрешено покинуть СССР (*Martin T.* The Affirmative Action Empire... P. 319–320).
[70] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 137.
[71] Там же. Л. 115.
[72] Там же. Л.138.
[73] Там же. Л. 115.
[74] Там же. Л. 53–60.
[75] Там же. Л. 54.
[76] В отчете, посвященном Белоруссии, упомянуты четыре убийства, связанные с отказом того или иного члена семьи записаться верующим (Там же. Л. 51–68).
[77] Там же. Л. 63.
[78] Верующие Свердловской области говорили, что перепись упоминалась в Библии и что от нее надо было прятаться, потому что ночь переписи станет Варфоломеевской. Люди, прошедшие перепись, будут отмечены печатью Антихриста (Там же. Л. 137). В Белоруссии 200–250 христиан-евангелистов категорически отказались отвечать на вопросы счетчиков (Там же. Л. 52). В той же республике страх перед меткой, упоминаемый во всех отчетах, приобрел религиозный смысл: жители утверждали, что полученная в момент переписи метка позволит отличить верующих от неверующих и, когда через 15 дней после переписи наступит конец света, первые отправятся в рай, а вторые – в ад (Там же. Л. 64).
[79] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1396. Л. 147.
[80] Там же. Д. 1324. Л. 129.
[81] Она отказалась отвечать на вопрос о национальности и языке из страха, что ее, как украинку, причислят к украинской автокефальной церкви, тогда как она была прихожанкой православной церкви (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1396. Л. 147).
[82] Там же. Д. 1339. Л. 12 об.
[83] Там же. Оп. 329. Д. 116. Л. 71.
[84] Там же. Оп. 336. Д. 1439. Л. 1–24.
[85] «Инструкция к заполнению переписного листа», процитированная в книге: *Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Указ. соч. С. 14.
[86] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1935-1. Л. 63.
[87] В заседании участвовали: С.М. Диманштейн и Б.М. Гранде (Институт национальностей), Н.Ф. Яковлев (Всесоюзный центральный ко-

митет нового тюркского алфавита), А.Г. Гамбаров (Институт востоковедения), И. Кошкин (ИАЭ), А.Е. Скачко (Комитет народов Севера), Мансуров (Музей народов СССР), О.А. Квиткин (ЦУНХУ), а также представитель ЗСФСР Эфендиев, заместитель секретаря Совета национальностей Акимов и инструктор Президума ЦИК Богданов. Приглашение также получил В.Г. Богораз-Тан (ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 28. Д. 865. Л. 22; 26–27: протокол заседания 25 янв. 1936 года).

[88] Там же. Л. 26.

[89] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 754. Л. 1; «Инструкция к заполнению переписного листа», процитированная в книге: *Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Указ. соч. С. 14.

[90] Там же.

[91] Как объяснял в статье 1935 года Б.М. Гранде, филолог, сотрудник Института национальностей при ЦИК СССР, перечень 1926 года включал ряд имен, которые обозначали не народности, а более мелкую единицу, племена, а порой и территориальные названия или местные варианты этнонимов. Он делал вывод, что с момента переписи 1926 года произошли заметные изменения благодаря процессам национального и языкового строительства (*Гранде Б.* Материалы для уточнения списка народов СССР // Революция и национальности. 1935. № 4. С. 77).

[92] *Красовский Л.* Чем надо руководствоваться при составлении списка национальностей СССР // Революция и национальности. 1936. № 4. С. 71.

[93] Там же. С. 67.

[94] Протокол заседания сектора языкового строительства Института национальностей, февр. 1936 года // ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 28. Д. 865. Л. 16.

[95] Словарь национальностей для разработки Всесоюзной переписи населения 1937 года. М., 1937. С. 31.

[96] СПбФ АРАН. Ф. 77. Оп. 1–1936. Д. 40. Л. 92–92 об.

[97] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 151. Л. 94.

[98] *Красовский Л.* Указ. соч. С. 67–71.

[99] СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 79. Л. 80.

[100] Словарь национальностей для разработки Всесоюзной переписи населения 1937 года.

[101] ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 28. Д. 865. Л. 92.

[102] *Жиромская В.Б.* Указ соч.

[103] *Blum A.* Op. cit. P. 169–196.

[104] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 116. Л. 149.

[105] В 1926–1937 годах численность казахов сократилась с 3 968 289 до 2 862 458 человек (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 145. Л. 8).

[106] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 151. Л. 110–112.

[107] Количество лиц, зарегистрировавшихся как украинцы, сократилось с 31 194 976 в 1926 году до 26 421 212 человек в 1937 году (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 145. Л. 8).
[108] *Martin T.* The Affirmative Action Empire... P. 404.
[109] Помимо украинцев и казахов сократилась также численность мордвы (с 1 340 415 до 1 248 867 человек), немцев (с 1 238 549 до 1 151 601), туркмен (с 763 940 до 747 723), мари (с 428 192 до 401 092), якутов (с 241 365 до 239 307), карелов (с 248 120 до 233 006), молдаван (с 278 905 до 223 848), бурят-монголов (с 238 060 до 218 597), калмыков (с 129 321 до 127 423), абхазцев (с 56 957 до 55 561) (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 145. Л. 8).
[110] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 147. Л. 51.
[111] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1399. Л. 31.
[112] Там же. Д. 222. Л. 16.
[113] Там же. Д. 79. Л. 20.
[114] Там же. Д. 1302. Л. 11.
[115] Там же. Д. 1305. Л. 69.
[116] Например, в Туркменистане (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1399. Л. 31).
[117] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1402. Л. 84; Д. 1399. Л. 31. В Киргизии детям давали имена Каттоо Алтын и Каттоо Бай, что означало «Золотая перепись» и «Богатая перепись».
[118] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1401. Л. 85.
[119] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1317. Л. 174 (Новосибирская область).
[120] Уже в момент переписи 1937 года население, особенно на Украине, боялось введения карточной системы на хлеб (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 38. По поводу 1939 года см.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1305. Л. 39 (Ивановская область)).
[121] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1401. Л. 85 (Туркменистан).
[122] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1313. Л. 46 (Пермская область).
[123] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д.1401. Л. 85 (Туркменистан).
[124] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1320. Л. 40. В Ростовской области распространялся слух, что одной из целей переписи было посчитать женщин с длинными волосами, чтобы остричь у них косы.
[125] Так, например, один из счетчиков очень гордился тем, что обнаружил неизвестный даже местному сельсовету дом, где жили 13 человек. Они согласились принять участие в переписи после того, как счетчик объяснил, что так они смогут получать в будущем помощь от государства на своих десятерых детей (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1230. Л. 4).
[126] *Жиромская В.Б.* Указ соч. С. 90.
[127] Результаты переписи 1939 года по-настоящему не публиковались вплоть до начала 1990-х годов. До этого в нескольких сборниках и «Правде» были обнародованы лишь самые общие результаты (Всесоюзная перепись населения 1939: основные итоги. М.: Наука, 1992).

[128] Одна из свидетельниц рассказывала о том, как татарское население в Казани, страшась принудительного крещения, всячески старалось скрыться от переписи (Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1315. Л. 50).
[129] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1345. Л. 68.
[130] Как следует из нескольких дошедших до нас отчетов о ходе переписи, в 1937 году лица, не имевшие паспортов, также старались скрыться от счетчиков [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 967. Л. 77 (Алма-Ата). По 1939 году см.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1298. Л. 65].
[131] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1300. Л. 69; Д. 1316. Л. 34.
[132] Там же. Д. 1302. Л. 13.
[133] Там же. Д. 1400. Л. 36.
[134] Там же. Д. 1299. Л. 84—85.
[135] Там же. Д. 1350. Л. 145.
[136] Там же. Д. 1300. Л. 47.
[137] Там же. Д. 1299. Л. 33.
[138] Там же. Д. 1339. Л. 12 об.
[139] Там же. Д. 1300. Л. 11.
[140] Там же. Д. 79. Л. 20.
[141] Там же. Л. 20.
[142] Там же. Л. 18.
[143] Там же. Д. 107. Л. 2.
[144] Там же.
[145] Там же. Д. 79. Л. 19.
[146] Там же. Д. 107. Л. 2.
[147] Там же. Д. 208. Л. 67.
[148] Там же. Л. 68.
[149] АРАН. Ф. 394. Оп. 10. Д. 22. Л. 45-54.
[150] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 208. Л. 66.
[151] Там же. Л. 66.
[152] Там же. Д.1396. Л. 32.
[153] Там же. Д. 77. Л. 32 (2 февр. 1938 г.).
[154] *Wixman R.* The Peoples of the USSR: An Ethnographic Handbook. New York: M.E. Sharpe, Inc. Armonk, 1984. P. 185—186.
[155] ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 28. Д. 865. Л. 87.
[156] [Перечень национальностей к переписи 1939 г., полученный Верховным Советом осенью 1938 г.]. // ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 9. Д. 180. Л. 47.
[157] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 210. Л. 19.
[158] Там же. Д. 208. Л. 34.
[159] Узбекское УНХУ запросило мнение ряда ученых по вопросу о присоединении к таджикам шугнанцев, ваханцев, ишкашимцев, ягнобцев и язгулямцев. Эксперты сочли такое объединение недопустимым, так как речь шла о группах неиранского происхождения или по крайней

мере говоривших на неиранских языках и не ассимилировавшихся в силу того, что основная их масса жила в Афганистане. Билингвизм, на их взгляд, не мог служить аргументом, иначе надо было, например, причислить к узбекам таджиков, живших в УзССР и тоже бывших двуязычными (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 210. Л. 11).

[160] АРАН. Ф. 677. Оп. 6. Д. 95. Л. 19.

[161] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1-1938. Д. 43. Л. 28.

[162] Там же. Л. 27.

[163] Петросян подчеркивал, что целью переписи было не просто получение статистических данных и исследований о культурном развитии населения, но изучение национального состава, который он рассматривал как совокупность политических признаков (АРАН. Ф. 677. Оп. 6. Д. 95. Л. 18).

[164] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1-1938. Д. 43. Л. 24.

[165] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 208. Л. 34—63.

[166] Там же. Л. 116.

[167] По Конституции 1936 года высший орган СССР (Верховный Совет) состоял из двух палат: Совета Союза и Совета национальностей. Депутаты последней избирались не пропорционально численности населения (как в случае Совета Союза, то есть один депутат от 300 000 избирателей), а согласно статусу различных территориальных единиц: по 25 представителей от союзных республик, 11 — от автономных, 5 — от автономных областей, и по 1 — от каждого автономного округа.

[168] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 208. Л. 7—8.

[169] АРАН. Ф. 394. Оп. 10. Д. 22. Л. 45.

[170] Там же. Л. 54.

[171] Там же. Л. 57.

[172] Там же. Л. 38—39.

[173] Они добавляли, что в переписных листах можно встретить более 10 000 названий, которые предстояло объединить в ходе разработки переписи (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 79. Л. 21).

[174] Вопросы и ответы // Революция и национальности. 1934. № 4. С. 91—96.

[175] *Сталин И.* Марксизм и национально-колониальный вопрос: Сборник избранных статей и речей. М., 1934. С. 71.

[176] Там же. С. 155—165.

[177] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 208. Л. 52—64.

[178] АРАН. Ф. 394. Оп. 10. Д. 22. Л. 44.

[179] Там же. Л. 61.

[180] Там же. Л. 34.

[181] СПбФ АРАН. Ф. 77. Оп. 1938-1. Д. 23. Л. 3.

[182] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 208. Л. 54.

[183] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1-1938. Д. 43. Л. 41–42.
[184] Там же. Д. 205. Л. 55.
[185] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 206. Л. 118.
[186] В этот список входили 23 «национальных меньшинства»: арабы, афганцы, баски, дунганы, иранцы, испанцы, итальянцы, китайцы, корейцы, латгальцы, латыши, литовцы, эстонцы, норвежцы, поляки, сербы, словенцы, суоми (финны), турки, французы, чехословаки, шведы, японцы (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 9. Д. 180. Л. 11).
[187] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 210. Л. 8.
[188] Там же. Д. 208. Л. 52.
[189] Там же. Л. 33.
[190] АРАН. Ф. 394. Оп. 10. Д. 22. Л. 52.
[191] Так, по словам одного из счетчиков, в Красноярском крае пожилые люди на вопрос о гражданстве отвечали: «русское», «наше», «РСФСР», «сибирское» (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1297. Л. 55).
[192] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1295. Л. 84 (Краснодарский край).
[193] Большая советская энциклопедия. М.: ОГИЗ РСФСР, 1939. Т. 41. С. 372.
[194] Сталинские депортации... С. 98–104.
[195] О попытках создать советскую науку о расах, отличную от нацистской, см.: *Hirsch F.* Empire of Nations... Chap. 6.
[196] О различиях между советской и нацистской системами см. специальный номер журнала: Slavic Review. 2002. Vol. 61. № 1.
[197] *Daniels R.* Concentration Camps USA: Japanese Americans and World War II. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972.

Заключение

[1] Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices / David L. Hoffman, Yanni Kotsonis (Eds.). New York: St Martin Press, 2000. P. 245–261, и др.
[2] О проблеме идентификации в гитлеровской Германии см.: *Hilberg R.* La Destruction des Juifs d'Europe. Paris: Folio-Gallimard, 1991. Vol. 1; *Bryant C.* Either German or Czech: Fixing Nationality in Bohemia and Moravia, 1939–1946 // Slavic Review. 2002. Vol. 61. № 4. P. 683–706.
[3] *Fitzpatrick S.* Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // Journal of Modern History. 1993. № 65. P. 745–770; *Holquist P.* To Count, to Extract, to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Soviet Union / Ed. T. Martin, R.G. Suny. New York: Oxford University Press, 2001. P. 111–144.
[4] *Blum A., Mespoulet M.* L'anarchie bureaucratique. Statistique et pouvoir sous Staline. Paris: La Découverte, 2003; *Bertrand F.* L'Anthropologie soviétique des années 20–30. Bordeaux: Presses universitaires de Bordeaux, 2002; *Hirsch F.* Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell University Press, 2005.

[5] *Gousseff C.* «Kto nais, kto ne nais» théorie et pratiques de la citoyenneté à l'égard des populations conquises. Le cas des Polonais en URSS, 1939–1946 // Cahiers du Monde Russe. 2003. № 44/2-3. P. 519–558.

[6] *Полян П.* Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001. С. 107.

[7] *Nekrich A.M.* Les Peuples punis. Paris: Franзois Maspero, 1982, *Marie J.-J.* Les Peuples déportés d'Union soviétique. Paris: Éditions Complexe, 1995; *Полян П.* Указ. соч.

[8] См. гл. 8.

[9] «Статья 26:

1. Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности.
2. Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества». Статья 26 Конституции РФ была воспринята на местах как признание права заявлять о своей национальности. Национальные меньшинства, в частности татары, боролись за сохранение зримого присутствия нерусских идентичностей и их отражение в удостоверениях личности. Если вначале в законе предусматривалось, что в паспорте больше не будет фигурировать национальность индивида, в конце концов было позволено добавлять в паспорт страницы на местных языках, в которых будет обозначена принадлежность к местной территориальной и этнической единице (*Arel D.* Fixing Ethnicity in Identity Documents: the Rise and Fall of Passport Nationality in Russia // Canadian Review of Studies in Nationalism. 2003. Vol. 30. P. 125–136).

[10] Специальный номер (Recenser la Russie en 2002) журнала: Revue d'Études Comparatives Est-Ouest. 2003. Vol. 34. № 4.

[11] *Shevel O.* Between Identity and Real Politik: Russian Citizenship Policy Dilemmas // Paper The American Association for the Advancement of Slavic Studies. Boston, décembre 2004.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

ГПК — Главная переписная комиссия.

ИРГО — Императорское Российское географическое общество.

КИПС — Комиссия по изучению племенного состава России.

РАН — Российская академия наук.

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

ЦСК — Центральный статистический комитет.

ЦУНХУ — Центральное управление народно-хозяйственного учета.

СОДЕРЖАНИЕ

Жюльет Кадио

ЛАБОРАТОРИЯ ИМПЕРИИ:
РОССИЯ / СССР, 1860–1940

Дизайнер обложки
Т. Репина
Редактор
А. Дмитриев, И. Зубков
Корректоры
Т. Озерская, О. Косова
Компьютерная верстка
С. Пчелинцев

Налоговая льгота –
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

ООО Редакция журнала
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»
Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
Тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: http://www.nlobooks.ru

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 21. Тираж 1000. Заказ № 8209
Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфический комплекс
"Ульяновский Дом печати"»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Издания
«Нового литературного обозрения»
(журналы и книги)
можно приобрести в магазинах:

Интернет-магазин издательства «НЛО» — www.nlobooks.mags.ru

в Москве:
«Библио-Глобус» — ул. Мясницкая, 6, т. (495)924-46-80
Галерея книги «Нина» — ул. Бахрушина, 28, т. (495)959-20-94
«Гилея» — Тверской бульвар, 9 (помещение Московского музея современного искусства), тел. (495) 925-81-66
ГЦСИ — ул. Зоологическая, д.13, т. (495)254-06-74
Киоск «Новой газеты» на Страстном бульваре
Книготорговая компания «Берроунз» — т. (495)971-47-92
«Книжная лавка писателей» — ул. Кузнецкий мост, 18; т. (495)624-46-45
«Культ-парк» — магазин в здании ЦДХ на Крымском Валу
«Лавочка детских книг» — Старый Арбат, д.10, ТЦ «Старая улица», 3-й этаж т. (495)973-32-82
«Москва» — ул. Тверская, 8, т. (495)629-6483, (495)797-87-17
«Московский Дом книги» — ул. Новый Арбат, 8, т. (495)789-35-91
«Молодая гвардия» — ул. Большая Полянка, т. (495)238-50-01
«Проект ОГИ» — Потаповский пер., 8/12, стр. 2, т. (495)627-56-09
«Старый свет» — книжная лавка при Литинституте. Тверской бульвар, 25 (вход с М. Бронной), т. (495)202-86-08
«У Кентавра» — РГГУ, ул. Чаянова, д.15, т. (495)250-65-46
«Фаланстер» — М. Гнездниковский пер., д.12/27, т. (495)629-88-21

в Санкт-Петербурге:

Склад издательства — Лиговский пр., д. 27/7, т. (812)579-50-04
«Академкнига» — Литейный пр., 57, т. (812)230-13-28
«Вита Нова» — Менделеевская линия, 5, т. (812)328-96-91
Киоск в Библиотеке Академии наук — ВО, Биржевая линия, 1
Киоск в Доме кино — Караванная ул., 12 (3 этаж)
«Книги и кофе» — Наб. Макарова, 10 (кафе-клуб при Центре современной литературы и искусства), т. (812)328-67-08
«Книжная лавка писателей» — Невский пр., 66, т. (812)314-47-59
«Книжная лавка» в фойе Академии художеств — Университетская наб., 17
Книжные салоны при Российской национальной библиотеке — Садовая ул., 20; Московский пр., 165, т. (812)310-44-87
«Книжный окоп» — Тучков пер., д.11/5 (вход в арке), т. (812)323-85-84
«Книжный салон» — Университетская наб., 11 (в фойе филологического факультета СПбГУ), т. (812)328-95-11
Книжный магазин-клуб «Квилт» — Каменноостровский пр., 13, т. (812) 232-33-07
«Подписные издания» — Литейный пр., 57, т. (812)273-50-53

«Порядок слов» — Наб. реки Фонтанки, 15 (магазин при РХГА), т. (812)310-50-36
«Ретро» — Стенд № 24 (1 этаж) на книжной ярмарке в ДК Крупской; ул. Обуховской обороны, 105
«Санкт-Петербургский Дом книги» (Дом Зингера) — Невский пр., 28, т. (812)448-23-57
«Фонотека» — ул. Марата, 28, т. (812)712-30-13

в Екатеринбурге:
«Дом книги» — ул. Антона Валека, т. (343)358-12-00

в Нижнем Новгороде:
«Дирижабль» — ул. Б.Покровская, д.46, т. (312)31-64-71

в Воронеже:
«Галерея»

в Красноярске:
«Русское слово» — ул. Ленина, д.28, т. (3912)27-13-60

в Ярославле:
«Книжная лавка гуманитарной литературы» — т. (4852)72-57-96

в Минске:
ИП Людоговский А.С. — ул. Козлова, 3.
ООО «МЕТ» — т. 10-375-172-84-90-21; 10-375-172-84-36-21(факс)

в Киеве:
ООО «АВР» — т. (044)273-64-07
Книжный интернет-магазин «Лавка Бабуин» (http://lavkababuin.com)
ул. Верхний Вал, 40, оф. 7 (код #423),
т.: +38(044)537-22-43; +38(050) 444-84-02

в Стокгольме:
Русский книжный магазин «INTERBOK» — Hantverkargatan, 32, Stockholm, т. 08-651-11-47

а также в Интернете:
www.bolero.ru
http://lavkababuin.com
www.mkniga.com
www.ozon.ru

Книга посвящена влиянию российских ученых (статистиков, этнографов и специалистов по демографии) на практики управления империей и разнородную динамику жизни составляющих ее народов в переломные полвека истории – от эпохи контрреформ Александра III до предвоенного сталинского террора. Автор исследует вклад обществоведов в формулировку критериев этнической идентичности (от языкового до хозяйственно-географического) в эпоху национального пробуждения и коренной ломки прежнего общественного строя. Взаимодействие науки и политики детально изучено на примере организации всеобщих переписей 1897, 1926, 1937 и 1939 годов и обработки/осмысления их материалов. Ж. Кадио показывает, что изменения в отечественном «нациоведении» после 1917 года выражали не только устремления новой власти, но и бурное развитие федерализма и национальных культур на местах, а также наследие прежних академических и административных традиций.

ISBN 978-5-86793-821-5
9 785867 938215

Новое
Литературное
Обозрение

Жюльет Кадио

Лаборатория империи: Россия/СССР, 1890 – 1940